

ЕЛЕНА ВОРОНИНА
Ихтионимы в марийском языке
(историко-этимологический анализ)

ЕЛЕНА ВОРОНИНА

Ихтионимы в марийском языке
(историко-этимологический анализ)

UNIVERSITY OF TARTU
Press

Институт эстонского и общего языкознания факультета гуманитарных наук
и искусств Тартуского университета

Диссертация допущена к защите на соискание ученой степени доктора
философии (уральские языки) 4 декабря 2018 года Советом института
эстонского и общего языкознания Тартуского университета

Научные руководители: Тыну Сейлентхал, доцент хунгарологии и уральских
языков, Тартуский университет

Анатолий Николаевич Куклин, †
доктор филологических наук, профессор Марийского
государственного университета, член-корр. РАН

Олег Арсентьевич Сергеев,
кандидат филологических наук, заведующий отделом
языка МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева

Оппонент: Эльвира Ивановна Пекшеева,
кандидат филологических наук, старший научный
сотрудник МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева

Защита состоится 16 апреля 2019 г. в 14.15 в ауд. 204 главного здания
Тартуского университета

Диссертационная работа осуществлена при поддержке Докторантской
школы по языкознанию, философии и семиотике; Европейского социаль-
ного фонда и Европейского фонда регионального развития (Проект
ASTRA PER ASPERA Тартуского университета).

European Union
European Regional
Development Fund

Investing
in your future

ISSN 1406-2631

ISBN 978-9949-03-002-6 (print)

ISBN 978-9949-03-003-3 (pdf)

Copyright: Elena Voronina, 2019

University of Tartu Press

www.tyk.ee

ПРЕДИСЛОВИЕ

С огромным удовольствием выражаю благодарность всем тем, кто помог мне осуществить и опубликовать настоящее исследование. Прежде всего, хочу поблагодарить моих замечательных научных руководителей Тыну Сейлентхалю, Анатолия Николаевича Куклина, Олега Арсентьевича Сергеева. Я безмерно признательна профессору Урмасу Сутропу за его сотрудничество и своевременные замечания.

Я признательна рецензентам диссертации старшему научному сотруднику МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева Эльвире Ивановне Пекшеевой и сотруднику Института эстонского языка Свен-Эрику Соосаар за их объективную оценку и ценные советы.

Искренне благодарю Программу родственных народов за предоставление уникальной возможности учиться в Тартуском университете, руководителя Тыну Сейлентхалю и координатора Центра коренных финно-угорских народов им. Пауля Аристэ Кади Сарв. А также приношу огромную благодарность секретарю кафедры финно-угорских языков Тиие Маргус за решение организационных вопросов, за редактирование текста резюме на эстонском языке и за ее советы и постоянную помощь в моей работе.

Особая благодарность Елене Ведерниковой за перевод резюме к настоящей работе на английский язык, профессору Института финно-угроведения Раисии Алексеевне Кудрявцевой за ценные советы, сотруднику МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева Андрею Валерьевичу Чемышеву за форматирование данной работы, Елене Игнатьевой за редактирование текстов и всем, кто тем или иным образом помогал мне.

Мои самые искренние, сердечные слова благодарности своим уважаемым родителям Светлане Аркадьевне и Василию Александровичу Лебедевым, моей бабушке Ульяне Александровне, а также всем родственникам за их веру в меня и поддержку. И, конечно же, глубоко признательна своему супругу Сергею за помощь и искренний интерес к моей работе.

Слова благодарности приношу и моим друзьям – финно-угорским студентам, которые всегда были готовы протянуть руку помощи, и благодаря которым учеба в Тарту была одним из лучших периодов моей жизни.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
История изучения ихтионимов	11
Ихтиогеографический анализ Республики Марий Эл	15
ГЛАВА I. ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	17
I.1. Методика анализа материала. Теоретическая часть (современные принципы этимологизации)	17
I.2. Этимологический анализ ихтиологической лексики с позиций синхронии и диахронии	20
ГЛАВА II. СИСТЕМА НАЗВАНИЙ РЫБ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	95
II.1. Происхождение названий рыб в марийском языке	97
II.2. Словообразовательная и семантическая характеристика названий рыб в марийском языке	103
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	113
ЛИТЕРАТУРА	116
СОКРАЩЕНИЯ	125
КОККУВӰТЕ	128
SUMMARY	132
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	136
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	137
КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ	145
ELULOOKIRJELDUS	146

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших задач в марийском языкознании является изучение словарного состава литературного языка и диалектов.

С 90-х годов XX века уделяется большое внимание вопросам формирования и функционирования отдельных лексико-семантических групп. Между тем отдельные терминологические системы остаются малоизученными. Такой является и ихтиологическая лексика марийского языка. Именно это обстоятельство определило выбор темы настоящей диссертации, которая посвящена историко-этимологической характеристике названий рыб в марийском языке.

В словарном фонде марийского языка ихтиологическая лексика занимает немаловажное место, где значительную часть составляют диалектные наименования, неизвестные литературным вариантам марийского языка.

Как известно, рыбная ловля является одним из самых древних занятий человека. Если сначала она была способом добычи средств к существованию, то в наше время рыбалка является и отличным спортивным хобби.

По справедливому замечанию А.-Р.Хаузенберга “новые сведения могут быть почерпнуты именно в тематических разработках лексики, связанной с древнейшим жизненным укладом” (Хаузенберг 1972: 177).

Некоторые из анализируемых в диссертации ихтионимов известны в этимологической литературе. Однако ряд этимологий, даже относящихся к числу общепринятых, нуждается в уточнении и дополнении ввиду новых материалов, содержащих уникальные данные. Следует при этом заметить, что о происхождении некоторых марийских названий рыб нет никаких высказываний ни в работах отечественных, ни в очерках зарубежных учёных.

Кроме того, большинство из представленных в исследованиях ихтионимов не имеют однозначного этимологического толкования. Необходимо также отметить, что не все названия рыб собраны и зафиксированы в словарях. Замечено, что марийские названия рыб исчезают или заменяются, в первую очередь, русскими эквивалентами значительно быстро. Поэтому с научно-лингвистической точки зрения, анализ слов, относящихся к классу рыб, как целостной лексической группы является ценным и актуальным.

Актуальность темы исследования, таким образом, обусловлена:

1. недостаточной изученностью данной лексико-тематической группы;
2. необходимостью специальной комплексной этимологической интерпретации ихтионимов марийского языка;
3. необходимостью совершенствования семантической стороны этимологических исследований, как в области исконной, так и в области заимствованной лексики;
4. необходимостью обобщения всей массы марийских народных названий рыб в отдельном тематическом словаре.

Основная цель диссертации – историко-этимологический и словообразовательно-семантический анализ одной из тематических групп словарного состава марийского языка – названий рыб.

Достижение поставленной цели требует решения следующих задач: 1) сбор и классификация ихтионимов, собранных из разных источников; 2) выявление и интерпретирование ихтиологической лексики с точки зрения этимологии; 3) выявление мотивационных признаков наименований рыб; 4) определение историко-генетических пластов ихтиологической лексики; 5) изучение структуры и способов словообразования лексики данной тематической группы.

При решении поставленных задач применялись следующие методы: сопоставительный метод, историко-этимологический анализ (синхронный и диахронический анализы) при изучении генетических пластов, метод сплошной выборки терминов, синхронно-описательный метод при исследовании номинации, компонентный анализ при выборе оптимального термина из ряда синонимов и дублетов, структурно-морфологический метод при выявлении структурных типов и моделей образования названий.

Предметом изыскания предлагаемой диссертационной работы является ихтиологическая лексика марийского языка.

Исходя из цели и задач исследования, сложилась структура диссертационного исследования. Первая глава посвящена историко-этимологическому анализу, где рассмотрена методика анализа материала, современные принципы этимологизации. В данной главе содержатся этимологические статьи, где даются этимологическое и смысловое толкование 228 ихтионимам.

Вторая глава посвящена анализу данной тематической группы в лексико-семантическом, ономастическом и словообразовательном аспектах. Здесь также рассматривается происхождение названий рыб в марийском языке.

Основными источниками для написания работы являются рукописные и печатные словари XVII–XIX веков, хранящиеся в архивах Казанского университета и МарНИИЯЛИ, многочисленные словари по марийскому языку и его диалектам, появившиеся в советское и постсоветское время, диалектный словарь марийского языка Эдена Беке (1997–2001), марийский словарь под редакцией А. Моисио и С. Сааринен (2008), а также диалектные материалы по опросу, записанные автором в разных районах Марий Эл (2010–2011).

В результате изучения охарактеризованной выше литературы и опроса нами было выявлено 228 наименований пресноводных рыб и рыбообразных, населяющих водоемы Марий Эл. Это диалектные названия, бытующие в языке рыбаков и рыболовов, литературные и принятые в науке термины.

Для анализа привлечены дополнительные источники. Это использование специальной литературы, связанной с рыболовством, обращение к которой обусловлено, во-первых, внеязыковой направленностью изучае-

мого материала, во-вторых, тем, что в картотеках и в лингвистических словарях названия рыб представлены часто с неточным, ошибочным толкованием, без латинских эквивалентов, что затрудняет идентификацию ихтионома, так как одно и то же название может обозначать разные виды рыб.

Особое место среди использованной литературы занимают этимологические словари: *Uralisches etymologisches Wörterbuch*, K. Rédei; *Indo-germanisches Etymologisches Wörterbuch*, Pokorny J.; *Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Language*, Collinder B.; *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der türksprachen*, Räsänen M.; *Suomen kielen etymologinen sanakirja* Toivonen, Yrjö; *Itkonen, Erkki*; *Aulis J. Joki*; *Estnisches etymologisches Wörterbuch*, Mägiste J.; *Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков*, В.И. Вершинин; *Марий мут-влак кушеч лиймышт (этимологический мутер)* В.И. Вершинин; *Краткий этимологический словарь коми языка*, В.И. Лыткин; *Этимологический словарь чувашского языка*, Егоров В.Г.; *Татар теленен кыскача тарихи – этимологик сузлеге*, Әхмәтъянов Р.Г.; *Этимологический словарь русского языка*, М. Фасмер; *Eesti etümoloogiasõnaraamat*, Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar; *Etymological Dictionary of Hungarian (Этимологический словарь венгерского языка)* Tóth, Alfréd; *Nykysuomen etymologinen sanakirja*, Häkkinen, Kaisa.

Кроме того, привлечены разного рода словари – диалектные, толковые, литературных языков, двуязычные; диалектные атласы, монографии, многочисленные статьи по лингвистическим исследованиям.

Теоретической и методологической основой служат труды отечественных и зарубежных лингвистов в области общего языкознания и финно-угроведения, как Г. Берецки, Ю. Вихман, М. Мягера, Ю. Мягисте, П. Аристэ, Х. Паасонена, Г. Рамстеда, К. Редей, Э. Сетеля, А.Р. Хаузенберга, Э. Итконена, М. Рясянен, М. Силаши, И. Шебештьеной, И.С. Галкина, Н.И. Исанбаева, Д.Е. Казанцева, Л.П. Грузова, Ф.И. Гордеева, М.Р. Федотова, В.И. Лыткина, Б.А. Серебренникова, Р.Г. Ахметьянова, Г.В. Лукоянова, А.Н. Ракина, А.А. Саватковой, В.В. Усачева и др.

Материал систематизирован на основе научной классификации, принятой в ихтиологии, по отрядам, по семействам, а внутри них по родам и видам. Проанализированы следующие семейства и виды:

1. Миноговые (*Petromyzontidae*): европейская ручьевая минога (*Lampetra planeri*), каспийская минога (*Caspiomyzon wagneri*).
2. Осетровые (*Acipenseridae*): русский осётр (*Acipenser gueldenstaedtii*), русский осетр, белуга (*Huso huso*), стерлядь (*Acipenser ruthenus*), шип (*Acipenser nudiiventris*).
3. Сельдевые (*Clupeidae*): обыкновенная каспийская тюлька (*Clupeonella caspia*), сельдь-черноспинка (*Alosa kessleri*), волжская сельдь (*Alosa volgensis*).
4. Лососевые (*Salmonidae*): ряпушка европейская (*Coregonus albula*), пелядь (*Coregonus peled*), ручьевая, озёрная форель (*Salmo trutta*),

белорыбица (*Stenodus leucichthys*), хариус европейский (*Thymallus thymallus*).

5. Корюшковые (*Osmeridae*): корюшка европейская – снеток (*Osmerus eperlanus m. spirinchus*).
6. Щуковые (*Esocidae*): обыкновенная щука (*Esox lucius Linne*).
7. Угревые (*Anguillidae*): речной угорь (*Anguilla anguilla*).
8. Карповые (*Cyprinidae*): лещ (*Abramis brama*), синец (*Ballerus ballerus*), белоглазка (*Abramis sara*), быстрянка (*Alburnoides bipunctatus*), уклейка (*Alburnus alburnus*), жерех (*Aspius aspius*), густера (*Blicca bjoerkna*), карась обыкновенный (*Carassius carassius*), карась серебряный (*Carassius auratus gibelio*), подуст волжский (*Chondrostoma nasus variable*), сазан (*Cyprinus carpio*), карп (*Cyprinus carpio, carpio*), пескарь (*Gobio gobio*), верховка (*Leucaspius delineates*), голавль (*Squalius cephalus*), язь (*Leuciscus idus*), елец (*Leuciscus leuciscus*), чехонь (*Pelecus cultratus*), озерный голянь (*Phoxinus phoxinus*), речной голянь (*Phoxinus phoxinus*), горчак амурский (*Rhodeus sericeus*), плотва обыкновенная (*Rutilus rutilus*), красноперка (*Scardinius erythrophthalmus*), линь (*Tinca tinca*), белый амур (*Ctenopharyngodon idella*), белый толстолобик (*Hypophthalmichthys molitrix*), пестрый толстолобик (*Hypophthalmichthys nobilis*).
9. Вьюновые (*Cobitidae*): обыкновенная щиповка (*Cobitis taenia*), вьюн обыкновенный (*Misgurnus fossilis*), голец (*Nemacheilus barbatulus*).
10. Сомовые (*Siluridae*): сом обыкновенный (*Silurus glanis*).
11. Тресковые (*Gadidae*): налим (*Lota Lota*).
12. Колюшковые (*Gasterosteidae*): девятииглая колюшка (*Pungitius pungitius*).
13. Иглобые (*Syngnathidae*): рыба-игла (*Syngnathus abaster*).
14. Окуневые (*Percidae*): обыкновенный ёрш (*Acerina cernua*), обыкновенный судак (*Lucioperca lucioperca*), берш (*Lucioperca volgensis*), окунь (*Perca fluviatilis*).
15. Головешковые (*Eleotridae*): ротан (*Perccottus glenii*).
16. Бычковые (*Gobiidae*): бычок-кругляк (*Neogobius melanostomus*), пуголка звездчатая (*Benthophilus stellatus*).
17. Рогатковые (*Gottidae*): обыкновенный подкаменщик (*Cottus gobio*).

Для обозначения реалии используются русский и латинский термины, принятые в ихтиологии для данного вида. Они внесены в заглавие. Далее описываются внешний вид, образ существования и иные свойства рыб. Марийские наименования, относящиеся к одному виду рыб, располагаются в хронологической последовательности, взятой из рукописных словарей и других источников. Приводятся луговое и горное литературные названия, диалектные названия из восточного и северо-западного наречий марийского языка. Названия приводятся в таком написании, в каком фигурируют в источнике. Каждое слово документировано: сообщаются сокращенные названия источников и страницы. Затем следует этимологическое и смысловое толкование ихтионима.

Данная диссертация, помимо этимологического, словообразовательного и семантического, предлагает также этнолингвистический анализ марийской ихтиологической лексики.

В 2010–2011 годах в разных районах Марий Эл автором проводился социоллингвистический опрос. Следует отметить, что цель опроса – получение дополнительной информации об ихтионимах, обитающих в водоемах Марий Эл. В ходе опроса мы также выявили и несколько диалектных наименований, которые в работе отмечены заглавной буквой А. Информанты, у которых сообщения были использованы в данном исследовании, указаны в приложении 1.

Ихтиологические термины исследования являются ценным лингвистическим материалом, поэтому их сбор, систематизация и историко-этимологическая интерпретация имеют большое значение для этногенеза как марийского, так и родственных финно-угорских, а также неродственных соседствующих народов Волго-Камского региона. Можно надеяться, что исследование окажется полезным для широкого круга научных работников в области биологии и языкознания, краеведов и учителей. Работа может быть положена в основу решения сложных вопросов дальнейшего упорядочения современной марийской ихтиологической терминологии, в создании единого марийского этимологического словаря.

История изучения ихтионимов

Изучение названий рыб в марийском языкознании

В последнее время в марийском языкознании большое внимание уделяется изучению лексико-семантических и терминологических групп слов, исследованию этнокультурной лексики народов Урало-Поволжья.

Названия отдельных рыб даны в этимологических исследованиях по марийскому языку (Гордеев 1979, 1983; Исанбаев 1994; Федотов 1990). Так, в этимологическом словаре марийского языка (Гордеев 1979, 1983) анализируется происхождение 8 названий рыб. А.С. Ефремов в своей статье “Названия рыб в марийских диалектах” (Ефремов 1981: 148–152) анализирует ихтиологическую терминологию. Отдельные стороны этой большой темы затронуты и в статьях, сообщениях (Исанбаев 1989: 122–123, 144–145; Куклин 1978: 51–59; Галкин 1986; Казанцев 1985: 111; Казанцев, Патрушев 1972).

Вопросов происхождения некоторых названий рыб в марийском языке касались в своих этимологических изысканиях и специалисты по другим финно-угорским языкам. Среди них следует назвать Э. Сетеля, Ю. Вихмана, Х. Паасонена, Э. Итконена, И. Шебештьена, М. Рясненена, Э. Беке, А. Йоки, К. Реден, С.Сааринен, А. Мойсио, Г. Берецки. К марийским названиям рыб не раз обращались и чувашские языковеды Г.В. Лукоянов, М.Р.

Федотов. Необходимый материал содержат этимологические словари по отдельным финно-угорским и тюркским языкам.

Исследованию марийских названий рыб посвящена диссертация Э.И. Пекшеевой “Ихтионимы и лексика рыболовства в марийском языке” (2012). Автор свою работу посвятила изучению ихтионимов и лексики рыболовства в марийском языке в лексико-семантическом, словообразовательном аспектах, обобщила представленные в различных работах некоторые этимологии названия рыб, частей тела рыб и рыболовных снастей.

Следует отметить, что исследование Э.И. Пекшеевой “Ихтионимы и лексика рыболовства в марийском языке” и данная диссертационная работа “Ихтионимы в марийском языке” преследуют различные цели (см. Введение).

В работе Э.И. Пекшеевой исследованы названий 42 видов рыб (6 отрядов и 10 семейств), которые классифицированы по книге Х.Ф. Балдаева и П.Г. Ефремова “Рыбы рек и озер Марийской АССР” (Йошкар-Ола, 1971). Представлено 218 названий рыб, в число которых входят и названия тех видов рыб, которые в водоемах Республики Марий Эл не обитают – морские рыбы (23 названия). Если считать только те виды рыб, которые обитают или обитали до определенного времени в рек и озерах Марий Эл, то, в частности, исследованы 185 марийских названий рыб, которые нуждаются в уточнении и дополнении ввиду новых материалов, содержащих уникальные данные. 8 названий, представленные в работе, исследователь причисляет к словам с неясной этимологией. Однако нам удалось из них выяснить семантику и происхождение 5 наименований: *туришо* (*турышко*) ‘голавль’, *турыш* (*юлысо турыш*) ‘подуст волжский’, *иш* ‘белорыбца’, *тарашкы* ‘густера’, *soroka* ‘плотва’.

В настоящее время в водоемах РМЭ зарегистрировано 52 видов и подвидов рыб и рыбообразных, объединенных в 2 класса, 13 отрядов и 17 семейств. В данной работе ихтиологический материал располагается на основе общепринятой научной классификации рыб (Список рыб пресных вод России). Комплексной углубленной этимологической характеристике подвергнут 228 марийских названий рыб, что на 40 наименований больше, чем в диссертации Э.И. Пекшеевой. В этимологических исследованиях для каждого наименования рыб, по возможности, дается семантическая реконструкция.

Следует признать, что терминология рыб в марийском языке не подвергнута более основательному анализу, а именно этимологическому исследованию.

Изучение названий рыб в финно-угорских языках

В эстонском языкознании имеется ряд работ, посвященных разноаспектному исследованию эстонской ихтиологической лексики. Изучением наименований рыб в эстонском языке занимались Й.Ж. Спул-Роталья «Kodumaa

kalad» («Рыбы Эстонии») (1896), Х. Риикойа «Kodumaa kalad: abiraamat kalade tundmaõppimiseks» («Рыбы Эстонии: руководство по изучению рыб») (1927), где нашли отражение в основном народные названия рыб.

В статье «Substraatseid kalanimetusi» («Субстратные названия рыб») (1975) П. Аристэ приводит этимологии для ряда ихтионимов, указывает на заимствования из немецкого и латышского, а некоторые названия рыб (*haug* 'обыкновенная щука' (*Esox lucius*), *koger* 'обыкновенный карась' (*Carassius carassius*), *koha* 'обыкновенный судак' (*Lucioperca lucioperca*), *siig* 'сиг' (*Coregonus*), *teib* 'елец' (*Leuciscus leuciscus*), *tint* 'корюшка' (*Osmerus*), *vimb* 'рыбец' (*Vimba vimba*), *ahven* 'окунь' (*Perca fluviatilis*), *rääbis* 'ряпушка' (*Coregonus albula*)) считает субстратом протоевропейского языка.

Следует отметить работы М. Мягепа «Juhend ja nimestik kalanimetuste kogumiseks» («Руководство и список для сбора имен рыб») (1973), «Kalanimetusi täiendavaks küsitlemiseks» («Названия рыб для дополнительного опроса») (1988), где отражены почти все названия народных названий рыб и подробно указаны с каких источников они были записаны. В статье «Eesti kalanimetustest» («Эстонские названия рыб») (1976) он делает вывод, что значительная часть эстонских наименований рыб составляют собственно эстонские слова и отмечает большую роль табу в образовании новых названий.

С рыбной фауной Эстонии знакомит и N. Mikelsaag в своей книге «Eesti NSV kalad» («Рыбы Эстонской ССР») (1984).

На данный момент ихтиологическая лексика в эстонском языкознании глубоко освещена в монографии Мари Кендла „Eesti kalanimetused: kujunemine, levik ja nimetamise alused / Estonian Fish Names: Formation, Distribution and Principles of Naming“ (2014) (перевод названия: «Эстонские наименования рыб: формирование, распространение и принципы номинации»). Работа посвящена всестороннему рассмотрению эстонских названий рыб, в котором предлагается полный список этих названий вместе с анализом лексем и имеющимися данными об их распространении и происхождении. Наряду с лингвистическим анализом лексики описываются внешний вид, образ существования и иные свойства рыб, а также роль их в жизни эстонцев, которая нашла отражение в верованиях, рыболовстве, питании и т. п.

В финском языкознании можно назвать работу A. Vilkuna «Kalanimistä kulttuurintutkimuksen lähteenä» («Названия рыб как источник культурологии»), в которой этимологические интерпретации некоторых финских названий рыб даны в этнокультурном аспекте.

В коми языкознании А.Н. Ракин в статье «Ихтионимическая лексика в пермских языках» исследует вопрос о происхождении ихтионимов в диахроническом плане.

С.В. Соколов в статье «Этимология некоторых удмурдских названий рыб» (1979) представлен этимологический анализ некоторых рыб. Вопросом названия рыб в удмуртском языкознании занимался и А.А. Ельцов,

который является автором научной статьи «Удмурт чорыг нимъёс» («Удмуртские названия рыб»).

Ихтионимическая лексика хантыйского языка была исследована в статье В.Н. Соловара и В.Д. Гатченко «Рыболовная лексика в языковой картине хантов», где названия рыб представлены в этнолингвистическом освещении.

В диссертации М.Е. Митрофановой «Финно-угорская лексика в мордовских и марийском языках: этимологический и семантический анализ» посвящена сравнительному исследованию финно-угорской лексики в мордовском и марийском языках.

Изучение названий рыб в языках соседних народов

Исследованию принципов номинации, структуры и происхождения названий рыб в башкирском языке посвящена кандидатская диссертация Ш.В. Нафикова («Принципы номинации, структура и происхождение названий рыб в башкирском языке», 1987). Названия рыб башкирского языка сравниваются с названиями других тюркских языков, финно-угорскими, монгольскими, алтайскими языками.

В изучении лексики рыболовства значительное место занимает диссертация Е.А. Лебедевой «Чувашские названия рыб (Опыт сравнительно-исторического анализа)» (1987) и ее статьи «К этимологии чувашских названий рыболовных снастей» (1981), «Заметки по истории чувашских названий рыб» (1986). Е.А. Лебедева, опираясь на древнетюркские памятники, на данные раскопок, пишет о занятиях древних тюркских племен рыболовством. Затрагивает историю изучения лексики рыболовства в тюркологии. Рассматривает моносемантическую и античность названий рыб. Автор уделяет большое внимание этимологии названий рыб, орудий лова и их частей.

Исследованию названий рыб в татарском языке посвятила диссертацию О.Н. Бятикова «Лексика рыболовства в татарском литературном языке». Основные задачи работы: определить историко-генетические пласты лексики; изучить структуру и способы словообразования названий лексики рыболовства татарского языка; изучить принципы номинации ихтионимов, соматизмов рыб, рыболовных снастей.

Стоит отметить диссертационные работы Е.А. Березовской «Ихтиологическая лексика в говорах Русского Севера», где исследуются в ономазиологическом и этимологическом аспектах исконная и заимствованная ихтиологическая лексика, зафиксированная на территории Русского Севера. И работа Е.П. Куйдиной «Ихтиологическая лексика воронежских говоров», посвященная изучению ихтиологической лексики воронежских говоров в лексико-семантическом, ономазиологическом, словообразовательном и лингвогеографическом аспектах.

Безусловно, существует и много других работ в той или иной степени затрагивающие ихтиологическую тему, как в финно-угорском, так и в других языках.

Ихтиогеографический анализ Республики Марий Эл

Марий Эл находится в лесной зоне восточно-европейской равнины. Занимая часть бассейна среднего течения Волги, она разделяется рекой на два неравновеликих природных региона – Левобережье и Правобережье, которые представляют части двух почвенно-растительных зон: тёмнохвойно-широколиственных лесов южной тайги и северной лесостепи (Куклин 1998: 83). По Республике Марий Эл Волга протекает на протяжении 155 километров и принимает множество рек и речушек, наиболее крупными левыми её притоками являются Ветлуга (Вётла), Большая Кокшага (Кугу Какшан), Малая Кокшага (Изи Какшан), Илеть (Элнет); справа в Волгу впадают Сура (Шур), Сумка, Малая и Большая Юнга (Изи да Кого Ыынгы), Сундырь (ШЫндёр) (Куклин 2010: 22).

Речная сеть Марий Эл состоит из 476 рек и речек. Все они принадлежат единой волжской системе и относятся к двум крупным бассейнам – Волжскому и Вятскому (Иванов 2004: 32). Республика считается одной из самых озёрных в Волго-Вятском регионе, на её территории насчитывается 689 озёр (Столяров 2007: 43).

По подсчётам специалистов, до зарегулирования Средней Волги в водоемах Волжско-Камского края встречался 51 вид и подвид. Из них 36 видов были постоянными обитателями. На формирование современной ихтиофауны оказало влияние несколько факторов. Одним из важнейших стали зарегулирование стока р. Волга и ее притоков плотинами Волжской ГЭС (1955), Воткинской ГЭС (1961), Нижнекамской ГЭС (1979), Чебоксарской ГЭС (1982). Это привело к ощутимому изменению как видовой, так и численной структуры ихтиофауны. Плотины преградили естественные миграционные пути для проходных рыб. В результате такие виды, как каспийская минога, севрюга, шип, сельдь черноспинка, волжская сельдь, белорыбица, ручьевая форель исчезли из местной фауны.

Создание каскадов водохранилищ, наряду с исчезновением видов, привело к проникновению в Волжско-Камский бассейн новых организмов. С севера, предположительно из оз. Селигер, на Ср. Волгу проник угорь речной. Через Рыбинское водохранилище – снеток (корюшка европейская), ряпушка европейская, колюшка девятиглая. Южными пришельцами являются тюлька, а также бычок-кругляк, звездчатая пугловка и игла-рыба.

Некоторые виды рыб появились в наших водоемах благодаря рыбохозяйственной деятельности в прудовых хозяйствах, например, пелядь, белый амур, белый и пестрый толстолобик, головешка-ротан.

В целом за последние столетие из региональной фауны исчезли 9 видов рыб и рыбообразных, число новых видов составляет 13.

В настоящее время в бассейне Волжско-Камского края зарегистрировано 57 видов и подвидов рыб и рыбообразных, из которых в водоемах РМЭ встречается 52. Они объединяются в 2 класса, 13 отрядов и 17 семейств.

Класс Круглоротые представлен единственным видом – миногой ручьевой из отряда Миногообразные (каспийская минога исчезла).

Все прочие виды отнесены к классу Костные рыбы. В его составе отряды:

Осетрообразные – 3 вида (русский осетр, белуга, стерлядь), Сельдеобразные – тюлька (сельдь черноспинка, волжская сельдь – исчезли), Лососеобразные – 4 вида (корюшка европейская – снеток, ряпушка европейская, хариус европейский), Щукообразные – Обыкновенная щука, Угреобразные – угорь речной, Карпообразные – 30 видов (елец обыкновенный, язь, голавль, плотва, верховка, синец, лещ, белоглазка, вьюн обыкновенный, линь и др.), Сомообразные – сом обыкновенный, Трескообразные – налим, Колюшкообразные – колюшка девятииглая, Иглообразные – игла-рыба, Окунеобразные – 7 видов (окунь речной, судак обыкновенный, берш, ерш обыкновенный, головешка-ротан, пуголовка звездчатая, бычок-кругляк), Скорпенообразные – подкаменщик обыкновенный.

Многие виды рыб требуют специальных мер охраны и занесены в списки редких и охраняемых. Из региональной ихтиофауны в Красную книгу РФ включены 6 видов: стерлядь, подкаменщик обыкновенный, быстрянка русская, хариус европейский, ряпушка европейская, берш. В Красной книге РМЭ, кроме вышеуказанных, значатся еще 6 видов: минога ручьевая, белуга, русский осетр, подуст волжский, голянь обыкновенный, горчак (Энциклопедия РМЭ 2009: 687).

ГЛАВА I.

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

I.1. Методика анализа материала.

Теоретическая часть (современные принципы этимологизации).

В современном понимании этимология – это раздел языкознания, в рамках которого на основании сравнительно-исторического метода восстанавливаются (реконструируются) наиболее древние словообразовательные структуры и “внутренняя форма” (элементы значения) слова, оказавшиеся в результате действия различных внутриязыковых, культурно-социальных, междязыковых и территориально-временных процессов нарушенными, смещенными, утраченными или загрязненными (подвергнутыми смешению) (Прохоров 2015: 106).

Как известно, вопрос о задачах и принципах этимологического анализа далеко не всегда и не всеми исследователями ставился и решался одинаково. Не углубляясь в дебри истории этого вопроса, можно отметить, что в настоящее время этимология как раздел современной лингвистики ставит перед собой следующие цели:

- определить, в каком языке и на каком историческом этапе его развития возникло анализируемое слово;
- установить первичную мотивацию слова, для чего найти производящее слово, словообразовательную модель и исходное значение слова;
- выяснить пути и причины изменения первичной семантики и исторического морфемного состава слова.

Непосредственным объектом этимологии являются главным образом так называемые “темные слова”, в которых носителям языка непонятна связь формы и содержания.

Традиционные методы этимологического анализа – детальный анализ фонетических, семантических соответствий взаимодействующих единиц, включение историко-культурного компонента, адаптационные изменения в системе языка-реципиента.

Этимологический анализ изучает диахронные (то есть существовавшие ранее, на каком-либо прошедшем определенном этапе развития языка) словообразовательные отношения между словами, их первоначальную словообразовательную структуру и первоначальное значение.

Реконструкция первичных формы и значения слова – собственно и есть предмет этимологического анализа.

Этимология не может строго уложиться в рамки только языкознания. Она находится в зависимости от экстралингвистических данных, поэтому ее выводы небезразличны и для других областей науки. Нередко этимологию рассматривают как уникальный инструмент для извлечения исторических данных, поскольку они отражены в языке. И чаще всего, именно, в

связи с этимологией говорят об историзме в языкознании, поэтому «суть историзма этимологии не столько в том, что нам удастся вскрыть нечто новое в истории, сколько в том, что обладая определенными познаниями в культурно-исторической сфере, мы при этимологическом исследовании слов, имеющих отношение к этой сфере, строим возможные модели образования значения этих слов, исходя из исторических данных, а затем проверяем эти модели на собственно лингвистическом материале; и эта проверка является как раз решающим критерием истинности этимологии» (Топоров 2004 т.1: 42).

Справедливо отмечает в своей статье и Л.В. Куркина, что для решения задач этимологического характера особое значение приобретает установка на выявление культурно-исторических обстоятельств, отраженных в лексических единицах (Куркина 2014: 193)

Кроме того, занимаясь происхождением конкретного слова, этимология может выявить недостающие звенья в его историческом развитии, поскольку «никакая другая лингвистическая дисциплина не собирает такую полноту информации о значении слова, как этимология, объединяющая в целях своего исследования современные данные, письменную историю, дописьменную реконструкцию и семантическую типологию» (Трубачев 2004 т.1: 272).

В этимологических исследованиях последнего приоритетным становится семантический анализ. За свою историю существования слово может претерпеть огромное количество преобразований, так скажем, реконструкций. Семантическая реконструкция – это всегда дополнительная трудность. В исследовании сложно восстановить отмершие ассоциативные связи, определить семантическое удаление лексем друг от друга, результатом которого является сложность определить родственные ему слова (ветви одной этимологической семьи развиваются в самостоятельные гнезда). Кроме того, могут появиться новые комбинации признаков за счет действия контекста, словообразовательные процессы, ведущие к изоляции значения; фонетические изменения, которые приводят к ослаблению родства корней. Многие из этих причин действуют одновременно.

Основой для семантического анализа в этимологических исследованиях является метод семантических параллелей: в качестве доказательства предполагаемого развития значений приводятся случаи аналогичного развития или сочетания значений. Необходимым рабочим приемом в этимологии является реконструкция формы и значения, исторически предшествующая засвидетельствованному, то есть восстановление на ее основе засвидетельствованных лексем и их первичных форм и значений.

Выдающийся ученый-славист академик О.Н.Трубачев в своих этимологических изысканиях формулирует приемы семантической реконструкции – это хорошая эмпирия (правильное описание значений и употреблений слов) плюс неизменный здравый смысл (готовность к пониманию специфики воссоздаваемой эволюции значения без анахронистических атрибуций современных воззрений древним эпохам) и плюс компетентность в

типологии формирования близких значений в разных языках, и все это – на фоне прочного знания формально-этимологических приемов или принципов, за которыми должны стоять вся сравнительная грамматика и все общее языкознание (Трубачев 2004 т.1: 125).

В этимологических исследованиях встречаются ситуации, когда смысловая структура слова не может быть проверена на материале современного языка или на материале достаточного количества старых текстов. Невозможно точно определить, какое из значений слова (реально представленное или реконструированное) «замыкает этимологию», делая ее законченной и однозначной. Слово может просто-напросто утратить связь со своей первоначальной формой. Таким образом, этимология признает факт невозможности дать полную картину эволюции развития слова и его этимологий. «Потенциальная бесконечность этимологических решений данного слова связана с такой же потенциальной бесконечностью значений слова, отражающей один из важнейших принципов языка как знаковой системы» (Топоров 2004: 57). Точность хороших реконструкций в этимологии бывает достаточно высока, и все же она допускает неединственность решений, что неизбежно для каждой объясняющей, а не описательной науки. В конечном счете, все решает точка зрения исследователя (Трубачев 2004 т.1: 65).

При анализе этимологии отдельных слов необходимо учитывать все возможные способы и пути их возникновения, совокупность которых и составляет истинную этимологию слова. Этимология тесно связана с диалектологией, так как диалектные данные важны для решения вопроса о происхождении многих слов литературного языка. Хорошо известно, что в диалектах очень часто сохраняются такие фонетические, словообразовательные и лексические особенности, которые давно исчезли из литературного языка.

Для агглютинативных языков, в которых аффиксальных морфем не так уж много, важно включение в этимологический словарь всех слов, независимо от того, когда и как возникло, создано ли оно непосредственно деятелями культуры или же представляет соответствующую кальку тех же лексем языка соседних народов.

Принципы, примененные на индоевропейском материале, были перенесены на изучение тюркской, финно-угорской и другие языковые группы.

Мы полагаем, что эти приемы, разработанные в теории реконструкции, могут быть успешно применены и в этимологических исследованиях в финно-угорских языках, в том числе и в марийском языке.

Ознакомившись с монографическими исследованиями по этимологии, опираясь на вышеназванные приемы и принципы этимологизаций, учитывая замечания и комментарии исследователей, постараемся рассмотреть возможные пути развития ихтиологической лексики марийского языка.

Вопросы изучения ихтиологической лексики в марийском языке имеет статус малой изученности, поэтому с появлением новых этимологических словарей, лексикографических данных по отдельным языкам, наречиям,

диалектам и говорам возникает необходимость дополнить, уточнить некоторые из ранее предложенных этимологий, а также подробнее рассмотреть лексику происхождения.

1.2. Этимологический анализ ихтиологической лексики с позиций синхронии и диахронии

КЛАСС КРУГЛОРОТЫЕ – CUSCLOSTOMATA

Круглоротые – наиболее примитивная группа хордовых животных. По внешнему виду они близки к рыбам, но по ряду признаков отличаются от них и поэтому выделены в особый класс.

Круглоротые имеют удлиненное тело и голую слизистую кожу; на передней части головы располагается присасывательная воронка с роговыми зубчиками; челюстей нет, также нет и парных плавников; орган обоняния непарный; аппарат дыхания представлен жаберными мешками.

ОТРЯД МИНОГООБРАЗНЫЕ – PETROMUZONTIFORMES

СЕМЕЙСТВО МИНОГОВЫЕ – Petromyzontidae

РОД МИНОГИ – Lampetra

У миноги сильно вытянутое, круглое в сечении тело. Чешуя отсутствует. Цвет тела серо-черный. В прошлом веке минога была очень многочисленна, её добывали и использовали лишь для освещения (сушеных миног жгли вместо свечей) или для вытопки жира. Затем миногу стали употреблять в пищу в жареном виде (Сабанеев 1959: 257).

В прошлом в реках Марий Эл водилось два вида миног: более крупная проходная каспийская минога и мелкая, ручьевая; к настоящему времени сохранилась только ручьевая минога, так как она ведет оседлый образ жизни, придерживаясь мелких речек с холодной водой (Балдаев 1971: 67).

Европейская ручьевая минога – Lampetra planeri

Ручьевая минога мельче. Она редко достигает размера 15 см. В большинстве стран Европы и в России численность ручьевой миноги постоянно сокращается, и она занесена в список редких и находящихся в угрожающем состоянии рыб.

1. *шымрожанкол* (МРСБТ, с.52), *шымрожангол* (МРСБТ, с.126),
шѣмыражанкол Г (СГНМЯ, с.217; МРСБТ, с.128).

Сложный: *шым* ‘семь’ + *рожан* (имя прилагательное от слова *рож* ‘дыра’ + *-ан* – суффикс относительного прилагательного) ‘дырявый’ + *кол* ‘рыба’ = ‘семидырявая рыба’ = ‘семидырка’.

Ихтионим создан по семантической модели русского названия. Например, миноги: *семидырка* (горьк.), *семидырка* (нижегор.), *семиточка* (урал.), *семидыр* (р.Сев. Двина, Мезень) (Линдберг 1972: 33).

2. *шым согарожан кол* (РМСБТ 2, с.263).

Сложный: *шым* ‘семь’ + *согарожан* (*согарож* ‘жаберное отверстие, жаберная щель’ + *-ан* – суффикс относительного прилагательного) + *кол* ‘рыба’ = ‘рыба с семью жаберными отверстиями’.

Название характеризует внешний вид рыбообразного: у миноги вместо жаберных крышек по семь отверстий с каждой стороны головы.

3. *мāнгыгол* (РМСБТ, с.52), *мāнгы кол* Г (РМСБТ 2, с.123).

Сложный: *мāнгы* ‘сопли, слизь’ + *гол* (<*кол*) ‘рыба’ = ‘рыба, покрытая слизью’.

Название подчеркивает своеобразный слизистый покров тела миноги.

4. *ija-yol* Ms ‘Neunauge’ (TW, с.151).

Сложный: *ija* (ия) ‘черт’ + *yol* (*гол*) (<*кол*) ‘рыба’ = ‘чертова рыба’.

Объяснение происхождения этого названия находим на мифологическом уровне, где *ия* ‘черт’ – злой водяной дух. В прошлом эту рыбу в пищу не употребляли, принимая миногу (и вьюна) за змей. Марийцы считали, что змея, которая водится в воде – это перевоплощенный злой водяной дух, нечистая сила (*вуд ия*) (инф. У.А. Тихонова).

5. *ju-n^h-gol* W₁ ‘Neunauge’ (TW, с.151).

Сложный: *ju-n^h* (йун) ‘вьюн’ + *gol* (*гол*<*кол*) ‘рыба’ = ‘вьюн-рыба’

Такое название минога получила из-за сходства с рыбой вьюн.

6. *кишкыгол* (Ерм., с.62).

Сложный: *кишке* ‘змея’ + *гол* ‘рыба’ = ‘змея-рыба’.

Минога по своему внешнему виду скорее напоминает змею или червя. В литературе многократно отмечалось, что народ раньше считали миногу за змеей, не употребляли в пищу. Отсюда и ее название, ср. рус. *змея-рыба*, *червяга* (Ревн. 209).

7. *кишкынюго* (Ерм., с.62).

Сложный: *кишке* ‘змея’ + *нюго* ‘малёк, мелкая рыбешка’ = ‘мелкая рыба, похожая на змею’.

А.А. Ермаков в словаре «Кушкыл, янлык, кайык...Марла-рушла мутер» термины *кишкыгол* и *кишкынюго* характеризовал как для миноги, так и для вьюна.

РОД КАСПИЙСКАЯ МИНОГА – *Caspiomyzon wagneri*

Каспийская минога – *Caspiomyzon wagneri*

Каспийская минога, или волжская минога – проходная пресноводная минога. Мелкая разновидность имеет длину до 31 см. Более крупная достигает длины 55 см. и веса до 200 гр. Живёт в Каспийском море. На икрометание поднимается в реки Волгу, Урал, Куру, Терек. До строительства плотин на р. Волге каспийская минога постоянно поднималась в р. Вятку, где её находили до устья р. Летки. После постройки Волгоградской плотины выше неё не заходит. Эта минога, являясь хорошим индикатором чистоты воды (как и совместно обитающие с ней хариус и подкаменщик), совершенно не выносит загрязнений (Сабанеев 1959: 260).

8. *киныкол* (р. Кама, Сылга, Уфа) (Линдб., с.56). По-нашему мнению, здесь *кишкыгол*.

Следует отметить, что европейская ручьевая и каспийская минога очень схожи между собой, можно сказать, что разница только в размерах, и отличить одно от другого может только профессионал-ихтиолог. Поэтому в народной терминологии существовали одни и те же названия как для европейской ручевой миноги, так и каспийской миноги. Часто миногу путали с вьюном из семейства вьюновых – *ju-n^h-gol*, *кишкыгол*, *кишкынюго*, т. к. минога, вьюн почти сходны по внешнему виду (змеевидная форма тела).

Семейство Миноговые представлено двумя видами, в марийском языке для их номинации имеется 6 народных названий: *шымрожанкол*, *мӓнгыгол*, *ija-yol*, *ju-n^h-gol*, *кишкыгол*, *кишкынюго*. Все они созданы на базе марийского языка.

КЛАСС РЫБ – PISCES

ОТРЯД ОСЕТРООБРАЗНЫЕ – ACIPENSERIFORMES

СЕМЕЙСТВО ОСЕТРОВЫЕ – *Acipenseridae*

Осетровые рыбы – семейство ценных промысловых рыб, включающее такие известные виды как осётр, стерлядь, севрюга, белуга, шип. Осетровые – довольно большие и, кроме стерляди, долго живущие рыбы. Все осетровые рыбы или проходные, или пресноводные. Они имеют удлинённое веретенообразное тело, рыло удлинённое, коническое или лопатовидное (Сабанеев 1959: 300).

РОД ОСЁТРЫ – *Acipenser*

Стерлядь – *Acipenser ruthenus*

От всех других рыб рода осетров стерлядь легко отличается как по своей величине, так и по своему удлинённому узкому носу, длинными, бахромистыми усиками, достигающими до рта (Сабанеев 1959: 301).

В республике Марий Эл стерлядь обитает в бассейне реки Сура. До 1969 года она была многочисленной, имела промысловое значение, но в 1969–1970 годах произошло почти полное её исчезновение (Балдаев 1971: 87).

9. *ссюа* (*ssügä*) (Миллер), *suga* (Pallas, с.103), *сюго-кол* (Ф.Вас., с.53), *süge, sügö kol* (CserS., с.205), *сүгö, сүгöйгол* (Ўпым., с.135), *суга* (Линдб., с.63), *чүгäкол* В прибал. (Исанб.І, с.123), *сүгö, сүгöйгол* Л (МРСБТ, с.90; Ерм., с.63; МРСБТ, с.93; СМЯ IX, с.331), *šüγø* Ї ЇN tok / Sterlet (Beke, с.2263), *sü-γø Mwo* (TW, с.647).

М. Силаши и другие исследователи мар. ихтионим *сүгö* связывает с тюркскими словами: чув. *sügö, sügü*, тат. *čögä bal'ik* и рассматривает его как чувашизм (Szilasi 1901: 205; TW, с.647).

Н.И. Исанбаев считает, что *чүгäкол* ‘стерлядь’ в прибалеском говоре восточного наречия марийского языка перенят из татарского языка (Исанбаев 1989: 123).

Архетипом для всех тюркских форм может быть **чөке* (Лебедева 1982: 74). Этимология не ясна. Попытки объяснить это название в рамках одной языковой семьи не привели исследователей к единогласию. Параллели к **чөке* имеются в тюркских языках: ткм. *чögэ*, чыгт. *чүкэ*, турец. *чыга, чига балыги* ‘стерлядь’; в славянских: русск. *чечуга* ‘шип’, укр. *чечуга* ‘стерлядь’, *чига* ‘стерлядь’, болг. *чига* ‘стерлядь’, и в других индоевропейских языках: рум. *süciugaуа* ‘стерлядь’, мол. *цига, цициуга*, арм. *чука* ‘стерлядь’, груз. *чука* ‘тж’. Как утверждает исследователь Е.А. Лебедева, параллели имеются также в финно-угорских и самодийских языках: хант. *сux, сyx* ‘осетр’, ненец. *сиге-вулла* ‘осетр’ (Лебедева 1982: 74).

В татарском этимологическом словаре отмечено, что *чөгэ* ‘стерлядь’ – чув. *сугэ*, ткм. *чögэ*, чыгт. *чүкэ*, турец. *чука* ‘стерлядь’. Ср. диалект сибирских татар *сүрех, сүрэгэ* ‘стерлядь; острый предмет, ловить рыбу пиком’, считается словом тюркского происхождения (Әхмәтьянов 2001: 237).

Мы склонны считать, что слово в марийский язык попало из тюркских языков, точнее, из чувашского, где *сө'кө* (*сүкö*) ‘стерлядь’.

В марийском языке употребляется номинативная единица *сүгö, сүгöйгол*.

10. *нуран, нурангол* (Ерусл., с.93), *нуран, нуранкол* (Ўпым., с.135), *нурангол* (МРСБТ, с.90; Ерм., с.63; МРСБТ, с.64), *нуран, нурангол* (СМЯ IV, с.225), *nuran, nura-n* Ok (TW, с.427)
< ур. **ñürz* (Sebestyén 1935: 33).

В этой связи определённый интерес представляют соображения венгерского учёного И. Шебештьена. Она приводит примеры из финно-угорских и самодийских языков: фин. *nierei, nieris, neriäinen* ‘röding, skinnlax’ ‘голец

арктический', карел. *ńierieš*, *ńieriäš* 'тж'; эст. *nořjas*, *nõrijas forelle*, *Salmo trutta* 'кужма'; хант. *ńurk'ùł* 'eräs (pieni) suomuton kala' (маленькая рыба без чешуи), *ńurk'sårt* 'pieni hauenpoika, hauensukkulainen' (маленький шуренок, букв. 'голая щука' > *ńūrз* 'paljas; karvaton (голый, безволосый); манс. *ńorχùł* 'гольян', где *ńor* < *paljas* 'голый'; сельк. *ńorak barbe* 'усач'.

В мар. *nura-n* 'стерлядь' выделяет конечный суффикс *-an*, который, по всей вероятности, существует в таких словах, как *i-mān* 'с иголкой', *baža-ran* 'с прожилками, не расщепляется'.

Эст. *noř-, nõr-*, фин. *niери*, мар. *nur(a)-*, самод. *ńora-* формировались из хант. *ńūrз paljas karvaton* 'голый, безволосый' и манс. *ńor paljas* 'голый'.

Первоначальный смысл вышеперечисленных названий рыб – 'голая рыба'. В восточно-хантыском диалекте (сургутское наречие, тромьаганский говор) название *ńurk'ùł* 'голая рыба' обозначает один из видов стерляди без чешуи, и на этом же основании можно понять значение марийского слова *nura-n* 'стерлядь'. Наименование 'голая рыба' действительно может соответствовать и гладкой, покрытой слизью стерляди. В фин. языке название вида стерляди выражает своеобразие данной рыбы во время нереста, когда чешую покрывает черная слизь, которая на спине достигает до 1–1.5 см. и полностью покрывает тело. Финны этих видов стерляди в этом состоянии до сих пор называют *nahkalohi* 'кожаный лосось'. А ихтионим *neriä* 'стерлядь' первоначально тоже было образовано от прилагательного, обозначающего нерестеющего лосося, который впоследствии стал независимым, выделилось из этого словосочетания и перешло в название определенного вида рыбы (Sebestyén 1935: 33).

См. аналогичные конструкции: хант. *ńur-pailaŋ* 'летучая мышь' (*ńur* 'голый, обнаженный' + *pailaŋ* 'крыло') (Кузнецова 2010: 43).

Таким образом, есть все основания считать мар. *nura-n* 'стерлядь' уральским наследием.

11. *ыстерляк* (Саваткова 1969: с.65), *стерляк* Г (СГНМЯ, с.149, РСМБТ, с.90 СМЯ XI, с.293,), *ste·rl'äk W₂* (TW, с.640, BTschW, с.122)

< русск. *стерлядь* (BTschW, с.122; TW, с.640; Саваткова 1969: с.65).

Наблюдаются случаи вставки гласного *ы* для разрядки стечения согласных в аплауте слова, прослеживается также тенденция к открытому слогу (Саваткова 1969: 65).

Для наименования стерляди имеется 3 названия, одно из которых принадлежит к уральскому наследию (*нуран*), одно тюркское заимствование (*сүгдө*) и русское проникновение (*ыстерляк*).

Русский осётр – *Acipenser gueldenstaedtii*

12. *некра-коль* (*pekra-kol*) (Миллер), *pekra-kol* (Pallas, с.92), *некра кол* (Линдб., с.61), *некра кол* В (Исанб.І: 56), *некрагол* (РСМБТ, с.62, МРСБТ, с.62, Ерм., с. 63)

< башк. *бикре*, *бикрә*, тат. *пәкрә* ‘вид осетровых’ (Исанбаев 1989: 56). Это название Н.И. Исанбаев считает прямым заимствованием из башкирского языка. Лексические соответствия имеются лишь в башкирском языке или в его диалектах. Переход *б* < *п* – замена аплautного звонкого глухим произошло по законам фонетики марийского языка, сохранившего глухое начало слова финно-угорского праязыка (Исанбаев 1989: 56). Иллабиальный гласный переднего ряда, верхнего подъема и на почве марийского языка замещается гласным *е* (Исанбаев 1979: 62).

Р.Г. Ахметьянов приводит соответствия *пәкрә* ‘вид осетровых’ из алтайской языковой семьи – калм. *бекре*, чагт. *бекре*, каз. *бекрә* ‘пестрый стерлядь’ (Ахметьянов 2001: 161).

Название распространено только в говорах восточного наречия марийского языка.

13. *осётр* (РМСБТ, с.62), *осетръ* (Ерусл., с. 93), *остор кол* (*остыр-кол*) (РМсл., с.346)

< русск. *осётр*. Рассматриваемое название заимствовано из русского языка.

Севрюга – *Acipenser stellatus*

От всех других осетровых севрюга легко отличается своим необычайно длинным носом, который почти имеет форму кинжала и придает ей весьма странный вид (Сабанеев 1959: 189).

14. *шоврига* (Ерм., с.65; СМЯ IX, с.162), *шөврига*, *сөвригä* Г (СГНМЯ, с.206; РМСБТ, с.81; МРСБТ, с.121; СМЯ IX, с.162)

< русск. *севрюга*. В самый ранний период взаимоотношений мари с русскими рус. *с* на марийской почве передавалось через *ш*. Переход *а* < *ä* обусловлен сингармонизмом гласных.

15. *севрюга* (РМСБТ, с.81)

< русск. *севрюга*. Ихтионим используется в речи молодого поколения.

Шип – *Acipenser nudiventris*

От других видов осетров (севрюга, русский осетр, стерлядь и др.) шип отличается тем, что нижняя губа у него сплошная, непрерывная. Для неспециалиста данные виды рыб трудно различимы, поэтому в марийской терминологии данные особи, возможно, получили одни и те же наименования, что и севрюга, осетр, стерлядь. Данный вид рыб исчез из местной фауны.

РОД БЕЛУГИ – *Huso*

Белуга – *Huso huso*

Проходная рыба, обитающая в Каспийском, Азовском и Черном морях, откуда она заходит в реки для икрометания. В прошлом нерестящиеся рыбы поднимались по бассейну Волги очень высоко – до Твери и до верховьев Камы. Ранее белуга была сравнительно многочисленна, однако со временем её запасы сильно оскудели (Балдаев 1971: 36).

16. *Кугу-Коль* (Миллер), *Kugu-kol* (Pallas, с.86), *кугу-кол* (Линдб., с.67).

Сложный: *кугу* ‘большой’ + *кол* ‘рыба’ = ‘большая, крупная рыба’.

Лексема *кугу* ‘большой’ подчеркивает в данном случае крупный размер рыбы.

Белуга – одна из самых крупных пресноводных рыб, достигает тонны веса и длины 4,2 м. Как исключение (по неподтверждённым данным) указывались особи до 2 т и 9 м в длину (если эти сведения верны, то белугу можно считать самой крупной пресноводной рыбой Земного шара).

Крупные особи белуги ловились также в средней и даже в верхней части бассейна Волги: в 1876 г. в р. Вютке близ г. Вятка (современный Киров) была поймана белуга весом в 573 кг. В настоящее время по Волге доходит до Волгоградского гидроузла (Балдаев 1971: 34).

Сведения об этом находим у Абу Хамид-Гарнати. Он дает описание рыбной ловли, производимой с судов на Волге. «Рыбаки ставят сети в устье ее протоков и наполняют суда рыбой. Рыбы так много, что запасы их неисчерпаемы». В совершенный восторг Абу Хамида приводит не только обилие, но и размеры и качество волжской рыбы; «...В ней есть разные виды рыб, каждый вид не похож на другой. Есть рыба весом в сто маннов и больше, и меньше, она длинная, у ней есть хобот, а в нем маленький рот, в который влезает только палец, в ней нет маленьких косточек, нет у нее зубов и нет больших костей... Ее жарят и кладут под нее рис, как под мясо, а она вкуснее любого мяса, которое едят во всем свете, а этот рис, который под ней, вкуснее всякого риса, который кладут с жирной курицей, а ее жир и мясо без привкуса и совсем без запаха; она – одно из чудес света. И извлекают из ее живота жир, которого хватает для светильника на месяц... И валят ее ломтями, и становится она лучше всякого на свете вяленого мяса, цвета красного, просвечивающего янтаря, ее едят с хлебом, как она есть, не нужно ни варить, ни жарить. Покупают такую рыбину, в которой сто маннов, за полданника» (Большаков 1971: 28). Судя по описанию, эта рыба – белуга. Когда ал-Гарнати утверждает, «что одну рыбу может нести только сильный мужчина, а есть рыбы, которых может нести только сильный верблюд», – в этом нет преувеличения, так как белуги достигают веса в одну тонну, а иногда и до полтары тонны. Известно, что 1921 году в Тетюшах поймали белугу весом 960 килограммов. Фотография той рыбы хранится в Государственном музее Татарстана (Большаков 1971: 99).

17. *ошкол* (Ўпым., с.149), *ошкол (кого тангыж кол)* (РМсл., с.18), *ошкол* (СГНМЯ, с. 109; РМСБТ, с.8; Ермак., с.63; МРСБТ, с.70; СМЯ IX, с.365).

Сложный: *ош*, *ошо* ‘белый’ + *кол* ‘рыба’ = ‘белая рыба’.

Доминирующий белый цвет белуги послужил признаком номинации в названии рыбы. Название дано рыбе за чисто-белую окраску брюха, в значительной степени поднимающуюся на бока тела.

Окраска рыбы выступает как признак номинаций как в марийском, так и в других языках. Например, тат. *ак балык* ‘белуга, белорыбица’, где *ак* ‘белый’, *балык* ‘рыба’, чув. *шурӓ пуллӓ* ‘белуга, белорыбица, судак’, где *шурӓ* ‘белый’, *пуллӓ* ‘рыба’.

18. белуга Л (ЭСМЯ I, с. 213)

< русск. *белуга*.

ОТРЯД СЕЛЬДЕОБРАЗНЫЕ – CLUPEIFORMES

СЕМЕЙСТВО СЕЛЬДЁВЫЕ – Clupeidae

РОД КАСПИЙСКО – ЧЕРНОМОРСКИЕ СЕЛЬДИ – *Alosa*

Волжская сельдь – *Alosa volgensis*

До 1860-х гг. сельдь волжская, известная тогда под названием ‘бешенки’, совершенно не употреблялась в пищу, её считали ‘нечистой’, шла она исключительно на жиротопление (Сабанеев 1959: 29).

19. *пӧршы* (*пӧртышы кол*) Г (СГНМЯ, с.124; РМСБТ, с.82).

Пӧршы = *пӧртышы гол*. См. ниже.

20. *пӧртышы гол* Г (МРСБТ, с.79).

Сложный: *пӧртышӓ* ‘кружащая’ (<*пӧртӓш* ‘кружить’) + *гол* (< *кол*) ‘рыба’ = ‘кружающаяся, вертящаяся рыба’.

Признаком номинации для бешенки явилась характерная особенность движения. Тот же признак был выделен и в других языках, см. чув. *çавран пол* ‘бешенка’, где *çавран* ‘вертящаяся’.

Сельдь-черноспинка – *Alosa kessleri*

21. *tumo-kol garda*; *clupea alosa*; ‘бешенка’ (CserS, с.260), *тумь гол* (бешенка) (Ўпым., с.212), *тумь гол* (РМСБТ, с. 82; МРСБТ, с. 98; СМЯ VII с.255).

Сложный: *тумо* ‘дуб’ + *гол* (<*кол*) ‘рыба’.

Подчеркивается цветовая окраска рыбы. В финно-угорских языках отношение некоторых названия рыб и названий дерева не является чем-то необычным. Рыбы могут быть названы согласно цвету дерева, формы листа дерева или по такому признаку, как время нереста рыб, или время лова совпадает с временем распускания листьев конкретного дерева.

22. *селедка* (Ерусл., с.93), *сэлэдка*, *сэльёдка-кол* (РМсл., с.524.), *селёдко*, *селёдка*, *сельдь* (СМЯ VI, с.175)

< русск. *селёдка*.

23. *пориши-кол* (Линдб., с.70) – Кама – Ревн.:211. По нашему мнению, здесь *пёртишыгол*. См. № 19.

РОД ТЮЛЬКИ – Clupeonella

Обыкновенная каспийская тюлька – Clupeonella caspia

В водоемы Марий Эл попало из южных вод не очень давно, сейчас активно размножается. Номинаций для данной рыбы в марийском языке отсутствуют.

ОТРЯД ЛОСОСЕОБРАЗНЫЕ – SALMONIFORMES

СЕМЕЙСТВО ЛОСОСЁВЫЕ – Salmonidae

РОД СИГИ – Coregonus

Пелядь – Coregonus peled

Необычайно красивая, и трудноуловимая рыба семейства сиговых достигает массы 5 кг. Речь пойдет о пеляди, в просторечье называемой *сырком*. Отличительной особенностью пеляди является очертание ее рта (верхняя челюсть чуть длиннее нижней) и окраска (серебристая спина темнее, чем у прочих сигов, кроме того, на голове и плавниках есть небольшие точки черного цвета) (Сабанеев 1959: 250).

24. *сырка* (Ермак., с.64)

< русск. *сырок* (*сырка*).

Данный вид рыб появился в наших водоемах благодаря рыбохозяйственной деятельности в прудовых хозяйствах. Пелядь имеет несколько форм, имеющих некоторые морфологические отличия, поэтому среди промысловиков принята условная классификация: *пелядью* принято называть озерно-речную разновидность, а полупроходную форму породы называют *сырок* или *сырка* (Сабанеев 1959: 274).

М. Фасмер, рассматривая этимологию ихтионима *сырок*, приводит в качестве этимологических соответствий хант. *sārâχ* ‘вид лосося’ (*Coregonus vimba*) (Фасмер III: 820). Вполне возможно, бытовавшее ранее в финно-угорских языках, слово проникло в русские диалекты, затем перенесены в Сибирь, на Дальний Восток и закрепились в русском литературном языке. Сырок (сырка) – северная рыба, обитающая в бассейне рек, которые впадают в Северный Ледовитый океан.

К объ-угорскому происхождению русского слова склоняется и И. Шебештьен (Sebestyén 1935: 95).

Данную лексему можно считать как обратное заимствование из русского языка.

Европейская ряпушка – *Coregonus albula*

Размерами достигает 13–20 см, максимальная величина – до 35 см. По форме ряпушка несколько похожа на сельдь. Марийские названия для данного вида отсутствуют (Сабанеев 1959: 265).

РОД ЛОСОСИ

Ручьевая, озёрная форель или кумжа – *Salmo trutta*

Форель – общее название нескольких пресноводных видов и форм рыб, относящихся к семейству лососевых (*Salmonidae*). В бассейне Волги известна ручьевая, озёрная форель или кумжа. Раньше ручьевая форель была широко распространена от Саратовской области до верховий, включая бассейны рек Кама, Сура, Ока и др. В настоящее время в Каспийском бассейне (кроме кавказских и персидских рек) форель всего известнее в притоках Камы и очень редка в притоках собственно Волги. В последние годы не встречается в республиках Марий Эл (Балдаев 1971: 209).

25. *котама* Л (Ўпым., с.75; Ермак., с.62).

Судя по словарям, название когда-то бытовало в наречиях марийского языка. Рассматривая мар. Г *кадама* ‘пескарь’ и марЛ *котама* ‘форель’ параллельно, данный ихтионим причисляем к словам финно-угорского происхождения. Название ихтионима является в настоящее время немотивированным, трудно установить (даже условно) что легло в основу их номинации, внутренняя форма была затемнена в результате многочисленных фонетических изменений и сближений с другими словами. Этимологию данного слова см. № 85.

26. *вўргеньыкол* (СМЯ I, с.332).

Сложный: *вўргенье* ‘медь’ + *кол* ‘рыба’ = ‘медь-рыба’. В основе номинации лежит экстерьер рыбы (у самцов на теле имеются розоватые округлые пятна).

27. *порель* (РМсл., с.607), *форель* (РМСБТ, с.96)

< русск. форель.

РОД НЕЛЬМЫ – *Stenodus Richardson*

Белорыбица, нельма – *Stenodus leucichthys*

Важно отметить, что белорыбицы, нельмы (*Stenodus*), относятся к подсемейству сиговых. В этом роде один широко распространенный вид –

нельма (*Stenodus leucichthys nelma*). Очень близкая к нельме форма – белорыбица (*Stenodus leucichthys*) – обитает в бассейне Каспийского моря. По-видимому, белорыбица пришла в Каспий с севера. Прямое сообщения между Каспием и Ледовитым океаном не было, но верховья Волги и ее притоков очень близки к верховьям рек, текущих в Арктический бассейн. В конце ледниковой эпохи на водоразделах образовывались огромные озера, оставившие после себя толстые слои характерных донных отложений – ленточных глин. Вода из них стекала на север и на юг; таким путем возникло ныне прерванное и восстановленное только руками человека (Волго-Балтийский и Беломорско-Балтийский каналы) соединение между бассейнами двух морей. Таким путем и попала в Каспий нельма, ставшая белорыбицей. На нерест она входила главным образом в Волгу, откуда и знали эту рыбу наши предки (Балдаев 1971: 46).

28. *ош-коль* (*osch-kol*) ‘белая рыбица’ (Миллер), *oschkol* (Pallas, с. 392), *ошкол*, *ошколо* (Линдб., с.113), *ошкол* (РМСБТ, с. 8).

Сложный: *ош* (*о*) ‘белый, светлый’ + *кол* ‘рыба’ = ‘белая рыба’. Первый компонент подчеркивает цвет чешуи и цвет мяса рыбы.

29. *ишъ* (№ 1360), *иш* (РМСБТ, с.8; МРСБТ, с.70)

< ур. **ončz-*, **unčz-* ‘нельма’, ср. к. *удж* ‘тж’; манс. *uš*, *us*, *unš*, *uns*; хант. *vund*, *viuš*, *oš*, *voš*, *onš* ‘fisch’; *on’š-χul* ‘lachs-fisch’; *unč* ‘salmo njelma’*ùntš*(з) ‘нельма’, *ùntš*, *u’iš*, *u’as* ‘coregonus njelma’; *unsch*, *utschku* ‘salmo leucichthys’ Pallas (Zoogr. III, с. 392); самод. *wahže*, *wuenž*, *muenž*, *uan’dž*, *βaddžə*, *uadžž* и др. ‘нельма’, *uěntsche* ‘salmo leucichthys’; саам. *vaižek* ‘нельма’ (Sebestyén 1935: 37).

И. Шебештьен признает данное слово угорским наследием. Исследователь приводит в качестве примера из южного диалекта (по Тавде) мансийского языка лексемы *oš*, *oš*, *oškol* ‘нельма’ и сравнивает с мар. *ошкол*, *иш* ‘белорыбица’, *ишъ* ‘семга’. На наш взгляд, на основе сопоставления семантики и звукосоответствий в словах родственных языков можно констатировать, что мар. *иш* ‘белорыбица’ имеет генетические связи с общеугорским ихтионимом. Не исключено возможность этимологического родства слов *ош* (*о*) ~ *иш*.

В очерке Л. Круликовского сказано, что в Каме, у Сарапула (город в Удмуртии), изредка ловится белорыбица, но особой местного происхождения не видать, а продаваемая там иногда рыба на базаре, по словам рыбаков, привозится из устья Ика (Ик – приток реки Камы) (Круликовский 1909: 19). Ценные породы рыб: белугу, осетра, стерляди, севрюгу, судака, белорыбицу, тайменя ловили на Каме, в Сарапульском и Елабужском уездах. Дворцовая слобода Сарапул, основанная в начале XVI в., очевидно, получила свое название от стерляди (Сарапул – желтая, жирная рыба). В конце XVIII в. камскую рыбу закупали купцы из Казани, Москвы (Владыкин 1994: 40–41). В современном удмуртском языке для номинации представителей этого семейства рыбы (белорыбицы, нельмы) апеллятивы не

обнаружены. Вполне вероятно, что эти лексемы утрачены, в связи с исчезновением этих видов рыб, а первоначальные древние названия не сохранились.

РОД ХАРИУСЫ – *Thymallus*

Хариус европейский – *Thymallus thymallus*

В Республике Марий Эл есть небольшая речушка, одна-единственная, в которой водится хариус. На картах она обозначается как Ирека, но местные жители называют ее Иречанка. Протекает она на самом востоке республики, в Мари-Турекском районе. Река является притоком Уржумки, которая, в свою очередь, впадает в Вятку. В последнее время европейский хариус можно встретить и в протоках реки Илеть (Балдаев 1971: 301).

30. *kutema* (Pallas, с. 365), *кутема* (из газеты “Марийская правда” 07.07. 2009 г.)

Название это, употребительное во всей северной России, очевидно, не русское и имеет финское происхождение. В восточной России оно чаще заменяется башкирским – *кутема*, что, по-видимому, означает – светлый, блестящий. В солнечный день он очень часто выскакивает из воды, ярко блестя радужными цветами своего широкого плавника, и хватает упавших насекомых (Сабанеев 1959: 79). В. Даль русск. *кутема*, *кутерма* ‘озерная форель’ дает без указания ареала (Даль II: 583). Г.У. Линдберг указывает уральские говоры русского языка: // башк. *кутема* рр. Белая, Уфа – Ревн.:213; харлез – Б.:431. // удм. кыны – р.Уфа – Ревн.:213 (Линдберг 1972: 256). Несколько слов, относящихся к рыболовству, рассмотрены Ф.С.Фасеевым. В 1969 году вышла его книга «Терминология в татарском языке» («Татар телендә терминология нигезлвре»). Как показывает автор, название рыбы *кутэмэ* (голец, пеструшка) относится финно-угорскому субстрату (с.134).

31. *котама* (РМСБТ, с. 96; Ермак., с.62), *кодама*, *кодама*· Ob₁ Mm₁, *када·та* W₁, *када·та* W₂Gründling ‘пескарь’ Ob₁W₁; Schmerle ‘выюн’ W₂; Äsche ‘хариус’ Ob₂ (TW, с.251).

В марийском языке наименованием *кодама* обозначают и другой вид – форель. Следует отметить, что практически все лососевые породы рыб, в нашем случае – форель и хариус, очень схожи между собой. По внешнему виду не каждый человек способен определить точную принадлежность особи к той или иной разновидности. Вероятно, поэтому в народной терминологии существовали одни и те же названия как для форели, так и для хариуса.

СЕМЕЙСТВО КОРЮШКОВЫЕ – Osmeridae

РОД КОРЮШКИ – Osmerus

Снеток – *Osmerus eperlanus* m. *spirinchus*

Снеток – мелкая озёрная форма европейской корюшки, небольшая рыбка длиной до 18 см (обычно не более 10 см), типичной массой 6—8 г. (Сабанеев 1959: 426).

32. *охырец* кол Г (РМСБТ, с.86; МРСБТ, с.69; СМЯ IV, с.359), *охрец* кол (Балд., с.36).

Сложный: *охырец* ‘огурец’ + *кол* ‘рыба’ = ‘огурец-рыба’.

Только что пойманная рыба издаёт характерный запах свежих огурцов, отсюда и название данной рыбы.

ОТРЯД ЩУКООБРАЗНЫЕ – ESOCIFORMES

СЕМЕЙСТВО ЩУКОВЫЕ – Esocidae

РОД ЩУКИ – *Esox*

Обыкновенная щука – *Esox lucius*

В семействе щуковых один род Щуки (*Esox*) с 5 видами. В Марий Эл представлен только один вид – Обыкновенная щука (*Esox lucius*).

Щука – одна из самых распространенных рыб в водоемах России. Тело торпедовидное, голова большая, пасть широкая. Окраска изменчива, зависит от характера водоема и растительности: в реках или озерах с песчаным дном щука может быть серо-зеленоватым, серо-желтоватым, в глухих иловатых озерах она имеет более темную окраску, спина темная, бока серовато-зеленые с крупными бурыми или оливковыми пятнами (Сабанеев 1959: 308).

33. *нужь* (П.-Григ.; №1360; №1146; Земл.), *csuka*; *hecht* Gn. 27. Tr. *niš* тж Bd. ‘щука’ (CserS, с.140; VTschW, с.88), *нуж* (Линдб., с.123; СГНМЯ, с.102; РМСБТ, с.101; МРСБТ, с.64; СМЯ IV, с.216), *niž* UC Ć JT, *nøž* JO V, *nž* JP *csuka* / *Hecht* (Beke: 1610), *нуж(го)л*, *ну(ы)ж*, Шия, *ныж* ‘щука’; Карг. (Верш., с.372).

И. Шебештьен, анализируя марийское слово *niš/niž* приводит варианты из самодийских языков: *nódok* ‘*acipenser pygmaeus*’ ‘осетр’, *nōdak*, *nōdek* ‘*sterlād*’ ‘стерлядь’, *nūtšej*, *nuotej*, *nuotil-kuel*, *nuočij* ‘тж’. Под вопросом приводит пример из саам. *noiso* ‘*pisces solito majores*; *store fisk*’ (обычная рыба). Обращая внимание, что уральскому инлаутному звуку -š в самодийских языках соответствует -t, она характеризует ихтионим как уральское наследие. Изменение значения щука ~ стерлядь необычно, но невероятнее, как утверждает она, чем изменение значения щука ~ сиг. Для

этих видов осетров очень характерно торчащий, острый, длинный нос как у щуки (Sebestyén 1935:28).

Уральское происхождение вызывает сомнения у авторов «Tscheremisches Wörterbuch» («Марийский словарь») А. Моисио А. и С. Сааринен, рассматривают под знаком вопроса (Моисио 2008: 427).

Г. Берецки ихтионим *нуж*, *нужгол* включает в финно-угорский лексический пласт (Bereczki 2013: 168). Поиски аналогий в родственных языках показали, что соответствия марийскому наименованию *нуж*, *нужгол* 'щука' встречаются лишь в эрзя-мордовском языке: нучко 'щука'. В.И. Вершинин морд Э *нучко* 'щука' сравнивает с мар. *нуж*, *нужгол* 'тж' и считает это слово марийско-мордовским (Вершинин 2005 III: 304).

В других родственных языках прямых соответствий этому слову нет, ср., например, лексические данные пермских языков: удм. *чине́й* 'щука', к. *сир* 'тж', в обско-угорских: манс. *sort* 'щука', хант. *sört, särt*, N. *sortia* 'тж'. Авторы КЭСЯ приводят также примеры из этих языков и выводят форму **s'ir*, которая является общек.

Во-вторых, не исключена связь названия щуки с марийским словом *нуж* 'крапива', указывающая на цветовую окраску данной рыбы (зеленая, как крапива). Щурята в течение первого года жизни всегда бывают более или менее темно-зеленого цвета; на втором году основной зеленый цвет сереет и на нем уже резко выделяются бледные пятна (Сабанеев 1959: 300). Видимо, это же отразилось в русском ихтиониме зеленятник 'малек щуки'. Выступают оба мотива – молодость, незрелость и зеленый цвет. Впрочем, эта двойственность – цвет и незрелость, молодость неопытность заложена в семантике самого прилагательного зеленый. Возможно, в основу номинаций заложена характерная особенность поведения щуки (свирепая, как крапива). Но, к сожалению, такая трактовка не является убедительным. По крайней мере, мы не нашли наименования щуки в других языках, которая бы была связана в какой-то степени с названием фитонима – крапивы.

Мы рассматриваем слово как финно-угорское наследие.

34. *нуж кол* (Ф.Вас., с.45; ПУг), *нуж-кол* (Ерусл., с.67), *нужгол* (Ўпым., с.135; СГНМЯ, с.102; Ермак., с.63; РМСБТ, с.101; МРСБТ, с.64; СМЯ IV, с.216; TW, с. 427), *nuž-kol* МК, *nuž-yol* М (Веке: 1610).

35. *чорагай* (Ерусл., 67; Ўпым., с.135; РМСБТ, с.101; МРСБТ, с.111; СМЯ VIII, с.403; Верш., с.673) (Кадр. (подговор с. Кадряково (Кадрек) Агрызского р-на Тат.), *t'šoraya·i* Ob Oka Necht (TW, с.104)

< тат. *чурагай* 'шуренок, щука'. Тат. заднерядный гласный у замещается мар. *о* (Исанбаев 1979: 58).

Параллель к ихтионимам тат. *чурагаи*, *чурэкэй* 'шуренок', башк. *сурагаи* 'щука средней величины' имеется в монгольском языке, ср. *цурхай*, *чурагай/чурахай* 'щука', где выделяют аффикс *-гай/-кай* (Рамстедт 1957: 185).

36. *čortan* csuka; hecht Tr. (CserS, с.26), *чортан* (Ўпым., с.135; РМСБТ, с.101; МРСБТ, с.111, РМСБТ, с.101; Ермак., с.63; СМЯ VIII, с.405; Верш., с.647), *чуртак* (Линдб., с.123), *tšolta-n* М, *tšurta-n* СК, *tšorta-k* ČN csuka / Hecht, *tšortan-kol* (Beke: 3144)

< тат. *чуртан* ‘щука’, башк. *суртан* ‘щука (большая, старая)’ (Szilasi 1901: 26; Исанбаев 1994: 155). М.Р. Федотов считает, что ихтионим *чортан* был заимствован из чувашского языка: *çăрттан* (Федотов 1990: 255). Однако слова, имеющие соответствия: чув. *о* и тат. *у* следует квалифицировать как татаризмы. Здесь чув. *ă* = *о*. Тат. заднерядный *у*, восходящий этимологически к общетюркским **о*, в значительном количестве слов замещается мар. *о*. Это наиболее древний звуковой облик татарских слов (Грузов 1965: 107).

Достоверной этимологии **чортан* в тюркологии пока нет. Эта лексема встречается во всех тюркских языках: башк. *суртан/сортан/суртак* чув. *сартан*, каз., ног. *шортан*, узб. *чуртан балик*, ткм., алт., кирг. *чортан*, шор. *шортан*, тув., якут. *сордон*, хак. *сортан*; в тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *сордону*, эвк. *сордох*; в северо-монгольских языках: бур. *шордо*, калм. *цурдог/цурдаг* ‘шуренок’.

Чортан зафиксировано в славянских языках: русск. *чортан* ‘мелкий карп’ (дельта р. Дунай), укр. *чертан* ‘маленький карп’, с.-хорв. *чортан* ‘тж’, болг. *чортан* ‘тж’, известно оно и в рум. *ciortan* ‘карп’. И.Д. Гриценко семантический сдвиг в славянских языках объясняет случайным совпадением с ‘черт – нечистый’ (Гриценко 1964: 31). Кроме случайного совпадения с ‘черт – нечистый’, семантическому сдвигу способствовало и то, что в мифозтическом представлении карп связан с подземным миром и из составившего карпа происходит мифологическая змея, кроме того, черт – дух воды (Валецкая 1978: 35).

Кроме того были попытки объяснить происхождение ихтионима *чуртан* по схеме «характерная повадка данной рыбы – бросаться из-за укрытия на свою добычу» и связать с ногайским словом *шорт* – ‘внезапно броситься на...’ (Нафиков 1987: 58).

Р.Г. Ахметьянов, характеризуя происхождение тат. слова *чуртан* ‘щука’, возводит к общетюркскому *чортан* и предлагает древнетюркскую основу **чур(а)*. (Ахметьянов 2001: 240).

Ихтионимы *чорагай* и *чортан* употребляется для номинации щуки в бирском, балтачевском говорах восточного наречия марийского языка. Однако лексема *чортан* ‘щука’ известна в отдельных подговорах волжского, моркинского говорах и в значении ‘шуренок’ сернурского говора лугового наречия.

37. *алдырмыж* (ЭСМЯ –I, с.86).

Как полагает Ф.И. Гордеев, является метафорой от *алдырмыж* ‘бестолковый’, заимствованный из татарского языка: *алдыру* ? от *алу* ‘брать, взять’ + суф. *сущ.*

-*мыш (-меж)* – букв. ‘заставляющий брать, взять’ (Гордеев 1979: 85, 86). Изложенная этимология ихтионима Ф.И. Гордеева вызывает некоторые сомнения. И.В. Вершинин, исследуя данное слово, пришел к выводу, что *алдырмыж* ‘щука’, возможно, связана с корнями *алд-*, *алдер-*, *алдыр-*, первичное значение которых ‘большой’ (Вершинин 2018: 32–33).

38. *куж, куш* (Линдб., с.123) р.Кама – Ревн.:219; Варп.,1886а: 27.
По-видимому, здесь произошла описка или опечатка: *к ~ н*.

Для номинации щуки в марийском языке имеется 4 названия, из которых один *нуж, нужгол* ‘щука’ является финно-угорским наследием. Два ихтионима: *чортан* ‘щука’ и *чорагай* ‘тж’ относятся к татарским заимствованиям, ихтионим *алдырмыж* ‘щука’ – неясного происхождения.

ОТРЯД УГРЕОБРАЗНЫЕ – ANGUILLIFORMES

СЕМЕЙСТВО УГРЕВЫЕ – Anguillidae

РОД УГРИ – Anguilla

Речной угорь – Anguilla anguilla

Благодаря своему длинному (иногда до 1 метра), змееобразному и покрытому слизью телу угри очень напоминают миног, поэтому данные особи, возможно, получили одно и то же наименование, что и минога.

39. *шымрожанкол* (РМСБТ, с.52), *шѣмыражанкол* Г (СГНМЯ, с.217). См. № 1.

ОТРЯД КАРПООБРАЗНЫЕ – CYPRINIFORMES

СЕМЕЙСТВО КАРПОВЫЕ – Cyprinidae

РОДЛЕЩИ – Abramis

Лещ – Abramis brama

Внешне от своих сородичей лещ отличается более высоким, сплюснутым с боков телом; заостренным рылом; более длинной нижней лопастью хвоста и удлинненным заднепроходным плавником (Сабанеев 1959: 123).

40. *лобалъ* (ПГр.; №1360), *лабалъ* (№1146), *lawal* (m) brachs; cyprinus brahma Bd. M. 43 (CserS, с.108), *lowal* (m) (CserS, с.116), *la·bal* Brachsen, Brassen (BTschW, с.65), *ловал* Л (Ерусл., с.93; Ёпым., с.103; РМСБТ, с.46; Ермак., с.62; МРСБТ, с.51; СМЯ III, с.357), *лавал* Г (ПУг; Ёпым., с.103; СГНМЯ, с.76; РМСБТ, с.46; МРСБТ, с.50; СМЯ III с.357), *lo·bal*, *lo·ba·l* Ob₁ Mm₁ Mwo Mup, *lo·pa·l* Ok, *la·bal* W Brachse, Blei (лещ) Ok Mup W, ein mit

dem Aland verwandter Fisch (nicht Brachse) Mm₁, Fisch mit rote Flossen und größer als der Brachse (рыба с красными плавниками и больше чем лещ) Mwo (TW: 339), *loḡa-l* М ММ, *loḡa-l* СК Ч JT, *lopa-l* МК, *la-ḡal* JO JP K dévérkeszeg / Brachs, Brachsen / лещ (Beke: 1265), *lafká* Mwo (TW, с. 329), *лова-л* Шия (говор д. Большая Шия (Куго Шия) и д. Каргали (Коракъял) Мамадышского р-на Тат.) (Верш., с.281).

В своих этимологических изысканиях И. Шебештьен характеризует ихтионим как финно-угорское и сравнивает его с эст. *labakas* ‘brachsen, abramis brama L.’ (лещ) и саам. *laeppadak* ‘Pleuronectes hippoglossus’ (камбала). Обращая внимание на следующие группы финно-угорских слов: саам. *lāppe* ‘plana superficies alicujus rei, plama, planta’ (плоская поверхность, возможность расширения); фин. *lappea*, *lappia* ‘flach, platt und breit’ (плоский и широкий), *lappa* ‘dünne eisenplatte’ (тонкие пластины железа); мордЕ *lapužǵ*, М *lapš* ‘flach; fläche’ (плоский; плоскость), М *kād-lapa* ‘handfläche, flache hand’ (ладонь); мар. КН, J *ki-d-lapa* ‘handfläche, flache hand’ (ладонь), *ja-lapa* ‘fussblatt’ (лопасть ног); коми *lapa: kok-lapa* ‘fussblatt’ (лопасть ног); удм. *lap: lap-iñti* ‘niederung, niedrige fläche’ (низменность, низкие поверхности); хант. *lõpsǵx* ‘platt, flach’; венг. *lap, lapály, lapos* ‘тж’; самод.юр. *lapsǵǵ* ‘platte, scheibe ‘тж’, приходит к выводу, что первоначальное значение ихтионима – ‘плоская рыба’ (Sebestyén 1935: 54).

Не вызывает сомнения, что финно-угорские слова со значением ‘плоский, широкий’ восходят к уральскому корню **lõp-*, ср. мар. *лопка* ‘широкий’, *лапка* ‘плоский’, морд Э *лапуха*, М *лапи* ‘плоский’ ненец. *лата* ‘широкий’, *лабцей* ‘широкий и плоский’.

В пользу данного положения говорит и тот факт, что в говоре д. Большая Шия (Куго Шия) и д. Каргали (Коракъял) Мамадышского р-на Татарии лексема *лова-л* имеет два значения: 1) лещ; 2) уст. широкий и плоский; *ловал шудо* – название травы с очень широкими листьями (так называли траву в старину) (Верш., с.45).

Вполне вероятно, что в марийском языке лексема *ловал* раньше употреблялась в значении ‘плоский, широкий’.

Для номинации леща в эстонском языке употребляется лексема *lasn: leivalasn* ‘хлебная лопата’: *leba lasn, ja se kala oli ka niukke lai, üitti lasnad* (рыба такой же ширины как хлебная лопата (ломоть)). Название *labakas* ‘лещ’ служит для различения величины рыбы. Так называют только самых больших лещей (Kendla 1999: 46).

Составители «Краткого этимологического словаря коми языка» предлагают общепермскую форму **lapa* ‘вид какой-то рыбы’> кп. *ляпа* ‘подлещик’, удм. *ляпа* ‘сом’ (КЭСК: 166). А.Н. Ракин относит праперм. основу **lapa* ‘вид какой-то рыбы’ к лексическим неологизмам, которые впервые появляются в прапермскую эпоху (Ракин 2009: 59).

В этом же словаре приведена лексема *лапитны* ‘сплющить, расплющить’, корень *лап-* обозначал ‘нечто сплющенное, раскатанное, плоское’, ср. *лапö* ‘лепешка’, *лапкöдны* ‘катать, раскатать’, удм. *лап* ‘пологий’. В SKES удм. *лап*, *лапеч* ‘низкий, пологий’ сопоставляется с фин. *lappea*

‘плоский’, мордЭ *лапужа* ‘сплюснутый’, мордМ *лапи* ‘плоский’, венг. *lap* ‘лист’, ‘пластинка’, мар. *лап* ‘низкий’ (КЭСК: 157). Имеют ли эти слова генетические связи?

Следует подчеркнуть, что в удмуртском языке для номинации леща используется лексема *пая*, для которого К. Редеев восстанавливает уральскую праформу **paʃz* ‘вид рыбы’ и под вопросом сравнивает с манс. *pail*, *pajil* ‘карась’ и самод. *paʃa*, *paiha* ‘Peljedka’, *pājχā* ‘ein Lachsfisch’. (UEW 1988: 348).

Если в словаре М. Фасмера слово лещ сравнивается с эст. *lest* и лат. *leste* в значении камбала (речная), которое сопоставляется с лат. *lesns*, *lēns*, *lēss* ‘плоский’ (Фасмер IV: 490–491), то В. Даль помещает название рыбы в гнездо слова *ле'ша*: «Лёщедь, и лёщадь собирает. плита, колотый на слои и обтесанный камень, плитняк». Иначе говоря, В. Даль полагает, что русск. название связано с понятием ‘плоский’ из-за уплощенной с боков формой ее тела (Даль II: 250).

То, что именно плоская форма тела лежит в основе номинации рода лещей, подтверждают его названия и в других языковых семьях: чув. *лапчашкă* ‘лещ’, от *лаптак* ‘плоский’, азерб. *тахтабалык* ‘чернобровка’ (из рода лещей), букв. ‘доска – рыба’, алт. *азы балык* ‘камбала’ (*азы* ‘широкий’, тур. *асы балык* ‘камбала’ (*асы* – плоский, широкий)).

В этой связи небезынтересно подчеркнуть, что в индоевропейских языках встречается несколько фонетических вариантов слова с значением ‘лист’: **lap*, **lor*-, **lep*-.

По нашему мнению, представляется возможным существование в финно-угорских языках древних слов с основой *lap*-, *lāp*- с первоначальным значением ‘плоский, сплюснутый, раскатанный, широкий, низкий’, что в дальнейшем послужило основой для номинации как леща, так и других плоских или сплюснутых предметов.

Мы рассматриваем ихтионим ловал ‘лещ’ как лексику финно-угорского происхождения.

41. *лапка-коль* (Земл.).

Сложный: *лапка* ‘плоский, широкий’ + *кол* ‘рыба’ = ‘плоская, широкая рыба’.

42. *чабак* (СМЯ VIII, с.288), *чебак* (СМЯ VIII, с.288)

< тат. *чабак* ‘плотва сорога; мелкая рыба’, чув. *супах*, *супак*; *чапак* ‘лещ’, башк. *сабак* ‘сорожка, плотва’. Установлено, что соотношение тат. [ч] с чув. [ч] свидетельствует о татарском источнике заимствования, поскольку татарский язык сохранил общетюрский *ч без изменения (Ахметьянов 1978: 155).

Р.Г. Ахметьянов тат. *чабак* ставит рядом с турецким, крымско-татарским *чапак* ‘плоская рыба’ от *чалтак* ‘плоский’. Последнее имеет общетюрский характер. Но, как отмечает Р.Г. Ахметьянов, слово *чабак* может иметь и другую этимологию. Приводит параллели из разных

тюркских языков: кирг. *чабак*, древ. тюрк. *чапак* ‘чабак, мелкая рыба’, тув. *шавага* ‘мелкая рыба’, алт. *чабага*, азерб. *чапах*, *чинах* ‘лещ’, каракалп. *чабак* ‘лещ; плотва’ (Ахметьянов 1969: 536; 2001: 225).

Это слово известно почти всем тюркским языкам, из которых оно заимствовано и в восточно-славянские языки, ср. рус. *чабак*, *чебак* ‘лещ’; определенная порода рыб, укр. *чабак* ‘лещ’, белорус. *чубак* ‘тж’.

Этимологию тюркского слова **чабак* см. Р.Г. Ахметьянов (1978), Е.А. Лебедева (1983), О.Н. Бятикова (2003).

43. *лёша*, *лоси*, *эша* Л ‘сухой лещ’ (Земл.), *леща* (А) (Орш. р-н)
< русск. *лещ*.

44. *lopa la-š (izəra-k lopa-l)* МК / lachsartiger Fisch (kleiner lopa-l) / подлещик (Beke: 1294), *lopala-š* МК / fiatal dévérkeszeg / junger Brachsen. *sò-pa ku-škeš, la-βal li-ješ* KŠ, wächst, es wirt aus ihm Brachsen (Beke: 2223).

Лопал ‘лещ’ + *-аш* суффикс, который указывает на молодой возраст.

45. *шаба* Нырг. (д. Нырганда (Ныргындыш) Каракулинского р-на Удм.): подлещик – плоская белая рыба, особенно крупной не бывает, крупная см. 30 (Верш., с. 695).

46. *шемиулдыр* (МРСБТ, с. 116)

Сложный: *шем* ‘черный’ + *шулдыр* ‘плавник’ = ‘черный плавник’ = ‘лещ’.

Ярко выраженные черные плавники послужили основой для номинации данного названия (ср., на о. Ильмень – чернокрылка ‘лещ’).

В марийском языке для наименования леща имеется одно финно-угорское слово, одно татарское наименование, два названия образованы на базе марийского языка. Заимствованным из русского языка является одно слово.

Лексемы *лопалаш*, *шаба* обозначает молодую особь леща.

РОД СИНЦЫ – Ballerus

Синец – Ballerusballerus

У синца иссинеперламутровая, с зеленым отливом спина, серебристые бока и брюшко, отсюда и название – синец, которого на Костроме и в других местах по Волге называют обыкновенно сопой. Важно отметить, что синец по внешнему виду очень близок к белоглазке (*Abramis sapa*), называемый также *сопой* (Сабанеев 1959: 134).

47. *шувач* Г (СГНМЯ, с.205; Ермак., с.65; МРСБТ, с.121; Ермак., с.65; СМЯ IX, с.300).

По нашему мнению, марийское название *шувач* можно сравнить с русск. *сопач* ‘синец’, которое употребляется в Саратовской губернии (р. Волга) (Кесслер 1870: 257): мар. *шувач* < русск. *сопач*.

В марийском языке ихтионим употребляется в речи носителей горного наречия. Деревня Руткинская Грива в Козьмодемьянском уезде построена переселенцами из Саратовской губернии (Казанцев 1985: 135).

В марийском языке звук [с] в русских заимствованиях передается как [ш], [в] < [п], [о] > [у].

Так же лексемой *шувач* в горномарийском языке называют представителя семейства карповых густеры, которая очень близка к синцу (СГНМЯ, с. 207).

48. *шона* (Ермак., с.65), *sòpa* Č, *sò·pa* KŠ, *šopa* KA KJ KN, *šopa* W₁ (TW, с.708) < русск. *сопа* (Saarinen 2008: 708). Этимология русского слова неясна. При исследовании ихтиологической лексики в говорах русского севера

Е. А. Березовская предполагает возможную связь лексемы *сопа* с прибалтийско-финским источником, ср. *sapakka* ‘маленький сиг, маленькая плотва’, *sopakka* ‘маленький сиг’ (Березовская 2006: 79).

В собранных материалах Э. Беке имеется интересная запись: *lopala·š* МК / *fiatal dévérkeszeg* / *junger Brachsen*. *sò·pa ku·škeš, la·bal li·ješ* KŠ, *wächst, es wirt aus ahm Brachsen* (*вырастая, сопa становится лецом*) (Беке: 2223). Также в одном из говоров русского языка (Белозерский район Вологодской области) сапой называли рыбу на первом году жизни.

49. *шувачшона* Г (МРСБТ, с. 121), *шувач сопa* (Балд., с.71).

Сложный: *шувач* ‘синец’ + *сопа* ‘синец, белоглазка’. Возможно, поводом к возникновению такой композиции послужило сходство в самой группе рыб: синец ↔ белоглазка. Также может быть объяснено неразличением реальных, т. е. смешением двух или более рыб.

Белоглазка – Abramis sapa

Глаза крупные (до 30% от длины головы) с бело-серебристой радужиной, отсюда и название (устаревшие названия, синонимы, подвиды: *сопа, сапа, глазач, клепец*). Надо отметить, что белоглазка очень похожа на синца и отличается от него лишь более крупной чешуей и выпуклым глазом. Рыбаки часто путают их, поэтому названия этих рыб схожи (Сабанеев 1959: 234).

50. *шона* (СГНМЯ, с.205; Ермак. с.64; СМЯ IX, с.233), *сопа* (Балд., с.70, Ермак., с.64). См. № 41.

51. *шувачшона* (СМЯ IX, с.300), *шубач-сопа* (Линдб., с.129). См. № 42.

52. *шувач* (Ермак., с.64), *шубач* (Линдб., с.129). См. № 40.

53. *шеме-шулдыр-кол* (Гр.) ‘синец’, *šeme-šuldər-kol* *cyprinus balenus* ? (CserS, с.214), *шешулдыр* ‘белоглазка’ (Ермак., с. 65)

Сложный: *шеш* (*e*) ~ *шеме* ‘черный’ + *шулдыр* ‘плавник’ + *кол* ‘рыба’ = ‘рыба с черным плавником’. См. № 50.

РОД БЫСТРЯНКИ – *Alburnoides*

Быстрянка – *Alburnoides bipunctatus*

Во многих местностях ее смешивают с уклейкой, с которой она представляет большое сходство как по величине, так и образу жизни (Сабанеев 1959: 86).

54. *писыгол* (МРСБТ: 63).

Сложный: *писе* ‘быстрый, быстреходный, резвый, стремительный, шустрый’ + *кол* ‘рыба’ = ‘быстреходная рыба’. Подчеркивается характер движения: у этих рыб высокая скорость перемещения в воде.

РОД УКЛЕЙКИ – *Alburnus*

Уклейка – *Alburnus alburnus*

Очень мелкая рыба, плавает стайками у поверхности воды. Само же название уклейки связано, видимо, от клейкой её чешуи. Чешуя слабо сидит на теле, поэтому при малейшем её прикосновении она либо слетает, либо прилипает к рукам.

Известный ихтиолог Л.С. Берг, пытаясь выяснить некоторые этимологии русских названий рыб, предполагает, что лит. *аукиле*; слав. *уклея*, *шаклея*, *башклея* (на озере Ильмене и на востоке (Кама, средняя Волга) и *вашкол*, *вашкар* (на Белоозере и Чарданском озере) одного корня, очевидно с финского (Берг 1948: 62).

55. *вишкѣлэ* ‘молявка’ (Ўпым., с.37), *вишкыле* (Балд., с.63; РМСБТ, с.94; МРСБТ, с.11; СМЯ I, с.248) – ‘уклейка’, ‘верховка’ (Ермак., с.61), ‘малек, молодь рыб’ (МРСБТ, с.11); *вишките* Л (с. Ст.-Гор.), *вискыле* Л (Чодраял Волж., Торешкибар ‘малявка, мелкая рыба, плавающая поверху’ (ЭСМЯ – II, с.123), *βiškāl’ə* Ms Weißfisch ‘сиг’ (TW, с.43); *βiškil’ə* BJ, *βi·škāl’ə* UP Usj US, *βiškāl’e* UJ / Weißfisch, Witing / уклейка (Beke: 153).

Ф. Гордеев предлагает общемар. форму в виде **виските* > приб.-фин. (> русск.) *вашкальё* ‘мелкая рыба’ / вепс. *vizud* ‘мелкая рыба, малек’ / саам. *vis’kupā* ‘окунь’, и полагает, что слово в финно-угорских языках германского происхождения (Гордеев 1983: 123). Мнение о германском происхождении данной рыбы вызывает большое сомнение как по фонетическим, так и семантическим признакам. И.В. Вершинин также игнорирует такое предположение (Вершинин 2018: 80).

Другую версию происхождения мар. *вишкыле* ‘уклейка’ предложила в свое время И. Шебештьен. По ее мнению, ихтионим *βiškâl’ə* финно-угорского происхождения, где *-l’ə* – уменьшительный суффикс, который используется для обозначения небольших животных. Корень *βiškâ-* соответствует финскому корню *ahve-* ‘окунь’ и саам. *vuosko* ‘окунь’. Саам. *-sk-* и мар. *-šk-* восходят к **-śk-*, а фин. *-hv-* – слабая степень. В соотношении фин. и мар. начального звука должно быть принятым во внимание, что фин. гласный в начале слова и в мар. *-β-* в большинстве случаев эквивалентны: мар. КН *βa-ðar*, U. *βoda-r* ‘euter’ (вымя) ~ фин. *utare*; КН *βâ-tšem*, U *βut’še-m* ‘wartem’ (ждать) ~ фин. *odotta* и т.д. В слове *ahven* – *a-*, как было показано, восходит к первоначальному лабиализованному *-o-*. И на этой основе для вышеуказанных мар. *βiškâl’ə* и фин. *ahven* хорошо согласуются. Интересно, что в разговорном (народном) языке в северной Финляндии употребляют *ihven*, в котором лабиализованный гласный стоит в начале слова. Что касается вокализма первого слова, то надо брать во внимание следующие согласования: мар. U *šihd’že-m* ‘sitzen, stehen’ (сидеть) ~ саам. *šuožžot* ‘stare’ (глазеть); мар. КН *tšî-ŋgēm*, U *t’šünge-m* ‘stehen, picken’ (клевать) ~ фин. *hungata, hunkoa*; мар. *mil’q-nDîerde*, erdboden’ (земля, грунт) ~ фин. *muta*; мар. КН *βit’škä-ltäš* ‘klopfen, streicheln’ (стучать, колотить) ~ фин. *vatkata*, (*i~u, i~a*). По семантическому значению фин. ‘perca fluviatilis’ (окунь) и мар. *щаклей* стоят далеко друг от друга. Но, учитывая народную или скорее всего фольклорную форму слова *ihven*, которую в своем словаре Ренвалл поясняет так: *ihven* ‘pisciculi species (sain ihveniä) (рыбки) ‘kleine fischart’, это значение по большей части соответствует марийскому значению слова (Sebestyén 1935: 62, SKES I: 7).

Д. Е. Казанцев не останавливается подробно на этимологии данного ихтионима, а называет его только в числе слов, относящихся к финно-угорскому наследию (Казанцев 1972: 69). В статье А.С. Ефремов, ссылаясь на исследование Г. Берецки “Финно-угорские элементы в лексике марийского языка”, причисляет анализируемое слово к финно-угорскому лексическому пласту (Ефремов 1981: 148).

На основе вышеизложенного, марийское слово *вишкыле* ‘уклейка’ следует признать финно-угорским наследием.

56. *si-lði* Weißfisch; *silði-mol’ə* (BTschW, с.120), *сильди* (Линдб., с.135), *сильди* Г (Балд., с.63; СГНМЯ, с.145; РМСБТ, с.94; СМЯ VI, с.199), *sil’ði: s.-mòl’ə* К fehérhal / Weißfisch (Beke: 2204), *sil’ði, si-lði Wimol’ə* (TW, с. 627) < русск. *сельдь* (TW, с. 627). В марийском языке ихтионим употребляется в речи носителей горного наречия. Похожа на маленькую селедку с мелкой чешуей: *sil’ði-mòl’ə*, букв. ‘маленькая селедка’ (инф. Синичкин С., Горно-марийский р-он).

57. *ййивыла* Г (РМСБТ: 26)
Этимология неясна.

58. *шекля* (Ерусл., с.93), *шйклей* С-3 (ССЗНМЯ, с.273)

< русск. *шакля*. То же, что *цикля* – мелкая рыба, уклейка (Сл. русск. говоров Среднего Урала: 40, 60). Характерно только для говоров восточного наречия.

В Санчурском районе Кировской области в деревнях по реке Большая Кокшага одновременно употреблялись названия *башклёйка* и *чиклёйка*, название *уклёйка* не употребляется до сих пор. В других районах Кировской области распространено название – *шекля*. На среднем Урале имеет название *щекля* (Сабанеев 1959: 157).

59. *муляшка* (Линдб., с.135)

< русск. *баклешка* (Волга: сарат. – Кессл., 1870:262).

60. *мьльэ*, *мольо* (Ўпым., с.121), *моло*, *мыле* (Ермак., с.62). См. № 205.

61. *шапка – колЪ* (№1360) ‘башклеяка, укля’, *šarka-kol* ‘башклеяка’ (рыба) (CserS, с.211), *шапка-кол* Л (Ўпым., с.257), *шапкагол* (СМЯ IX, с.33).

Сложный: *шапка* ‘бледный, блеклый, тусклый’ + *кол* ‘рыба’ = ‘бледная, лишённая яркости рыба’. Окраска серебристая с сильным отблеском, что послужило основанием для наименования ихтионима.

Для номинации уклейки в марийском языке имеются 6 единиц, из которых два является финно-угорским словом (№ 54, № 59), одно создано на базе марийского языка (№ 60), остальные относятся к русским заимствованиям.

РОД ЖЕРЕХИ – *Aspius*

Жерех – *Aspius aspius*

Хищная промысловая рыба, похожа на язя, но более узкая и серебристая.

62. *агачак* (Исанб., с.34) В прибел., *агасак* диал. (СМЯ I, с.35)

< башк. диал. *агасак*, *агачак*, лит. *агасьянак*. Н.И. Исанбаев считает это слово прямым заимствованием из башкирского языка, о чем свидетельствует фонетический облик башкирских вариантов (употребление согл. *с* на месте тат. *ч* во всех позициях слова ср. тат. *агачак* ‘жерех’) (Исанбаев 1989: 56).

Ф. И. Гордеев относит это слово к татарскому заимствованию, ср. тат. *агач* ‘дерево’ + мар. суф. *-ак* – буквально ‘живущая под валежниками’ (Гордеев 1979: 45).

63. *жерик* (Линдб., с.203), *жерех* (РМСБТ, с.28; СМЯ I, с.449), *жерык* (Балд., с.60), *жерок* (РМСБТ, с.28)

< русск. *жерех*. Суф. образование (ср. *лемех*) от *жер* ‘пища, аппетит’, производного от *жьрати* ‘жрать, есть’. Рыба получила свое имя по свойственной ей прожорливости (Фасмер I: 56).

64. *чõнчй* (Ўпым., с.246), *чõнча* (Ермак., с.64; СМЯ VIII, с.414), *чõнчõ* (МРСБТ, с.111), *чõнчы* (РМСБТ, с.28).

Собственно марийское название. Название с затемненной внутренней формой. Трудно проследить тенденцию возникновения подобных наименований, мотивы, причины их создания.

В марийском языке для номинации жерева имеется одно тюркское проникновение, одно русское и собственно марийское образование.

РОД ГУСТЕРЫ – Blicca

Густера – Blicca bjoerkna

Стайная рыба, очень близка к лещам. Серебристым, сильно сплюснутым с боком телом напоминает молодого леща. Весной и осенью густера встречается чрезвычайно густыми стаями, откуда и произошло ее общеупотребительное название (Сабанеев 1959: 178).

65. *талдаш* (Линдб., с.143; РМСБТ, с.22; МРСБТ, с.95; СМЯ, с.25).

< тат. Ф.И. Гордеев в своей статье “Татаризмы в лексике марийского языка” (Гордеев 1976: 101) отмечает, что *талдаш* ‘густера’ заимствование из татарского языка: *talda-ş* ‘подлещик’, ср. *tal* ‘ива, верба, тальник’, *taş* ‘камень’.

66. *тарашкы* Г (Балд., с.66; РМСБТ, с.22; МРСБТ, с.95), *тарашка* (Линдб., с.143).

< русск. *тарашка* ‘густера’ (н.т. Волги – Пром. р.:404). В разных регионах она имеет разные названия: *горбыль*, *плоскушка*, *плоскирь*, *таранка*, *тарашка* и др. (Сабанеев 1959: 367).

67. *шувач* (СГНМЯ: с.207).

В горном наречии марийского языка употребляется лексема *шувач* в значений ‘синец’ и ‘густера’. См. № 47.

РОД КАРАСИ – *Carassius*

Карась – *Carassius carassius*

Выделяют два вида карася: Карась золотой (карась обыкновенный) и Карась серебряный.

68. *карака* (№1360; №1146; Земл.; Ерусл., с.93; Тр., с.17; Ёпым., с.62; Ермак., с.61; МРСБТ, с.29; СМЯ II, с.252), *karaka* (CserS, с.68), *корак* (Линдб., с.146), *кар-кә* С-3 (ССЗНМЯ, с.77), *käpākä* В прибал. (Исанб.П: с.87) *karaka* Р В М UP CÜ, *kara-ka* CČ JT, *kärä-kä* JO *kárász* /Karausche (Beke: 647), *karaka*, *karaka* ObiMs Mm_{1,2} Мур, *karakq* Mm, *käräkä* NW, *karaka kol* Oka (TW, с. 224)

< тат. *käpākä* ‘карась’ (Троицкий: 17; Szilasi: 68; Räsänen 1969: 34; Исанбаев 1994: 87; TW: 224). Тюрколог Р.Г. Ахметьянов слово признает древнетюркским: *кәрәкә* ‘карась’ – этимология неясна, узб. *карака* ‘карась’, тат. диал. *кыраша* ‘карась’, сиб. тат. (диалект сибирских татар) *кәреш* ‘стерлядь’ (Әхмәтъянов 2001: 99).

69. *карас* (ПУГ ; Тр., Ёпым., с.62; СГНМЯ, с.48; МРСБТ, с.30; СМЯ II, с. 253), *karas* (Ф.Вас., с.37; CserS, с.68), *ka-ras* *karausche* (BTschW, с.38), *karas**, *ka-ras* MwoW₁ (TW, с.224)

< русск. *карась* (Szilasi: 68; Васильев: 37; Ramsted: 38; Saarinen: 224; Саваткова: 98).

Употребляется в горном наречии и в некоторых северо-западных диалектах (тонш., шаранг.) марийского языка (Саваткова 1969: 98).

70. *шөртньыгол* (МРСБТ, с.31).

Сложный: *шөртньо* ‘золото’ + *кол* ‘рыба’ = ‘золотая рыба’ = ‘карась’. Тело имеет окраску от медно-красного до ярко-золотистого тонов, отчего и карась получил название – золотой.

71. *йошкарге карась* (А)- Кузн. р.

Сложный: *йошкарге* ‘красный’ + русск. *карась* = ‘красный карась’. Наименование подчеркивает окраску тела рыбы.

Серебряный карась – *Carassius auratus gibelio*

72. *ошкарака* (Балд., с.40; МРСБТ, с.70).

Сложный: *ош(о)* ‘белый’ + *карака* ‘карась’ = ‘белый карась’ или ‘серебряный карась’, где компонент *ош(о)* подчеркивает окраску серебряного карася. По описанию Сабанеева, у серебряного карася “чешуя имеет иногда черноватый оттенок, словно пролежавшие долго в земле серебряные монетки” (Сабанеев 1875: 167). Названия с определительным компонентом ‘белый, светлый, блестящий, серебристый’ имеет широкое распростра-

нение. Ср. чув. *сут куҫ*, *суткарас* ‘карась’, где *сут* ‘светлый, блестящий’. Окраска рыбы выступает как признак номинации и в других языках.

73. *ошкарас* Г (МРСБТ, с.70), *оше карась* (А) – Кужн.р.

Сложный: *ош(о)* ‘белый’ + русск. *карась* = ‘белый карась’ или ‘серебряный карась’.

В марийском языке для карася имеется 6 народных названий, из которых *карака* является татарским проникновением, *карас* заимствован из русского языка. Собственно марийскими являются *ошкарас*, *ошкарака*, *йошкарге карась*, *шортньыгол*. Четыре последних наименования служат для различения подвидов карасей.

РОД ПОДУСТЫ – Chondrostoma

Подуст волжский – Chondrostoma nasus variabile

74. *подузы* Г (СГНМЯ, с.121; МРСБТ, с.77), *подуз* (Ўпым., с.158), *падуза*, *потус* (Линдб., с.151), *potus* (CserS, с.176), *роду-za* der Näsling (BTschw, с.102), *родузэ* W₁ (TW, с.522)

<русс. *подуст* (Szilasi: 176; Ramsted:102; TW: 522).

Название указывает особенность этой рыбы – положение рта, который находится под сильно выдавшимся коническим и хрящеватым носом, верхняя челюсть шире и длиннее: рот (или уста) находится "на поду", то есть внизу (Сабанеев 1959: 190).

Ареал этого названия охватывает горное наречие марийского языка.

75. *пурьш* (СМЯ V, с.368), *юлысо пурьш* (ЭРМЭ: с.629) ‘подуст волжский’ (ЭРМЭ: с.629)

Мы предполагаем, что данное слово собственно марийское образование. Образовано от слова *пураш* ‘заходить’. Половой зрелости волжский подуст достигает в трех-четырёхлетнем возрасте и нерестится на средней Волге до начала мая, т.е. на Волге подуст бывает недолго, как бы заходит на время (Балдаев 1971: 178).

76. *su·kmo* Ok Nasefish (TW, с.642)

По мнению И. Шебештьен, мар. слово *сукмо* имеет уральское происхождение: хант. *schóhor* ‘salmo lavaretus’ (обыкновенный сиг), *šogor* ‘coregonus lavaretus’, *šöjær*, *šöjâr* ‘щокурь’ (пресноводная рыба из рода сегов), манси *sūkür*, *sōxer* ‘salmo lavaretus’ (обыкновенный сиг), *sukër* id., мар. *su·kmo* ‘подуздь’, где *-то* суффикс, который есть в словах *pəzə·lmə*, *pükxše·rmə*, удм. *t’suki·rna* ‘пескарь’, где *-na*, вероятно, суффикс как в коми *gurina*, *-rna* – сложный суф., самод. *sáug·chall* ‘salmo omul’ (арктический омуль, рыба из

рода сигов). *Sáug* то же, что и самод. юр. *sāßßk*, и *hāvvask* ‘заостренная голова’ – *sáug-chall* ‘рыба с острой головой’.

Она констатирует, что особенности тела рыбы как острая голова, острый нос – это принцип номинации для всех видов рыб, которые используются в уральских языках. А у обыкновенного сига (подуст) яркой особенностью является – длинный выступающий вперед нос. Этот признак отражается в датских и немецких названиях рыб: *schnäpel* ‘подуст’ = *schnabel* (клюв) (Sebestyen 1935: 15).

Исходя из вышеизложенной трактовки, условно все же можно предположить, что мар. *сукмо* ‘подуст’ – ‘рыба с острой головой или с длинным выступающим вперед носом’.

Для номинации подуста представлено 3 наименования, из которых одно восходит к уральскому праязыку (№73), одно образовано на базе марийского языка (№74) и одно является русским проникновением.

РОД КАРПЫ – Cyprinus

Сазан – Cyprinus carpio

Внешность данной рыбы очень красива: покрыта необыкновенно крупной темно-желто-золотистой чешуей, которая на спине темнее, с синеватым оттенком, а на брюхе светлее (Сабанеев 1959: 257).

77. *sa-zan* der Kühling (BTschW, с.118), *сазан* (СГНМЯ, с.141; СМЯ VI, с.127), *saza-n* Usj US C Ć, *sa-zan* JT K pontyfai / eine Art Karpfen (Beke: 2177), *saza-n* Ok Ms Mm, *sozan* Мур, *sà-zan* NW W₁, *sa-zan* W₂ (TW, с.621)

< ? тат. *сазан* ‘сазан, карп’, чуваш. *сасан*, *сăсан* ‘сазан, карп’, башк., турецк., казах., кир., азерб., тув., калп., узб. *сазан* ‘сазан, карп’, турк. *саазан*, чаг. *сазан*. <др. тюрк. **сарFañ* (Әхмәтъянов 2001: 272).

> русск. *сазан* (TW: 621).

Учитывая употребление данной лексемы, в большинстве случаев, в горном наречий марийского языка, название заимствовано либо из татарского языка через русское посредство, либо сразу лексема проникла в марийский язык из татарского языка.

Этимология тюркского слова окончательно не выяснена, имеются разные толкования. Тюркологи, этимологизируя данное слово, выделяют корень *саз, сар* или *саз – а-*. Попытка объединить все варианты этимологии основывается на корневом родстве слов *сазан* и *сазаган* (змея) и на общих древнеславянской и древнетюркской мифологии представлениях о происхождении змея (дракона) из сазана или карпа, достигшего столетнего возраста. Учитывая излюбленные места обитания сазана – хорошо прогреваемые, заросшие участки водоема с частично заиленным дном, можно увидеть и прямую семантическую связь с корнем *саз-* ‘болото, ил’ (Сетаров 1987: 13; Менгес 1979: 172). Интересны рассуждения Е.А. Лебедевой о

развитии семантики рассматриваемого слова. Она считает, что «существует генетическая связь между пратюркским **саз* - (>*сазаган* дракон и пр.), **шар* (>*шарукан* и пр.) и **сааз* - (>*сазан*), **шаар* (>*шаран*)». К названию рыбы, по ее мнению, подходит семантическая модель «долгожитель» (Лебедева 1983:156). Такая семантика названия нам кажется правоподобной, тем более это предположение подтверждают «достоверные сведения о прудовых карпах, достигших не только столетнего, но даже двухсотлетнего возраста» (Сабанеев 1989: 109–110).

Ещё более обосновано предположение, что рыба названа по окраске. В некоторых языках алтайской языковой семьи (кирг., бурят., калм.) *саз* означает 'желтый'.

Карп – *Syrpinus carpio, carpio*

Одомашненная форма сазана, подверженная многочисленным и сильным видоизменениям. Важнейший объект прудового рыбоводства во многих странах мира.

78. *карп* (РМСБТ, с.34; СМЯ II, с.263)

< русск. *карп* (древнерусск. *коропъ*) < д.-в.- н. *karpo, charpfo* < лат. гл. *carpo* (имеет огромное количество значений, основное среди которых: *срывать, рвать, разрезать, собирать, подбирать, брать, есть, пожирать, вырывать*) (Фасмер II: 202; Берг 1948: 65). Отдельные исследователи считают, что слово 'карп' в переводе с греческого языка означает плод, и название карп обусловлено чрезвычайно высокой плодovitостью этой рыбы, выметывающей от 96 тысяч до 1,8 миллиона икринок.

Интересна трактовка в монографии И.Г. Лебедева: название *карп* славянское и имеет значение 'шершавый' или 'прыщавый', образовано от характерной черты рыб этого отряда, в период нереста образовывать на чешуе многочисленные эпитеальные бугорки, похожие на прыщи или бородавки, делающие поверхность тела шершавой (укр. *коропавий* 'шершавый' < лит. *krapa* 'бородавка') (Лебедев 2006: 108).

РОД ПЕСКАРИ – *Gobio*

Пескарь – *Gobio gobio*

Это небольшая рыбка, хорошо отличающаяся от других рыб благодаря своему внешнему облику: ее тело сверху зеленовато-буроватого цвета, с боков серебристое и покрытое синеватыми или черноватыми пятнами, в углах рта усики (Сабанеев 1959: 268).

79. *ошма-коль* (№1360; №1146; Земл.), *ошта-кол* (CserS, с.153), *ошма-кол* (Ўпым., с.157; Линдб., с.159), *ошмагол* (РМсл., с.127; МРСБТ, с.70; А – Кужен.р.), *ошта·kol* Mm2, *ошта·kol* Mwo Gründling (TW, с.475)

Сложный: *ошма* 'песок' + *кол* 'рыба' = букв. 'рыба, живущая на песках'.

См. аналогичные конструкции: мордЭ *модарька* ‘пескарь’, от слова *мода* ‘земля’ (в разных значениях), мордМ *шуварин* ‘пескарь’, где *шувар* ‘песок’, чув. *хэйрсийан* ‘пескарь’, *хэйр* ‘песок’, башк. *ком балыгы, комака, комкорхак* ‘пескарь’, где *ком* ‘песок’. Пескарь – рыбка преимущественно придонная, держится она на мелких перекатах, где прозрачная вода бежит по песчаному дну, от чего и получил свое название. Но в русском языке лексема ‘пескарь’ общепринятой этимологии не имеет. Возможно, слово образовано от существительного *пискъ* – по писку, который издает эта рыбешка, когда ее берут в руки. Сближение с компонентом ‘песок’ вторично и представляет собой народную этимологию (Фасмер III: 267). Ср., *пескозоб, пескыш, песук* и т.д. (Линдберг 1972: 145).

80. *ошма-нюго* (Ўпым., с.157; РМсл., с.127), *ошманюго* (РМСБТ, с.66; МРСБТ, с.70; Ермак., с.63; СМЯ IV, с.367).

Сложный: *ошма* ‘песок’ + *нюго* ‘мелкая рыба’ = ‘мелкая рыба, обитающая на песке’. Этимологию слова *нюго* см. №96.

81. *ðšta-pi-γol* JT *fenékjárò küllö* Gründling(Beke: 1725)

Сложный: *ðšta* (ошма) ‘песок’ + *pi* (пий) ‘собака’ + *γol* (кол) ‘рыба’. С лингвистической точки зрения присоединение к наименованию эпитета (в нашем случае *pi* (пий) ‘собака’), как правило, образованным от названия животных, означает, что рыба непригодна или малопригодна для человека, это пища для животных.

82. *rok-müktö* V Gründling (Beke: 1532)

Сложный: *rok* (рок) ‘земля, почва’ + *müktö* ‘мелкая съедобная рыба’ = ‘мелкая съедобная рыба, обитающая на дне’. Компонент *rok* (рок) ‘земля, почва’ указывает на место обитания данной рыбы: держится обычно у самого дна.

83. *мүктө* (Ўпым., с.59; РМсл., с.127; Ермак., с.63), *möktö rozmár* (морж), жерихъ Tr. (CserS, с.125), *müktö*·Ob₁, *müktö*·Ob₂, *müktö*·Oka, *mü·ktö*·Ok, *mü·ktä*·W₁ Gründling·Ob₂·W₁; ein kleiner, schuppenloser Fisch, vielleicht Perlfisch(небольшая без чешуи рыба, жемчужная рыба)·Ob₁, ein Weißfisch (белая рыба)·Ok; ein kleiner Weißfischer (мелкая съедобная рыба)·Oka (TW, с.403), *müktö*·P·B·UJ, *müktö*·M, *mü·ktâ*·Usj·US, *möktö*·ČN, *mü·ktä*·JO·JP·KA·KJ, *n'ü·ktö*·CČ, *püktö*·BJ *fenekjaro küllö* (halnev) Gründling (пескарь) (Beke: 1531), *müktükol*·MK, *mü·ktâ·kol*·UP, *müktö·kol*·CK, *möktö·kol*·Č, *püktö* (γol)·BJ Gründling (Beke: 1532). Этимологию см. №125.

84. *нюкто* (СМЯ IV, с.238); *nüktö*·CČ (Bercz., с.41), *n'ukto*, *n'ukta*·Mm₁, *n'üktö*·Mup (TW, с.436), *н'үктө*·Гонд. (Марийское Гондырево (Маскиял) Алнашского р-на Удм.) (Верш., с.378).

В восточном наречии марийского языка распространено название *нўктӧ*, где, по всей вероятности, произошло чередование *м~н*: *мўктӧ~нўктӧ* (Грузов 1965:224).

85. *йўрди* (Ўпым., с.59), *ньурди* (Ўпым., с.157), *йурдий* (РМсл., с.127), *юрдий* (РМСБТ, с.66; СМЯ Х, с.181), *юрди* (МРСБТ, с.133; Ермак., с.63) *jurdi· Ms, Mur // jurdi·kol Ms Gründling* (TW, с.195).

Собственно марийская лексика. Возможно, от слова *ньури*, *ньёира* 'плаксивый' (Васильев (Ўпым.): 138). От своеобразного звука, похожий на плачь, когда пескаря держишь на руках, букв. 'плаксивая рыба'.

86. *кадама* Г (ПУГ; СМЯ II, с.215; СГНМЯ, с.45; РМСБТ, с.66), *кадама* Г, *котама* Л (Ўпым., с.59), *када·та* (BTschW, с.36), *када·та* K *hálnév / Fischname (Gründling-MK) (Beke: 606), кодама·kol Mm Gründling* (пескарь) (TW, с.251).

В горном наречий марийского языка *кодама* означает только 'пескарь', тогда как в луговом наречий – 'голец', 'голавль', 'елец', 'гольян речной', 'озерный гольян', в некоторых диалектах и 'пескарь'. В данном случае многозначность является результатом переноса названия на сходные виды.

Касаясь происхождения этого слова, Г.В. Лукоянов определяет его как марийское заимствование в чувашском языке: чув. *котам* (читается *кодам*), *кутан* (читается *кудан*), *котан* (читается *кодан*) 'мелкая рыба', 'пескарь', 'ерш' < мар. Г *кадама* 'пескарь' // марЛ *котама* 'форель'. В низовом диалекте чувашского языка это название означает 'голавль', 'пескарь', а в говорах верхового диалекта зафиксированы значения 'ерш', 'пескарь' (Лукоянов 1974: 58).

В этимологическом словаре татарского языка ихтионим *кутамэ* 'пескарь' характеризуется как финно-угорское по происхождению: *кутамэ* 'пескарь', ср. чув. *котан*, *котама*, мар. *кадама*, чув. диал. *кўтеме* 'пескарь' (Ахметьянов 2001: 131).

Интересно мнение авторов "Краткого этимологического словаря коми языка": анализируя происхождение коми-зырянской лексики *котыр* – 'гнездо (растений, ягод и т. п., выводок птиц)', они реконструируют исходное её значение как 'группа однородных предметов животного или растительного мира'. Восстанавливая общепермскую праформу этого слова в виде * *kotir* 'группа однородных предметов', для сравнения под вопросом приводят марийскую лексику *котама* 'форель', *кадама* 'пескарь', уточняя при этом, что эти рыбы плавают стаями (КЭСК: 136). Однако такое сближение неприемлемо, прежде всего, с семантической точки зрения, не говоря уже о фонетических противоречиях.

Всем вышеперечисленным исследователям, возможно, дали повод связать отношением слова *котама* 'форель', Г *кадама*, 'пескарь', Л *кадама* 'голец', 'голавль', 'елец', 'гольян речной', 'озерный гольян' внешняя звуковая схожесть слов. Вместе с тем следует отметить семантическое несоответствие рассматриваемых слов.

Интересно в этой связи отметить, что в русских говорах Прикаспия, Приуралья, Приазовья, Нижнего Поволжья и Урала, т. е. в говорах, контактирующих с тюркоязычными народами, встречаются варианты названия рыбы *кутум*, *кутун* ‘голавль’, ‘язь’, которые М. Фасмер определяет как ‘темное слово’ (Фасмер II: 435).

Е.А. Лебедева в своей диссертационной работе «Чувашские названия рыб: опыт сравнительно-исторического анализа» полагает, что *кутум*/*кутун* скорее всего является тюркским и сравнивает с турк., емуд. *кутум*, азерб. *Кутум* ‘бычок’. Однако вопрос о происхождении тюркского слова, по её мнению, остается открытым. (Лебедева 1983: 44).

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что *котама* Л ‘форель’ (см. №24) и *кутема* ‘хариус’ (№29) имеют иные генетические корни, нежели *кадама* ‘пескарь’, ‘елец’, ‘голавль’, ‘озерный голянь’, ‘речной голянь’, ‘голец’. Тем не менее они восходят к финно-угорскому пласту.

Возможно, это реликты эвфемизмов, табуированных названий. Хариус и форель, изредка и поныне встречающиеся в некоторых реках Удмуртии, считались священной рыбой (*вось чорыг*), использовались в жертвоприношениях (Владыкин 1994: 40).

87. *салтаккол* Г (СМЯ VI, с.141).

Сложный: *салтак* ‘солдат’ + *кол* ‘рыба’ = ‘рыба – солдат’.

Возможно, здесь отразилась характерная особенность поведения рыб – стайность. Можно сказать, что пескари как солдаты держаться строем, т.е. целой стаей.

88. *лүлпыгадама* (СГНМЯ, с.84)

Сложный: *лүлтө* (нөлтө) ‘ольха’ + *кадама* ‘пескарь’.

Ольха растет преимущественно вдоль рек и ручьев. Кормятся ольхой насекомые, пернатые, четвероногие и даже рыбы. Пыльца густым слоем покрывает озера, пруды, и рыба, поднимаясь к поверхности, кормится ею. Возможно, здесь связь с ольхой объясняется характером рыбы питаться пыльцами ольхи, либо отражает место обитания. Надо отметить, что так же называют и голяна речного (№ 137). Можно предположить, что название мотивировано внешним сходством с другой рыбой. Употребляется в речи горных марийцев.

89. *ний-кол* (Ўпым., с.157), *pi-yol* Gründling (BTschW, с.100).

Сложный: *pi* (ний) ‘собака’ + *vol* (кол) ‘рыба’. *Pi* (ний) ‘собака’, как правило, означает, что рыба непригодна или малопригодна для человека, это пища для животных.

90. *пагай* (Верш: 411).

< тюрк. 1) елаб. ёрш; (=ВИжБ (подговор деревни Верхняя Иж-Бобья (Пови) Малопургинского р-на Удм.): ташпагай; 2) пескарь Вар. (подговор д.

Варали (Варале) Алнашского р-на Удм.), ВижБ. Ср., алт. диал. *багай/пагай* ‘небольшой’ (Верш., с.411).

91. *пи-скәр* С-3 (ССЗНМЯ, с.166)

< русск. *пескарь*.

92. *пискун* Вклтс (Исанб., с.45), *писко-н* Кукл. (Кукл. (подговор д. старый Куклюк (Кўплык) Елабужского р-на Тат.), *писк-н* Пел. (с. Пелемеш Агрызского р-на Тат.) (Верш., с.436)

< русск. диал. *пискун*.

93. *таишаи* (Исанб., с.34; Балд., с.67) В клтс. белеб.

< тат. *таишаи* ‘головач, бычок’, ‘пескарь’, ср. башк. *таишаи* ‘тж’, каз. *таишаи* ‘головастик’, якут. *таас бас* ‘ерш’ (Räsänen 1920: 68; Исанбаев 1994: 34; Гордеев 1976: 56).

Оглушение (*б<п*) объясняется ассимиляцией согласных по признаку звонкости (глухости) (Грузов 1965: 232). Татарское слово состоит из двух компонентов: *таиш* ‘камень’ + *баиш* ‘голова’ = ‘каменная голова’ (Лебедева 1987: 88). Ср., удм. *изйыр* ‘пескарь- усац’, букв. ‘каменная голова’. Вероятно, признаком номинации послужило жесткость, твердость головы пескаря при сравнении с его мягким туловищем.

94. *бәрде* В (ЭСМЯ –I, с.199)

< тат. *бәрде* ‘пескарь’ (Гордеев 1979: 199).

95. *ўдыргол* (СМЯ XIII, с.162)

Сложный: *ўдыр* ‘девушка’ + *кол* ‘рыба’ = ‘рыба-девушка’ = ‘пескарь’. Видимо, подчеркивается красота рыбы, т. е. ‘красива как девушка’: пескарь – очень красивая, или миловидная, и самая чистая рыбка’ (Сабанеев 1959: 190).

96. *шўман ньюго* (Ўпым., с.157), *шеманюго* (А) – Кужен.р.

Сложный: *шўман* (имя прилагательное от слова *шўм* ‘чешуя’ + *-ан* – суффикс относительного прилагательного (с признаком обладания)) ‘с чешуей’ + *нюго* ‘мелкая рыба, мелюзга’ = ‘мелкая рыба с чешуей’. Длина тела пескаря не превышает 14–15 см., поэтому его считают мелкой рыбой, но с чешуей: ‘чешуя плотная и даже крупная по пескариным меркам’ (Сабанеев 1959: 191). Обычно мелкая рыба отличается отсутствием чешуи или очень мелкой, что на ощупь кажется голой, т.е. без чешуи. Этимологию лексемы *нюго* см. ниже.

97. *ньюгьйгол* (РМсл., с.127).

Сложный: *нюго* ‘мелкая рыба, мелюзга’ + *кол* ‘рыба’. Название подчеркивает небольшой размер данной рыбы. См. № 159.

98. *мустачи* (Ўпым., с.125).

Собственно марийское название. Этимология неясна. Маловероятно, но интересно в этом плане, что существует понятие *мустач* ‘мужские усы на лицах, на чашках, на палочках’ от англ. *Mustache* ‘усы, ус’. Отличительной чертой пескаря является усики в углах рта, как и у вьюна. Существует подвид пескаря – длинноусый пескарь (см. №103).

99. *j âru-ηø* JO (UJ *kü-γol*, JT *pi-γol*) Schlammbeißer/пескарь (Beke: 448).

Собственно марийское название. Ареал этого названия охватывает говоры восточного наречия.

100. *kozò-l'ò* JT *csik* (halfaj) / fischname / пескарь / K *pi-γol* Gründling (Barbe-MK)/*tâγâ-de ko-l, o-šmá βo-kten âlat* Kleiner Fisch, er lebt im Sand.(Beke: 942).

Собственно марийское название, употребляется в речи восточных марийцев.

101. *d'orža: ošma-d'*. MK *fenéjárov küllö* / Gründling / пескарь (Beke: 503).

Лексема *йоржа* выступает в качестве компонента в сложном слове *ošma-d'orža*. Вполне возможно, что лексема *йоржа* семантически связана со словами *йорга* ‘игривый’ и *йожга* ‘шустрый, быстрый’, т. е. и *йоржаколя* ‘мышь-житник’, и *ошмайоржа* ‘пескарь’ являются результатом народной этимологии (Кузнецова 2010: 172). Пескаря характеризуют как шустрюю и проворную рыбу.

102. *шумуран* (Линдб., с.159)

Возможно, создано на базе марийского языка.

103. *шäпл'ийä*· пескаррик (Верш., с.708)

< русск. *шакля* ‘уклейка’.

104. *kü-gol* UJ (Beke: 1100).

Сложный: *kü* (кү) ‘камень’ + *gol* (кол) ‘рыба’ = ‘каменная рыба’. Компонент *кү* ‘камень’ подчеркивает либо жесткость, твердость головы пескаря, либо место их обитания, которые характерны наличием песчаных или галечных грунтов. Следует отметить, что речь идет о подвиде пескаря – обыкновенный пескарь, которая исключительно держится на хрящеватом или каменистом дне. Тогда как другой подвид – длинноусый пескарь – предпочитает песчаные места. Как отмечает Л.П. Сабанеев, ‘долгоусые (длинноусые – прим. автора) пескарри были найдены в Волге и Каме, в Казанской губернии (Сабанеев 1959: 78). Ср., эст. *kiwwi-kala* (Кессл., 1864:87).

105. *кумык тўрвö* (Beke: 2983).

Составной: *кумык* ‘выпуклый’ + *тўрвö* ‘губа’ = ‘выпуклая губа’. Подчеркивает определенную форму части тела.

Марийский язык богато представлен народными терминами для характеристики пескаря (29 названий). *Кадама*, *мўктō* считается финно-угорским, три ихтионима, а именно *бәрде*, *ташпаш*, *пагай* переняты из татарского языка, *шәпл'ийә*, *пискун'*, *пи-скәр* являются русским заимствованием. Все остальные созданы на базе марийского языка.

РОД ВЕРХОВКИ – *Leucaspius*

Верховка, или обыкновенная верховка или овсянка – *Leucaspius delineatus*
Свое название верховка получила за постоянное плавание в поверхностных слоях воды. Рыбаки также называют верхоплавкой, верховна, верховодка, овсянкой, малявкой (Сабанеев 1959: 34).

106. *шўльымольо* (СМЯ IX, с.402; Ермак., с.65; МРСБТ, с.125), *шўльō мольо* (МРСБТ, с.13).

Сложный: *шўльō* ‘овес’ < чув. *сёль* ‘овес’ (Сааринен 2008: 747) + *мольо* ‘мелкая рыба’ = ‘рыбка-овес’. Компонент *шўльō* ‘овес’ подчеркивает величину рыбы. Изю всех наших рыб верховка имеет наименьшую величину: достигает длины 8–9 см, чаще 6 см., ср.чув. *сёль пёрчи* ‘пескарь’, которая образована путем метафорического переноса значения *сёль пёрчи* ‘овсяное зернышко’ (Лебедева 1987: 67). По всей видимости, калькировано из русск. *овсянка*, встречающиеся в соседних говорах русского языка. Семантической мотивировкой послужило форма и размер тела пескаря.

107. *кельде пач мольы* Г (Балд., с.61), *кельдевач мольы* Г (МРСБТ, с.13; МРСБТ, с.32)

Составной: *кельде* ‘невод’ < **kilde*> ф-у. **kältä* (UEW 649; Bereczki 1992: 14) + *пач* Г ~ *поч* Л ‘хвост’ < ф.у. + *мольы* ‘малявка, мелкая рыба’ = ‘мелкая рыба, находящаяся в неводе’ = ‘верховка’.

По причине своего небольшого роста верховка почти нигде не ловится ни сетями, ни на удочку и в пищу не употребляется. Поэтому случайно попавшие в невод мелкие рыбы и мальки наименуются как хвосты, их обычно выбрасывают обратно в реку, рыбакам они не нужны.

Название создано на базе марийского языка, используется в горном наречий марийского языка.

108. *нюго* (Балд., с.61), *нюга-кол* (Линдб., с.165). См. № 159.

109. *изившикылье* (МРСБТ, с.20).

Составной: *изи* ‘маленький’ + *вишкыле* ‘уклейка’ = ‘маленькая уклейка’ = ‘верховка’.

В ихтиониме указана схожесть верховки с уклейкой, а компонент *изи* ‘маленький’ подчеркивает такое отличие, как величина.

110. *вишкыле* (Ермак., с.61), А – Кужен.р.

Ее часто смешивают с молодой уклейкой, с которой она, действительно, представляет большое сходство. При всем том ее не трудно отличить от последней: не говоря уже о том, что она несравненно меньше уклейки и в редких случаях достигает величины более трех дюймов (от глаза до начала хвоста).

111. *вѹтѹмбал* (Верш., с.555).

Сложный: *вѹт* (<вѹд) ‘вода’ + *ѹмбал* ‘поверхность, верх’, букв. ‘на поверхности воды’.

Отражает особенность поведения рыб – постоянное плавание в поверхностных слоях воды.

Для наименования верховки имеется два финно-угорских слова и четыре собственно марийские, которые подчеркивают особенности данной рыбы.

РОД ЕЛЫЦЫ – *Leuciscus*

Голавль – *Squalius cephalus*

Голавль очень красив. От других сродных с ним рыб голавль легко отличается своей толстой широколобой головой. Спина у него темно-зеленая почти черная, бока серебристые с желтоватым оттенком, края отдельных чешуек оттенены блестящей темной каймой, состоящей из черных точек; грудные плавники оранжевые (Сабанеев 1959: 135).

112. *туршо* (Ўпым., с.214; РМсл., с.82; 1, т.7, с.293; Ефремов, Балдаев: с.50, Китиков: с.109, с.134, Ермак., с.64, РМСБТ, с.19, МРСБТ, с.99), *турышко* (СМЯ XII, с.293, Ермак., с.64; Верш., с.598), *грушка* (Линдб., с.167), *тор-шко* С-3 (ССЗНМЯ, с.222), *туришко* (РМсл., с.82; МРСБТ, с.99, РМСБТ, с. 19), *трушка* (Верш., с.586), *tørø·ško* СČ Јт, *tru·ško* ЈР, *trù·škā* ЈО *jász/Döbler*, *Dickkopf* /голавль/ ЈТ = *parda·š* / *tørøško kol* СČ (Beke 8:2921).

Следует при этом заметить, что о происхождении марийского названия туршо с вариантом турышко нет никаких высказываний ни в работах отечественных, ни в очерках зарубежных учёных.

Исходя из теоретической гипотезы, не исключено генетическое родство мар. слов *туршо*, *турышко* и фин. *turpa*, *turppa*, *turvas*, *toutain* ‘голавль’ (Кессл. 1864: 118) // эст. *turb* ‘тж’ (Берг 1940б: 19), *turba-kala* ‘тж’ (Кессл. 1864: 118), *turwad*, *turwas* ‘тж’ (Берг 1912а: 128) // ижор. *turbakka* ‘тж’ (Кессл. 1864: 118) // вод. *turpakka*, *turb*, *turvakala*, *turbukka*, *turpu* ‘тж’ // лив. *dūrba*, – *l*, *tūrba* (*Cyprinus ballerus*) ‘синец’ (SKES 5: 1426).

Однако в этимологическом словаре финского языка имеется два объяснения о происхождении ихтионима *turpa* ‘голавль’ (SKES 5:1426). Первое возводится к балтийско-германским источникам: герм. *Turba*, *Turbe* ‘*Väinäjoen karppi*’ (какой-то вид карпа), латыш. *durba*, *turba*, *düre*, *duore*,

duorbe, tūrbala 'jokin kalalaji, mm säynävä(язы) t. Cyprinus ballerus' (один из видов рыб, похожий на язя или на синца).

Второе связывается со сложным словом *turpakala*, где *turba* в финском означает 'морда животного (человека), рот и лицо' + *kala* 'рыба'. Лексему *turpa* сопоставляют с мордЭ *turva, torva*, мордМ *tārva* 'huuli' губы', мар. *tə·rβə, tü·rβə, -ō* 'тж', удм. *tjrpj:* jm-t 'тж' (jm 'suu'), кз. *tjrp* 'тж' (UEW 7: 801) и русскими параллелями *турба, тюрба, торба* 'морда животного, лицо человека' (Фасмер 4:123); 'морда, рыло конское, хrap и губы' (Даль 4:443).

Вероятно, в марийском языке слово *tjrvö*, как и в других финно-угорских языках, сузило свою семантику и стало обозначать часть лица – губы. Первоначально оно функционировало, по всей вероятности, как 'лицо'.

В этимологическом словаре русского языка *голавль* характеризуется как лексема, возникшая от слова *голова* (Фасмер 1:429). Название этой рыбы возникло, скорее всего, из-за своей «толстой широколобой головы», как писал Л.П. Сабанеев (Сабанеев 1959: 135).

В одном из говоров русского языка для номинации голавля употребляется слово *турбок* (р. Луга в Новгородской и Ленинградской областях) (Берг 1940: 555; Фасмер 4: 123). Фасмер указывает на финское происхождение итионима *турбок*.

Й. Мягисте, характеризуя происхождение эстонского слова *turb* 'голавль' с вариантами *turva, turvas*, устар. *turv*, приводит этимологическое объяснение из финского словаря без каких-либо изменений (EEW 9:3363).

В родственных языках прямых соответствий этому слову нет, ср., например, лексические данные пермских языков: удм. *кушбаш, сон* 'голавль'; коми *упри, уприсын* 'голавль'.

Однако отсутствие рассматриваемого слова в других родственных языках еще не может служить основанием для предположения, что его не было и не могло быть в далеком прошлом.

Весьма вероятно, что прибалтийско-финское *turpa* с фонетическим вариантом *turp* этимологически связано с латышским *durba*, имеющим варианты *dūre, duore, duorbe, tūrbala* 'jokin kalalaji, mm säynävä(язы) t. Cyprinus ballerus' (один из видов рыб, похожий на язя или на синца).

Исходя из этого, волжско-финское *turšo* можно квалифицировать как древнее балтийское заимствование.

В этой связи определённый интерес представляют соображения финского учёного Я. Калимы, который, сосредотачивая внимание на высказывания В. Томсена и Х. Паасонена, в своей книге "Itämerensuomalaiisten kielten baltiaiset lainasanat" ("Балтийские заимствования в прибалтийско-финских языках") указывает, что мордва в прошлом могла иметь в какой-то степени прямые контакты с балтийцами и непосредственно воспринять от них кое-какие слова. Балтизмы, возможно, опосредственно (через мордву) были восприняты и марийцами (Kalima 1936).

Однако, как полагает П. Аристэ, некоторые индоевропейские слова, имеющиеся в прибалтийско- и волжско-финских языках, выводимые к балтийскому источнику, могли попасть в эти языки задолго до вступления балтийцев и финно-угров во взаимные культурно-экономические связи. (Аристэ 1973: 4).

Последнее время исследователи склоняются, что «наличие многих балтских (здесь: литовских) параллелей говорит о том, что существовали контакты между древнелитовскими и древнемарийскими племенами» (Халиков 1987: 85), т. е. можно заключить, что предки народов могли быть непосредственными соседями поволжских финно-угров.

Не случайно исследователи эст. *turb* ‘голавль’ сопоставляют с лив. *dūrba* ‘синец’, вод. *turpakka* ‘голавль’, фин. *turpa* ‘голавль’, ижор. *turpikka* в словосочетаний *säünään turpikka* ‘небольшой язъ’ и предполагают из-за широкого распространения данной лексемы прибалтийско-финско-пермскую или финно-угорскую основу. Также связывают семантику данной лексемы со словами, обозначающие *рот, голову, морду* – карел. *turbi* ‘морда, рот, лицо, пасть’; люд. *turbE* ‘морда’; веп. *turp* ‘морда’; мордЭ *turva, torva* ‘губы’; мордМ *tārva* ‘губы, край, кромка’; мар. *tə·rβə, tū·rβə, -ö* ‘губы’; удм. *tīrpj: im-t* ‘губы’; к. *tīrp* ‘губы’; хант. *tārap, tōrap* ‘губы’ (источник: <http://www.eki.ee/dict/ety/>).

Все указанные примеры говорят о том, что мар. *туришо, турышко* ‘голавль’ в семантическом плане сопоставимы, хотя их фонетический облик требует дальнейших исследований с привлечением диалектных данных как марийского, так и прибалтийско-финских языков.

Есть все основания полагать, что название *туришо, турышко* ‘голавль’ в марийском языке относится к древнейшему индоевропейскому наследию.

113. *турьшко ньюго* (Ўпым., с.214).

В словаре В.М. Васильева (Ўпымарий) содержится и другое название голавля: *турьшко ньюго* (Васильева (Ўпымарий) 1926: 214). С одной стороны, *нюго* – мелкая рыба, мелюзга, является общим названием для мелких рыб вообще. С другой стороны, данное слово в марийской ихтиологической терминологии используется для обозначения отдельных видов рыб, подчеркивается их маленький размер. Следует отметить, что слово *нюго* является лексическим наследием финно-пермской языковой общности (Галкин 2001: 3) см. № 96.

114. *тумыгол* (СМЯ VII, с.255; Ермак, с.62), *тумьгол* (Ўпым., с.214).

Сложный: *тумо* ‘дуб’ + *гол* (< кол) ‘рыба’.

В марийском языке имеются и отфитонимные ихтионимы. Модель номинации таких случаях следующая: наименование древесного растения → название рыбы. Причём рыбы могут быть названы по таким характерным признакам, как цвет коры дерева, форма его листа. Зачастую в ихтионимах прослеживается такое явление, когда время нереста рыб

совпадает временем распускания листьев дерева или его цветением. Так, в марийском языке голавль называется *тумыгол* (СМЯ 7: 255; Ермаков 1991: 64; Васильева (Ўпымарий) 1926: 214).

Тумо ‘дуб’ – крупное лиственное дерево, достигающее 40 м. высоты и 1,5 м. в диаметре, с плотной древесиной. Листья короткочерешчатые, удлинённо-обратноовальные, лопастные, с сердцевидным основанием.

Слово *тумо* ‘дуб’ не имеет диалектных различий в марийском языке, лишь в горном наречии она выступает в усечённой форме, ср. *тум*. Марийские *тумо*, *тум* ставятся в один ряд с семантически идентичными словами других финно-угорских языков: мордЭ *тума*, мордМ *тума*, фин. *tammi*, эст. *tamm* (Куклин 1998: 125).

Как явствует рыбацкий календарь, время нереста голавля совпадает с началом распускания листьев дуба.

И к тому же, можно предположить, что компонент *тумо* ‘дуб, дубовый’ подчёркивает тёмную окраску чешуи рыбы: спина у неё темно-зеленая, почти черная. Цветовая характеристика выражена на основе сравнения. Такое же опосредованное наименование в марийском языке характерно и для сельди-черноспинки. В марийском языке для обозначения оттенка окраски часто используют названия деревьев, ср. *тумо луй* ‘тёмная куница’; *шопке луй* ‘светлая куница’.

Так, например, эст. *lehe-ahvne* (*lehe* ‘лист’) ‘лещ’, который ловят во время опадания листьев, *lepik kala* ‘гольян’, *lepp-maim* ‘тж’, где *lepp* ‘ольха’. Согласно М. Мягеру, это рыба любит находиться под прибрежной ольхой (Mäger: 94). Однако И. Шебештьен видит сходство по цвету этой рыбы с ольхой и сравнила с дат. *asp*, швед. *asp* ‘*abramis aspius*’ (жерех), который тоже получил своё название по сходству цвета с деревом *asp* ‘*populus tremula*’ (осина) (Sebestyén 1935: 48); фин. *lehtisika* (сиг, который появляется во время опадения листвы), *lehtsik* (сиг, которого вылавливают во время озеленения деревьев), *lehtimuje* (ряпушка, которую ловят осенью), *haarakala* ‘пескарь’, *haariainen* ‘гольян’, где *haara* ‘тополь’; коми *bad* – *tšeri*, *bad’-kor-myk* ‘уклейка’, *bad’-kor-tšeri* ‘плотва’, где *bad* ‘ива’, *kor* ‘лист’, *tšeri* ‘рыба’, *myk* ‘елец’; венг. *fűzfahal* ‘уклейка, быстрянка’ (*fűzfa* ‘ива’ + *hal* ‘рыба’) тело рыбы напоминает лист ивы и *fahegykeszeg* (*fahegy* ‘почка’ + *keszeg* ‘лещ’) лещ среднего размера, появляется во время распускания почек.

Также ср. чув. *йуманпартас* ‘голавль’, где *йуман* ‘дуб’ (Лебедева 1983: 37).

115. *мўкты* (РМСБТ, с.53; СГНМЯ, с.94), *мўктѣ* (РМсл., с.82)
Этимологию см. № 125.

116. *ўдыргол* (Китик., с. 109, 134; А-М-Тур. р.)
Сложный: *ўдыр* ‘девушка’ + *гол* (< кол) ‘рыба’.

По высказыванию информанта С. Воронина (Мари-Турекский район), такое название дано рыбе за её красоту: ‘ўдыр гай мотор’, что в переводе

на марийский язык – ‘красива как девушка’. Такая же лексема существует и для номинации пескаря, ельца из-за их красивой внешности.

117. *азау* (Исанб. II, с.58) В белеб., бирск., *äz'äü* В, *айз'ау* В блтч., *айзагол* диал. (СМЯ I: с.49)

< башк. *ажәу* ‘голавль’, ср. тат. диал. *ажәу* ‘сом’. Н.И. Исанбаев считает это слово прямым заимствованием из башкирского языка по семантическому признаку, т.е. сходством его значения с башкирским оригиналом (Исанбаев 1989: 58). Фрикативный [ж] языка-источника на марийской языковой почве субституируется свистящим [з] (Исанбаев 1979: 90).

118. *кушбаи* В прибел. (Исанб., с.8)

< тат. *кушбаи* ‘голавль’, башк. *кушбаи* тж. (Исанбаев 1994: 8).

Этот вариант распространен только в говорах восточного наречия.

В словаре названий пресноводных рыб СССР Г.У. Линдберга содержатся следующие названия марийского ихтионима голавля:

119. *барда* (Линдб., с.167).

Слова *барда* и постпозитивный компонент названия *коломи-пярдаи* являются, видимо, фонетическими вариантами ихтионима *пардаи* ‘язь’. Действительно, взрослый голавль похож больше на язя и на первый взгляд они трудно различимы, что послужило причиной для такой номинации.

120. *коломи-пярдаи* (Линдб., с.167).

Компонент *коломи* (*колома*) подчеркивает размер рыбы (маленький *язь* ↔ *голавль*).

121. *кодама* (РМсл., с.82). См. №85.

122. *чўнжө* (Верш., с.555).

Предполагаем, что данное слово – собственно марийское образование.

В марийском языке для номинации голавля имеется 11 названий. Из них 5 составлены на базе марийского языка, два финно-угорских слова, два заимствовано из тюркских языков. Наименование *барда* < *пардаи*, см. № 122.

Язь – *Leuciscus idus*

Язь легко отличается своим толстым телом, довольно широкой, укороченной головой, маленьким косым ртом и цветом плавников. Всего более походит он на голавля, но у последнего голова гораздо шире (Сабанеев 1959: 67).

123. *пардаш* (П.-Григ.; № 1360, №1146; Землян.), *пярдаш* (Землян.), *пардас* (ПУ, с.93 Еруслан.), *пардаш* (Ўпым., с.153; РМСБТ, с.102; Ермак., с.63; МРСБТ, с.72; СМЯ V, с.37), *пардаш*, *парда-с* кукм. (кукморский говор) (Верш., с.417), *närdäsh* Г (Ўпым., с.153; СГНМЯ, с.116; СМЯ V, с.37), *pardaš* *Cyprinus rutilus* Tr. (CserS, с.158), *pä·rdäš* Rotfeder ‘краснопёрка, плотва’, Rotaugé ‘плотва’ (BTschW, с. 98), *pardaš* Ob₁ Ob₂ Ms Mm Mmu Mur(малмыжский?) *parða·s* Ok, *pä·rdäkχš* NW, *pä·rdäš* W, Aland Ob Ms Mm_{1,2} Mur NW W₁‘язь’ *Leuciscus idus* L., (klein) Ok, Plötze ‘плотва’ W₂, ein Fisch Mm₃; *parða·š-kol* Mmu Aland (TW, с. 492), *parða·š* P B BJ M MM MK UP C Č ČN, *pa-rdäš* JT, *pä-rdäš* JP K, *pä-rdäkχš* JT JO jäs/ Rotfeder ‘краснопёрка, плотва’, Rotaugé ‘плотва’, Aland ‘язь’ (Beke 6:1767).

О происхождении ихтионима *пардаш* имеются различные мнения. Так, отдельные учёные (Moisio 2008: 492; Szilasi 1901: 158; Федотов 1990:73) считают его чувашским заимствованием, ср. чув. *пармас* ‘голавль’, диал. ‘язь’.

Д.Е. Казанцев и Г.С. Патрушев, ссылаясь на работы Э. Беке и М. Рясненна, причисляют его к словам финно-угорского происхождения (Казанцев 1972: 69).

И. Шебештьен, анализируя финское слово *partti*, приводит множество его вариантов из финских диалектов, квалифицируя их как финно-угорское наследие, имеющее соответствие в марийском языке. Обращая внимание на конечный свистящий согласный *s* в слове *пардас* малмыжского диалекта марийского языка, она констатирует, что это слово было воспринято чувашскими и татарскими диалектами из марийского языка (Sebestyén 1935: 57).

Э. Беке сопоставляет ихтионим *пардаш* ‘язь’ с финским *partti*- (-lahna), *lahnanpartyti* ‘en större braxenvarietet’(рыбы из семейства карповых) рассматривает его как финно-угорское наследие, выделяя в нем суффикс -*as* с вариантами -*aš*, -*äš*, -*äkχš* (Beke 1934: 107).

А.С. Ефремов, не находя соответствий у слова *пардаш* в родственных финно-угорских языках, причислил его к чувашским заимствованиям марийского языка (Ефремов 1981: 148).

Д.Е. Казанцев опровергает мнение А.С. Ефремова и считает, что ихтионим *пардас* воспринят чувашами из марийского языкового источника (Казанцев 1985:111).

М.Р. Федотов чув. ихтионим *пардас* ‘язь’ связывает с тюркскими словами *bärtäs* ‘язь’, *bärtäč=bärtäs* ‘язь’ и приходит к выводу, что марийское слово пардаш является чувашизмом (Федотов 1990: 73).

Что касается звукосоответствия чув. *a* и тюрк. *ä* в словах *пардас* и *bärtäs* ‘язь’, то, оперируя выводами Л.П. Грузова, можно отметить что древнетюркское **ä* в большинстве случаев в чувашском дает *a*, который в марийском горном языке передаётся гласным *ä*, а в марийском луговом – *a*, например: марГ *нästä* – марЛ *наста* ‘вещь’ (ср. тат. *нэстә*, тур. *nästä*) (Грузов 1969: 98) . Следует заметить, что древнечувашскому *c* как в начале,

так и в середине слова в марийском языке соответствует фрикативный согласный *ш*.

Принимая во внимание звукосоответствия в приведённых словах, можно полагать, что марийский ихтионим *пардаш* восходит к тюркским языковым источникам.

Однако Р.Г. Ахметьянов в своём «Кратком историко-этимологическом словаре татарского языка» (Казань, 2001) татарский ихтионим *бәрде* с вариантами *бәртәс*, диал. *пәрде* ‘язь (рыба)’ считает финно-угорским по происхождению (с. 41).

М. Рясанен, рассматривая тюркские названия (тат. *bärtäs*, мишарск. *bärtäč* ‘голавль’, чув. *pappas*, *partas* ‘голавль, язь’) и мар. *pardaš* ‘язь’, *pärdäš* ‘плотва’, ставит между ними знак равенства (Räsänen 1969: 71).

Однако в работе Г.В. Лукоянова “Марийские заимствования в чувашском языке” (Чебоксары, 1974), где имеется подрубрика “Рыбы” (с. 58–59), наименования этой рыбы нет. Следовательно, вопрос о языковой принадлежности ихтионима *пардаш* ‘язь’ остаётся открытым.

Трудно доказать, из какого именно языка попало данное слово в марийский язык, в каком из сравниваемых языков данное слово является исконным, а в каком заимствованием, поэтому мы предлагаем две версии происхождения ихтионима в марийском языке: 1. финно-угорское наследие. 2. тюркское заимствование.

124. *язга* (СМЯ X, с.195), *d jažɣa·ČN* (*pardäš-iye*) *fiatal jàsz/ junger Nerfling, Aland; d jažɣa- kol ČN jàsz/ Nerfling, Aland* (Beke 2:390)
< русск. *язь*.

125. *ваклешка* (Ермак., с.63; СМЯ I, с.176).

Термин встречается в словаре и у Ермакова. Этимология не ясна.

Из трех наименований две лексемы *пардаш*, *ваклешка* являются ‘темным’ и непонятным с позиций современного языка, значений которых трудно определить, и одно русское проникновение.

Елец – *Leuciscus leuciscus*

126. *мўктō* (РМСБТ, с.26; Ермак., с. 63; МРСБТ, с.601; СМЯ IV, с.117), *мўкты* Г (РМСБТ, с.26; МРСБТ, с.60), *мўктō* Кадр. (подговор д. Кадряково (Кадрек) Агрызского р-на Тат.), *мўктä·p* (Верш., с.351).

Для выражения ихтионима ‘елец’ в современном марийском языке и его диалектах употребляются лексемы: *мўктō* (СМЯ IV: 117; Ермаков 1991: 63), *мўкты* марГ (Балдаев 1992: 60).

Лексема *мўктō* восходит к общефинно-угорскому слову **müktz* со значением ‘вид рыбы’ и имеет параллели во многих финно-угорских языках, ср. коми *mik* ‘елец’; хант. *möyteu* ‘усач’, *mewtī* ‘язь’; манс. *mēutk* ‘подъязок’ (ОФУЯ 1974:415; UEW 3:295; Moisio 2008: 403; Берецки 1957:103, Bereczki 1992: 41, Bereczki 2013: 155).

Авторы “Краткого этимологического словаря коми языка” коми слово *мык* ‘елец’ сравнивают с марийским названием *мўктӧ*: марВ *müktə* ‘пескарь’, ‘малек, мальки’ и возводят к общепермскому **muk*, который сопоставляется доперм. **müktz* ‘вид рыбы’ (КЭСК: 181).

А.Н. Ракин в своей статье “Ихтионимическая лексика в пермских языках” считает, что праформа **müktz* ‘вид рыбы’ (UEW 3: 295) не имеет конкретной семантики. Нет сомнения в том, что и этот ихтионим являлся в праязыке названием конкретной рыбы, но смысловые расхождения, имеющиеся в родственных языках, не позволяют реконструировать первоначальную семантику праформы (Ракин 2009: 55).

Елец, подобно пескарю, предпочитает небольшую стаю. В тех реках, где водится елец, пескарь «дружит» с этой рыбой. Они часто держатся вместе, становясь похожими по образу жизни и поведению. Только елец более подвижный, да и размерами побольше. Внешним видом и серебристым блеском своей чешуи он напоминает уклейку (Сабанеев 1959: 57). Подобное явление наблюдается и в других языках. Ср., например, коми *кос мык*, *бадькормык* ‘уклейка’, где *мык* ‘елец’.

По своему общему виду эта небольшая рыбка представляет большое сходство с молодым голавлем.

Лексема *мўктӧ* употребляется для номинации ельца, голавля, пескаря, уклейки, мальков. В марийской терминологии часто наблюдаются случаи, когда разные особи ихтиологической фауны получают одно и то же наименование. Причина заключается в том, что для неспециалиста данные виды рыб трудно различимы. Поэтому в народной терминологии для них имеется одно общее название – *мўктӧ* в значении ‘мелкая рыба’.

127. *нўктӧ* (МРСБТ, с.60), *нюкт* (Линдб., с.172), *нўкташ*, *нўктӧ* (Ермак., с. 63).

В восточном наречии марийского языка распространено название *нўктӧ*, где, по всей вероятности, произошло чередование *м~н*: *мўктӧ~нўктӧ* (Грузов 1965:224).

128. *кадама* (Линдб., с.172) См. № 85.

129. *талдаш* (Ермак. с.63). См. № 64.

Из трех лексем два финно-угорских слова, одно татарское заимствование (*талдаш*).

РОД ЧЕХОНИ – *Pelecus*

Чехонь – *Pelecuscultratus*

По форме своего удлинённого и сплюсненного с боков тела чехонь сильно напоминает сельдь и легко отличается от других карповых рыб; спина у

нее прямая, брюхо выпуклое, грудные плавники длинные и заострённые. Цвет спины буровато-серый, бока серебристые, парные плавники оранжевые (Сабанеев 1959: 309).

130. *кыльчак* (Ўпым., с.95), *кыльчак* (Ермак., с.62; РМСБТ, с.991; СМЯ III, с.268), *кылчак* (МРСБТ, с.47), *kəl'čak* valaminö hal, eine art fisch, чяхоня Tr. (CserS, с.79), *kəl'd'ža-k* Č tuskés hal / ein stacheliger Fisch / чехонь, *k. sua-n ko-l, a-ŋəšəŋ, kužo* / stacheliger Fisch, schmal, lang (Beke: 737).

В “Этимологическом словаре уральских языков” это название квалифицируется как финно-пермское: **kəl'c'z* ‘вид рыбы’ > ?мар. *kəl'čak* ‘чяхоня; Messerfisch’, ? к. *kel'ci* ‘плотва’, *ke-l'ci* ‘сорога’ (> хант. *kil si, kelšə, kel'š'i*, *kel'š'i* ‘Barbe’ (усач)) (UEW 1988: 681). На основе мар. *â* (< прамар. **ə ~ *i*) и коми *e* (< праперм. **e*) нельзя реконструировать праязыковой гласный на основе финно-пермских соответствий. И можно лишь сказать, что это палатальные гласные. Мар. *-k* – производный суффикс (UEW 1988: 681).

Попытка исторического анализа слова сделана И. Шебештьен. Она отмечает, что из марийского языка лексема *кыльчак* ‘чехоня’ перешла в тобольско-татарский язык, ср. *kälčäk* ‘тж’. Шебештьен, сопоставляя коми-зырянское слово *kel'si* ‘красноперка’, ‘плотва’, *kel't'si, kel'š'i* ‘тж’ (тут же отмечает, что коми-зырянские названия рыб переняты из хантыского языка) вместе с хантыскими словами (Pallas Zoogr.III: 317 Ostiacis Obensibus): *kolsi, kelsch, kelsi* ‘красноперка’, *kils'i* ‘сорога ‘рыба с красными глазами’, *kelša, kils'i* ‘усач, чебак’, *kelš a'* тж’ и т. д., приводит также параллель из прибалтийско-финских языков: лив. *Koltsak* ‘ganz magerer fisch’ (нежирная рыба), фин. *goltsha* ‘salm o alpinus’ (арктический голец). Исследователь их относит к финно-угорскому лексическому пласту (Sebestyén 1935: 62).

В КЭСК *келчи* ‘плотва, сорога’ > ? хант. *kəl'ən'z'ı* ‘вид рыбы’. В КЭСК отмечено, что ‘вряд ли сюда относится мар. *кыльчак* ‘чехоня’, ср. тобольско-тат. *kälčäk* ‘тж’. Хотя в UEW 1988: 681 указано, что некоторые исследователи *kəl'ən'š'i, kəl'ən'š'i* ‘вид рыбы’ не связывают с вышеуказанными хантыскими словами: *kolsi, kelsche, kelsi* ‘красноперка’, *kils'i* ‘сорога’ ‘рыба с красными глазами’, *kelša, kils i* ‘усач, чебак’, *kelša* ‘тж’ и т. д., т. к. см. конечное инлаутный **ńć*. (КЭСК: 121).

Г. Берецки мар. *kəl'čak* ‘čechoń’ считает заимствованной лексемой из пермских языков. В мар. яз. согл. звук *-l* был палатальным, который характеризуется как вторичное явление. Возможно, смягчение произошло под влиянием пермских языков. Морфема *-ak* в мар. яз., как в других словах: *jăpř* ‘Spieß’ (копье) ~ *jăpřak* ‘spitz’ (острый), является суффиксом (Bereczki 2013: 57).

Г.В. Лукоянов признает чувН (низовой диалект чувашского языка) *кылчак* ‘подлецик’ заимствованным словом из марийского языка (Лукоянов 1974: 58).

Исходя из проанализированного, можно высказать предположение, что мар. *кыльчак* являются лексическим наследием финно-угорской языковой общности.

131. *чакон*, *чокон* (Ўпым., с.240), *чокон*, *чокун* (Линдб., с.177), *чакон* Л (РМСБТ, с.99; Ермак., с.62; МРСБТ, с.109; СМЯ XII, с.297), *чо'хонь* Г (СГНМЯ, с. 191; СМЯ XII, с.297), *чо'конь* Г (СГНМЯ, с.191; РМСБТ, с.99; СМЯ VIII, с.297), *чахонь* (Оршан. р-н)

< русск. *чехонь*. Безударный *е* в первом предударном слоге передается гласным *а*. Согл. *х* передается твердым заднеязычным *к*. Смягченный *н* языка-источника в марийском может передаваться как через *н* так и через *н'* (Казанцев 1972: 93).

Звуковое оформление заимствованных слов проводится по законам фонетики марийского языка и его наречий.

132. *косаргол* (Балд., с.65; СГНМЯ, с.61; РМСБТ, с.99; Ермак., с.62; МРСБТ, с.39; СМЯ III: с.8), *kosa-r-yol* W₁ Schwertfisch (чехонь) (ТW, с.269).

Сложный: *косар* 'косарь' < русск. *косарь* (большой тяжёлый нож с толстым и широким лезвием для щепания лучины, соскабливания чего-либо и т. п. (СРЯ II: 110) (ТW: с. 269) + *кол* 'рыба' = 'рыба-косарь'.

В названии подчеркивается особенность формы тела рыбы: чехонь имеет некоторое сходство с саблей или, вернее, косарем и отчасти напоминает селедку. См. другие названия чехони в говорах русского языка: рыба-сабля, сабляница.

По М. Фасмеру, эту рыбу называют также *чеша*, она напоминает, благодаря своему заостренному, сильно выгнутому брюшку и прямой широкой спине лезвие ножа; ср. нем. *Sichling*, *Messerfisch* 'чехонь' от *Sichel* 'серп', *Messer* 'нож', а также русск. *сабля* 'чехонь' (Фасмер IV: 354).

Для наименования чехони имеется три единицы: одно финно-угорское, одно русское проникновение, *косаргол* – собственно марийское слово.

РОД ГОЛЬЯНЫ – *Phoxinus*

Гольян – род мелких рыб, размером не более 20 сантиметров. Существуют две формы: речная и озерная. Чешуя у гольянов некрупная, очень мелкая, малозаметная и не покрывает одна другую. Если свое название – гольян – он получил из-за мелкой чешуи, то другими именами – красавка, пеструшка, пеструха, пестрая – эта рыбка обязана пестрой окраске тела (Сабанеев 1959: 89).

Озёрный гольян – *Phoxinus phoxinus*

Спина у озерного гольяна темно-голубовато-зеленая, бока золотистые, плавательные перья оранжевые. Они живут в непроточных, мелких и иловатых озерах, всегда вместе с карасями или линями. Впервые найден был в Казанской губернии Варпаховским в лесном озере Царевококшайского уезда – Шумьер.

133. *котьяма* (Балд., с.57; МРСБТ, с.39), *котама* (РМСБТ, с.20).
Этимологию см. №.85.

Гольян речной – *Phoxinus phoxinus*

Речной гольян светлее озерного. Спинка буровато-зеленая, бока зеленовато-желтые, с золотистым отливом, брюшко серебристое. Держится стаями на быстром течении, предпочитает чистую прохладную воду.

134. *котама* (Ермак., с.62).

На первый взгляд, гольяна можно принять за пескаря, ср. кадама ‘пескарь’. У него такое же веретенообразное, прогонистое тело, хотя самки порой бывают почти круглыми и широкими в боках. Голова короткая и большая.
см. №.85.

135. *шаранюго* (РМСБТ, с.20; Ермак., с.62; МРСБТ, с.114; СМЯ IX, с.38).

Сложный: *шара* > чув. *sarä* ‘желтый, русый’ (ЭСЧЯ: 118, Ахметьянов: 56, Сааринен 2008: 664) + *нюго* ‘мелкая рыба’. И.С. Галкин считает, что в марийский язык слово проникло в фонетическом варианте *шар* ‘белый’ (Галкин 1983: 10). В марийском языке *шара* ‘светлый, белый’ в разных диалектах означает: ‘светло-коричневый’ Окр Ms Mm_{1,3}, ‘серый’ Ок Ms Mm₁, ‘светло-серый’ Ms (TW: 664).

136. *кўнюго* (РМСБТ, с.20; Ермак., с.621; СМЯ III, с.233).

Сложный: *кў* ‘камень’ + *нюго* ‘мелкая рыба, мелюзга’ = букв. ‘мелкая рыба – камень’ = ‘гольян речной’. Компонент *кў* ‘камень’ подчеркивает место их обитания, который характерен каменисто-галечным и песчаным дном. Большую часть года он проводит на каменистых перекатах. Ср., карел. *kivi-kala* ‘гольян’, где *kivi* ‘камень’ и *kala* ‘рыбы’.

137. *пинюго* (СМЯ III: 340), *пинюго* (РМСБТ, с.20).

Сложный: *пи* (*пий*) ‘собака’ + *нюго* ‘мелкая рыба, мелюзга’. См. № 80.

Ср. фин. *koiranvanttu*, *koiran vanttu* ‘гольян’, где *koiran* ‘собака’.

138. *кўвал* (Ермак., с.62).

Сложный: *кў* ‘камень’ + *вал* ‘поверхность, верх’, букв. ‘на поверхности камня’.

Также указывает на место их обитания. Но, вероятно и то, что такое название произошло от способа размножения: как говорят рыбаки, самки этих рыб выпускают икру на камни, потом самцы трутся на них.

139. *лўлпыгадама* Г (РМСБТ, с.20; МРСБТ, с.53).

Сложный: *лўлпö* (*нöлпö*) ‘ольха’ < **lelz* (**lälz*) > urtscher. **lil’+pi* (ESK 160; UEW 688; Bereczki 1992: 33) + *кадама* ‘пескарь’, ‘гольян озерный’.

В названии гольяна отразилась связь с деревом *лўлпö* (*нöлпö*) ‘ольха’. Подобные ихтионимы известны всем языкам, но объясняются исследо-

вателями, как лингвистами, так и ихтиологами, по-разному. В. Махек мотивирует возникновение чешского термина *olšovka* ‘гольян’ тем, что рыбка живет в горных реках, берега которых поросли ольхой, следовательно, название отражает место обитания (Махек 1968: 456). О. Ферианц считает, что в названии отразилась привычка голяна прятаться под корнями ольхи, в тени ольховых зарослей, склоненных над водой. Я. Карлович полагает, что название *olszanka* дано голянцу по цвету – брюшко рыбки напоминает цвет моченой древесины ольхи. Польский ихтиолог А. Валецкий этот же термин объясняет привычкой рыбки сосать корень этого дерева (Усачева 2003: 71). Ср. названия голяна в других языках: русск. *ёлианка* (диал. *елха* ‘ольха’), *ольшанка* (*ольшаный* ‘к ольхе относящийся’), укр. *ольховец*, болг. *ольшаник*, *ольшанка* (так как зарывается под корнями ольхи от хищников), пол. *olszawka*, болг. *лешанка*, *лешинка*, (*е*)*лешка*, *елешница*, нем. *Erlitze* (*Erle* ‘ольха’), эст. диал. *leppkala*, *leppmadis* (*lepp* ‘ольха’) (Kendla 1999: 48), венг. *egri* (*égri* ‘ольха’).

140. *лүлпыгол* Г (МРСБТ, с.53).

Сложный: *лүлпö* (*нöлпö*) ‘ольха’ + *кол* ‘рыба’. См. №138.

Итак, для номинации рода голяны имеется слово котам, являющееся финно-угорским наследием, и 7 названий – собственно марийские образования.

РОД ГОРЧАКИ – *Rhodeus*

Горчак амурский – *Rhodeus sericeus*

Горчак рыбка с высоким, сжатым с боков телом, крупной чешуей и имеет длину не более 8–10 см.

141. *горчак* (РМСБТ, с. 20)

< русск. *горчак*. Питается она исключительно водяными растениями – водорослями, нитчаткой и т. п., почему, вероятно, мясо его имеет несколько горьковатый вкус, от которого и получила свои названия – горчака, горчицы, олыпанки и т. п.

142. *качыгарас* (РМСБТ, с.20; МРСБТ, с.31).

Сложный: *кочо* ‘горький’ + *гарас* ‘карась’ = ‘горький карась’.

Компонент *кочо* ‘горький’ подчеркивает вкус мяса горчака. По форме тела горчак напоминает небольшого карасика или крошечного подлещика (Сабанеев 1959: 145).

РОД ПЛОТВЫ – *Rutilus*

Плотва обыкновенная – *Rutilus rutilus*

Плотва является одной из самых распространенных рыб. Плотву легко отличить от других видов по оранжевой окраске радужной оболочки глаза и красному пятну в ее верхней части. Тело плотвы сильно покрыто слизью. Имеет много подвидов, из которых некоторые имеют собственные названия: *тарань*, *вобла*, *сорога* (Сабанеев 1959: 560).

143. *шеренге* (П.-Григ.; №1146), *шереньге* (Ф.Вас., с.60) *шэрэнгэ* (Ўпым., с.289), *шеренга* (Линдб., с.188), *шеренге* (Ерусл., с.93; РМСБТ, с.68; МРСБТ, с.117; СМЯ IX, с.108; Верш., с.714), *шярэнгэ* Г (СМЯ IX, с.108), *шярэнгы* (СГНМЯ, с.199; РМСБТ, с.68) *шеренкё* С-3 (СЗНМЯ, с.87), *шаренге* (Верш., с.714) Княг. (д. Княгоры (Курыкумбал) Кукморского р-на Тат.), *šerēŋe* keszeg ‘лещ’; *cyprinus rutilus* Tr. (CserS, с.215), *šerenge*, *šereŋgē* Ob₁, *šerenğā* Ob₂, *šereŋGe* Ok, *šereŋgā* Ms, *šereŋGā* Mm₁, *šereŋyē* Mm₂, *šereŋgā* Mm₃, *šereŋGe* Mmu, *šereŋGe* Mwo, *šereŋGā* Mur, *šereŋgā* NW Rotaug, Plötze ‘плотва’ (TW, с. 676), *šerenge* B UJ C Č, *šerenge* M MM, *šereŋge* MK, *šereŋgā* UP USj US, *šereŋGe* JT, *šereŋGā* JP V, *šereŋgā* JO, *šäreŋgā* KN KA *pirosszárnú keszeg/ Rotaug* (Beke: 2329)

< ф-у **särkä* ‘вид рыбы, ?плотва, ?ерш’: морд. *ser’ge*, *sär’gä* ‘плотва’; фин. *särki* ‘тж’; эст. *särg* ‘тж’ хант. *lärəy* ‘ерш’ (UEW 1988: 436; SKES IV: 1171; Bereczki 1992: 60; Bereczki 2013: 226; Moisio, Saarinen 2008: 676).

< ф-у **särkä* во всех финно-угорских языках обозначает ‘*cyprinus rutilus* ‘плотва’: фин. *särki*, *särkönen* ‘*cyprinus rutilus*, *rotaug*’; карел. *särgi*, *šärgi*, *särgine*; манси *särt’ši*; эст. *särg*, *säri*, *särjakala*, *särekala*; лив. *särg*; саам. *særgge*, *særga*, *särg*; морд. *ser’ge*, *sär’gä*. (Sebestyén 1935: 59; Paasonen. s-laute, с. 51).

Прамарийский **ä* (из прафинно-волжского **ä*) подвергся сужению.

Л.П. Грузов проследил пути преобразования **ä* в современных марийских диалектах и обнаружил следующие варианты передачи этого звука: **ä*>*e*; **ä*>(e)>*u*; **ä*>(e>*u*)>*y*; **ä*>(e>*u*>*y*)>>(e>*u*)> *ä*: ср. *шеренге* ‘сорожка’- фин. *särki*, мар. *вене*, *вингы* ‘зять’ – фин. *vävy* (Грузов 1969: 96).

В статье М. Рясänen мар. слово *шеренге* ‘плотва, сорожка’ и фин. *särki* ‘плотва, красноперка’ сопоставляет с тунг.: ольч.? *seru* ‘язь’, как доказательство общности финно-угорских и алтайских языков (гипотеза урало-алтайского языкового родства) (Räsänen 1947: 162–173).

144. *kolama*: *k.*- *šerenge* MK *nalnév / Fischname (d’oška-r šulδzra-n, i: zešerenge mit rotem Flügel, kleines Rotaug)* (Beke: 848).

Возможно, *колома* подчеркивает размер рыбы (маленькая плотва с красными плавниками).

145. *чавай* (СМЯ XII, с.288), *чавак* В (Исанб., с.57)

< тат. *чабак* тж, чув. *чапак*, башк. *сабак* тж. Установлено, что соотношение тат. ч с чув. ч свидетельствует о татарском источнике заимствования, поскольку татарский язык сохранил общетюрский *ч без изменения (Ахметьянов 1978: 155, Эхмэтьянов 2001: 225).

146. *якишар сьинза* Г (Балд., с.46; СГНМЯ, с.232; РМСБТ, с.68; МРСБТ, с. 134), *иокишар-сынза* (Линдб., с.188).

Сложный: *иокишар*, *якишор* ~ *йошкар* ‘красный’ + *шынза* ~ *шинча* ‘глаз’ = ‘красный глаз’ = ‘плотва, сорога’.

В основу номинации положена цветовая окраска глаз данной рыбы. Ср., удм. *гордсин*, *гордсинчабак* ‘тж’ = *горд* ‘красный’ + *син* ‘глаз’ (Соколов: 112); кз. *гöрдсин кельчи*, *гöрд синма кельчи* ‘тж’ = *гöр* д ‘красный’ + *син* ‘глаз’ *гöрд синма* ‘красноглазый’ (Ракин 2009: 156); чув. *хёрлё куш*, где *куш* ‘глаз’; башк. *кызылгүз* ‘красноглазая плотва’; каз., ккалп. *кызылгуз* ‘аральская плотва’ (Эхмэтьянов 2001: 234).

147. *soroka·(šerenge)* В *pirosszemü kele* / *Rotaug* (Beke: 2226).

< русск. *сорога*. В Архангельской области общеупотребительное название для обыкновенной плотвы – *сорога* (Сабанеев: 156).

Из пяти существующих названий плотвы одно финно-угорское слово – *шеренге*, *чавай* – татарское проникновение, *якишар сьинза* является собственно марийским образованием, которое употребляется в отдельных говорах горного наречия. Лексема *soroka·* – русское заимствование, *kolama·k·- šerenge* – молодь плотвы, сложное образование, которое создано на базе марийского языка.

РОД КРАСНОПЁРКИ – *Scardinius*

Краснопёрка – *Scardinius erythrophthalmus*

Краснопёрка по форме тела близка к плотве, но несколько выше. Голова маленькая с верхнерасположенным ртом. Все плавники ярко красного цвета.

148. *прамай* (РМСБТ, с.41; МРСБТ, с.79; СМЯ V, с.246).

Собственно марийская лексика.

149. *сўангол* (СМЯ VI, с.330).

Сложный: *сўан* ‘свадьба’ + *кол* ‘рыба’ = ‘свадебная рыба’ = ‘красноперка’.

150. *йошкаршылдыр* (РМСБТ, с.41; Ермак., с.61; МРСБТ, с.25), *якишаршылдыр* (МРСБТ, с.134), *йошкар шу(ы)лдыр* П. (д. Мари-Буляр (Пöлер)

Муслюмовского р-на Тат.) рыба до 25 см. длиной, без чешуи, вкусная (Верш., с.120).

Сложный: *йошкар* ‘красный’ + *шулдыр* ‘плавник’ = ‘красный плавник’ = ‘красноперка’.

Известно, что один из существенных общих принципов номинации состоит в том, что названия рыб содержат информацию о естественно-биологических свойствах рыб. В данном случае показана окраска плавников. Русское название этого вида также связано с яркой красной окраской плавников: в Пскове – *краснокрылка*, в Новгороде местами – *красница*, в Петербурге – *краснокрыл*.

Окраска плавников красноперки выступает как признак номинации и в других родственных: удм. *гордбурд* ‘красноперка’ = *горд* ‘красный’ + *бурд* ‘плавник’ (Соколов 1979: 97); к. *гөрд бордья чери* ‘тж’ (букв. ‘рыба с красным плавником’, *бордья* ‘крылатый’ (Ракин 2009: 24) и неродственных языках: чув. *хёрлэ сунат* ‘красноперка’, где *хёрлэ* ‘красный’, *сунат* ‘плавник’, ‘крыло’; башк. *кызылка*, *кызылганет* ‘тж’, где *кызыл* ‘красный’; каз., ккалп. *кызыл канат* ‘тж’ (Әхмәтъянов 2001: 234).

151. *парсыну(ы)лдыр* Г (РМСБТ, с.41; МРСБТ, с.73).

Сложный: *порсын* Л, *парсын* Г ‘шелк (чем-либо похожем на шелк, шелковистом, красивом, мягком, блестящем и т.п.) + *шулдыр* Л, *шылдыр* Г ‘плавник’, ‘крыло’ = ‘шелковистый плавник’ = ‘красноперка’.

152. *якишарсёинзә* Г, *иокшар-шынза*, *якишор-синза* (Линдб., с.194).

Сложный: *якишар*, *иокшар*, *якишор* ~ *йошкар* ‘красный’ + *шынза* ~ *шинча* ‘глаза’ = ‘красный глаз’ = ‘красноперка’. У данной рыбы глаза оранжевые с красным пятном в верхней части.

153. *йошкар карага* (А) – Кужен.р.

Составной: *йошкар* ‘красный’ + *карага* ‘карась’ = ‘красный карась’ = ‘красноперка’. Видимо, название получил из-за сходства с другой рыбой – карасем.

154. *удыр кол* ‘красноперка’?, Вар. (подговор д. Варали (Варале) Алнашского р-на Удм.) – красивая, с красным плавниками рыба; Княг.(д. Княгоры (Курыкумбал) Кукморского р-на Тат.): с довольно большим животом, не блестит (Верш., с. 644).

Составной: *удыр* ‘девушка’ + *кол* ‘рыба’. Здесь подразумевается, что рыба красива, как девушка. По описанию Л.П. Сабанеева красноперка одна из самых красивых пресноводных рыб: и нее красные плавники и золотистая чешуя (Сабанеев 1959: 156).

155. *сөрмаривате* (СМЯ VI, с.275).

Сложный: *сөрмари* (*сүрмари*) ‘свадьба, брачный обрядовый праздник’ + *вате* ‘женщина’, букв. ‘как нарядная, праздничная женщина на свадьбе’. Подчеркивается красивый внешний вид рыбы.

156. *сывын кол* (СМЯ VI, с.348).

Сложный: *сывын* ‘вид женской верхней одежды из зеленого или черного сукна, надеваемый на свадьбу или моление’ + *кол* ‘рыба’.

Марийские названия (девять названий) характеризуют внешний вид данной рыбы, а именно цветовую окраску плавников, глаз, подчеркивается ее красота.

РОД ЛИНИ – Tinca

Линь – Tinca tinca

Короткое, высокое и толстое тело линя покрыто мелкой плотно прилегающей чешуёй и густым слоем слизи. Цвет линя находится в большой зависимости от воды, в которой он живет. Спина у него темно-зеленая, бока оливково-зелёный с золотистым блеском, брюхо сероватое; в реках и чистых озерах он всегда гораздо желтее.

157. *тато* (№1360; №1146), *тото* Л, *тата* Г (Землян.), *тото* линь Тг. (CserS, с.255), *ta-tadie* Schleie (BTschW, с.143), *тамэ*, *тото* (Ўпым., с.203), *тото* (Ф.Вас., с.54; РМСБТ, с.46; Ермак., с.64; РМСБТ, с. 96; СМЯ VII, с.176), *таты* Г (СГНМЯ, с.155; РМСБТ, с.46; СМЯ VII, с.176), *to-to* МК, *toto* СК Ї, *to-to* JT, *ta-tâ* JO K compó / Schleie, Schlei / *to-tola-ßram peš d jora-lta*, *toi tü-san, šö-rtnö tü-san* / *toto-kol* СК (Beke: 2830), *to-to* Ok Mup, *tó-tq* Mmu Mwo, *tà-tê* NW W Schleie линь Ok Mup NW W; (vielleicht) Rohrkarpfen (возможно ‘язь’) Mmu W₂; ein Fisch Mwo (TW, с.809)

< ур. **totke* ‘линь’: эст. *tõtkes*, *tõkes*, *tõkke* ‘тж’; фин. *totki* ‘тж’; морд. *tutka* Quappe ‘налим’ мордЕ, Schleie ‘линь’ морд М; манс. *tåxt* ‘линь’; *takt*: *taktkõl* ‘тж’; венг.(диал.) *tat*: *tathal* ‘eine Art Maifisches ‘вид сельди’, линь’ // самод. селк. *tūt, tūtj, tutto, tutä, toto* Karausche ‘карась’ (UEW 1988: 339; ОФУЯ 1974: 404; Sebestyén 1935: 36; SKES V: 1362; Bereczki 1992: 77; Moisio 2008: 809; Bereczki 2013: 281).

Условно можно допустить, что название ихтионима как-то связан со значением ‘слизь’ (рыба покрыта густым слоем слизи). Этот же признак выделяет и Вершинин В.И. «апеллятив со значением ‘слизь’, ср. удм. *дыть* ‘слизь’, эст. *tatt* ‘сопли’. Это поддерживается тем, что как линь, так и налим, карась – рыбы, покрытые слизью» (Вершинин 2005: 69).

158. *шемь-коль* (№1146), *шем-коль* (Землян.), *шем кол* (Ф.Вас., с.39), *шемгол* (РМСБТ с.46; Ермак., с.64; МРСБТ, с.116; СМЯ IX, с.85).

Сложный: *шем* 'черный' + *кол* 'рыба' = 'черная рыба' = 'линь'. Ср., удм. *сьод чорыг* 'тж' = *сьод* 'черный' + *чорыг* 'рыба'; тат. *кара балык* 'линь', чув. *хура пулла* 'линь', где *хура* 'черный' + *пулла* 'рыба'. В тенистых прудах, заросших водяными растениями, бывают иногда почти совсем черные лини.

159. *лен* 'С-3 (СЗСМЯ, с. 114)

< русск. *линь*. Без всякого сомнения, название "линь" дано этой рыбе вследствие характерической особенности ее изменять свой цвет по вынуждению из воды; пойманный линь немедленно покрывается большими черными пятнами. Это происходит оттого, что он весь покрыт толстым слоем чрезвычайно густой и прозрачной слизи, которая на воздухе твердеет, темнеет, а затем отваливается кусками, оставляя на этих местах большие желтые пятна (Сабанеев 1959: 147).

Марийское наименование *тото* Л, *таты* Г считаем уральским наследием, *шемгол* образован на базе марийского языка, *лен* 'С-3 – русское проникновение.

РОД БЕЛЫЕ АМУРЫ – Ctenopharyngodon

Белый амур Ctenopharyngodon idella

РОД ТОЛСТОЛОБИКИ – Hypophthalmichthys

Белый толстолобик – Hypophthalmichthys molitrix

Белый толстолобик – стайная пресноводная рыба средних размеров. Тело высокое, покрытое мелкой серебристой чешуёй светлого цвета. Питается микроскопическими водорослями – фитопланктоном, поэтому эта рыба является прекрасным мелиоратором водоёмов. При помощи своего цедильного ротового аппарата белый толстолобик профильтровывает зацветшую, зелёную и мутную от детрита воду. Поэтому он иногда запускается в водоём в качестве дополнения к фильтрационной системе, делая воду чистой и прозрачной. Широко используется в товарном рыбоводстве, как поликультура. С этой целью были и завезены в водоемы Марий Эл (Балдаев 1971: 68).

Пестрый толстолобик – Hypophthalmichthys nobilis

Были целенаправленно завезены в водоёмы Марий Эл для осуществления рыбохозяйственной деятельности.

Марийские наименования для белого амура, белого и пестрого толстолобика отсутствуют.

СЕМЕЙСТВО ВЬЮНОВЫЕ – Cobitidae

РОД ЩИПОВКИ – Cobitis

Обыкновенная щиповка – Cobitis taenia

Тело удлинённое, змеевидное, сжатое с боков, вдоль которых расположены крупные тёмные пятна. Под глазом имеется по одному шипу, которые в случае опасности оттопыриваются и таким образом защищают рыбку от хищников. Щиповка достигает длины немногим более 10 см. Названия щиповка, кусачка даны этой рыбе за ее подвижные подглазные колючки, которыми она цепляется за сети и которыми можно несколько уколоть себе пальцы, если неосторожно взять ее за голову. (Сабанеев 1959: 605).

160. *нюго* (Ермак., с.63).

Г. Берецки в этом марийском ихтиониме *нюго* усматривает древнепермское заимствование (Berezki 1977: 4). Ср. удм. *нугылес* ‘пескарь’ (Соколов 1994:110), к. *нюглей*, *нюгылъ* ‘пескоройка, (личинка миноги)’ (Ракин 2009: 72) > прап. **n’ugil’* ‘вид рыбы (пескарь, пескоройка)’ (КЭСК: 199). Высказывает мысль, что марийский язык заимствовал более древнюю форму без суффикса (-*ыль*, -*лей* в коми языке являются суффиксами).

И.С. Галкин признает, что марийское и коми слова связаны между собой. В этом случае в марийском оно может быть только заимствованием: -*ыль*, -*лей* в коми является суффиксами (Галкин 1986: 67). В оригинальных словах **n’* перед велярным гласным непременно депалатализируется (см. Berezki 1994: 46). Согласный *g* в коми языке восходит или к **ŋg*, или же к **k*. Первый вариант сохраняется в марийском языке, второй исчез бесследно (Berezki 1994: 31).

161. *кўнюго* (МРСБТ, с.46).

Сложный: *кў* ‘камень’ + *нюго* ‘малёк, мелкая рыбешка’ (ср. эст. *kivikala* ‘щиповка’, где *kivi* ‘камень’ + *kala* ‘рыба’ (Kendla 1999: 34)). Обычно щиповка прячется под камнями и держится у дна на участках с каменистым, песчаным или илистым дном.

162. *иянюго* (МРСБТ, с.101; Ермак., с.61; МРСБТ, с.23; СМЯ II, с.83).

Сложный: *ия* ‘черт’ < тат. *ия* ‘хозяин, владелец (огня, воды и т.д.)’, чув. *ийе* ~*иййе* название духов; злой дух’~ др.-тюрк. *idi~iđi* ‘хозяин, владелец, обладатель’ (Исанбаев 1979: 71; Федотов 1985: 20; Галкин 1986а: 59) + *нюго* ‘малёк, мелкая рыбешка’. Основой переноса стало название мифологического персонажа (*ия* ‘черт’ – злой водяной дух) по сходству внешнего вида. Щиповка вызывала страх своим видом, обростала мифологическими представлениями.

163. *пинюго* (РМСБТ, с.101; Ермак., с.61; МРСБТ, с.76; СМЯ V, с.118).
Сложный: *пи* ~ *пий* ‘собака’ + *нюго* ‘малёк, мелкая рыбешка’. См. № 80.

164. *пигол* Г (СГНМЯ, с.118; РМСБТ, с.101), *пигол* елаб. (елабужский говор) усач (Верш., с.433), *pi-i-γol* Ob₁ Ok, *pi-kol* Ms, *pi-kol* Mm₁, *pikol* Mwo, *pi-γol* Mur, *pi-γol* NW, *pi-γol* W₁ Bratgrundel ‘голец’, Schmerle ‘голец’ Ob₁Mwo Mur NW, der Bratgrundel ähnlicher Fisch, der schwarze Fleken an der Seite hat ‘имеет черные пятна на стороне’, (wird nicht gegessen ‘не едят’) Ok Ms; wird gegessen Mm₁, ein fingerdicker, hartfleischiger, nicht essbarer, ca. 8 langer Fisch ‘с палец толщиной, с жесткой мякотью, несъедобный, около 8см длиной’ W₁ (TW: 512), *piγén'e-kol* B (*piγ-γol*) csik / Beißker (Barbe-MK) / усач (Beke: 1864).

Сложный: *пи* ~ *пий* ‘собака’ + *кол* ‘рыба’.

В описательных названиях рыб, где в качестве определителя выступает название животных, мясо которых представителями данного этноса в пищу не употребляется, подчеркивается несъедобность рыбы. Указание на несъедобность с помощью определителей характерно и для названий растений: мар. *пийломбо* ‘крушина ломкая’ (*пирьломбо*), где *пий* ‘собака’ + *ломбо* ‘черемуха’; *пийшоло* 1) ‘вязель’; 2) ‘чина луговая’, *пий* ‘собака’ + *шоло* ‘вяз’; *пийылме* ‘чернокорень’, где *йылме* ‘язык’; *пийвõчыж* ‘толокнянка’ и т.д. (МРСБТ, с. 76).

Аналогичные конструкции свойственны не только финно-угорским языкам, но и языкам других семей. Ср., чув. *йытпулли* ‘головастик, пескарь, мелкая рыба’, где *йыт* ‘собака’; тат. *эт балыги* ‘головастик’, где *эт* ‘собака’.

165. *пунтүрвõ* (Ермак., с.63).

Сложный: *пун* ‘шерсть, пух’, ‘волос, волосок’ + *түрвõ* ‘губа’ = букв. ‘волоски у губы’.

Название объясняется внешностью рыбы: голова маленькая, на нижней ее стороне располагается маленький рот с утолщенной двулопастной нижней губой и тремя парами усиков, две пары из которых располагаются на конце рыла, а одна – в углах рта (Сабанеев 1959: 237).

Из 5 названий на базе марийского языка составлены 4, *нюго* – финно-угорское слово. Марийские названия подчеркивают особенности тела рыбы, ее повадки.

РОД ВЬЮНЫ – Misgurnus

Вьюн – Misgurnus fossilis

Вьюн служит главным представителем небольшой группы рыбок, которые характеризуются удлинённым телом, покрытым очень мелкой, гладкой

чешуей, а иногда и вовсе без чешуи, небольшими глазами, небольшими жаберными отверстиями и нитевидными усиками на мягких губах.

166. *кише-коль* (Землян.), *кишкёкол* ‘угорь’ (Ўпым., с.68), *кишегол* (Ермак., с. 62; МРСБТ, с.34; СМЯ II, с.342), *кёйшкёгол* С-З (СГНМЯ с.110), *кишегол* (СГНМЯ, с.75; МРСБТ, с.49), *кише-кол* П. (д. Мари-Буляр (Пёлер) Муслумовского р-на Тат.) ‘длинная тонкая рыба, похожая на усача’ (Верш., с. 181), *kiškekol* Ока, *kiškə-γo-l* Ок, *kiškə kol* Мm₁, *kəškə-γol* W₁ / Aal ‘угорь’ Ок Мm₁; Neunage ‘реч. минога’ Ока; Bachschmerle ‘выюн’ W₁ (TW:732).

Сложный: *кише* ‘змея’ + *гол* ‘рыба’ = ‘змея-рыба’ = ‘выюн’.

Ср., удм. *кыйчорыг* ‘тж’ = *кый* ‘змея’ + *чорыг* ‘рыба’ (Соколов 1994: 56); кз. *зьмей чери* ‘угорь’ = *зьмей* ‘змея’ + *чери* ‘рыба’ (Ракин 1993: 134); мордЭ. *Куньгал* ‘угорь’ = *куень* ‘змеиный’ + *гал* (<кал) ‘рыба’ (Вершинин 2005: 185); чув. *сёленпулла* ‘выюн’, ‘голец’, где *сёлен* ‘змея’ + *пулла* ‘рыба’, тат., башк. *йылан балык* ‘угорь’, где *йылан* ‘змея’ + *балык* ‘рыба’ (Ахметьянов 1969: 46).

По своему наружному виду выюн напоминает змея, а также показывает его способность извиваться как змеи. Многих отталкивает непривлекательный внешний вид выюна, имеющего змеевидную форму, к тому же, когда берешь его в руки, сильно извивается. По этой причине он употребляется в пищу только местами и вообще находится в большом пренебрежении.

Но следует отметить, что здесь имеет место и мифологические мотивы. Как известно, змея у марийцев носит отрицательный характер. Известный марийский мифологический персонаж Кишке Сакмат – повелитель ядовитых водяных змей, способный двигаться только задом наперед. Змееям относили не только собственно змей, но и вообще всех земноводных и пресмыкающихся, гадов (Калиев 1993: 45).

У славян змеевидных угря и выюна причисляли к ‘гадам’, считали погаными и родственными змеем. Верили, что угри спариваются со змеями. Выюна называли ‘змеев брат’, считали змей в двенадцатом поколений. Отсюда распространенный запрет употреблять этих рыб в пищу (Валецкая 1978: 35).

167. *кишекынюго* (Ермак., с.62).

Сложный: *кише* ‘змея’ + *нюго* ‘малёк, мелкая рыбешка’. Компонент *нюго* подчеркивает небольшой размер рыбы: обычная длина – 15–18 см.

168. *кишекывуй*, *кёйшкывуй* Г (МРСБТ, с. 34).

Сложный: *кише* ‘змея’ + *вуй* ‘голова’ = ‘змеиная голова’ = ‘выюн’. Голова удлиненная, у лба немного приплюснутая как у змей.

169. *kəškə-pi-γo-l* Мур Aal ‘угорь’ (Веке: 1866).

Сложный: *kəškə* (*кише*) ‘змея’ + *pi* (*ний*) ‘собака’ + *γo-l* (*кол*) ‘рыба’.

170. *юн* Г (РМСБТ, с.189; СГНМЯ, с.230; МРСБТ, с.133), *вйун* С-3 (СГНМЯ с.230), *юнгол* Г (СГНМЯ, с.230; МРСБТ, с.133; СМЯ Х, с.179), *вйункол*, *йуникол* С-3 (СЗНМЯ, с.78), *вйун кол*, *йунгол* Г (ЭСМЯ II ч, с.219) < русск. *вьюн*. Русское название *вьюн* получил, видимо, от способности извиваться как змея (Фасмер I: 69).

171. *pi-kol* *menyhal* ‘налим’, *вьюнь* Тг. (CserS, с.163), *пигол* (Ўпым., с.156). Сложный: *pi* (*пий*) ‘собака’ + *yo-l* (*кол*) ‘рыба’.

Ср., тат. *эт балыгы* ‘вьюн’, башк. *эт балыги* ‘угорь’, ‘вьюнок’, где *эт* ‘собака’ + *балыги* ‘рыба’ (Бятикова 2003: 79); чув. *йыт пули* ‘головастик’, где *йыт* ‘собака’ + *пулли* ‘рыба’ (Скворцов 2010: 233); удм. *пуны чорыг* ‘вьюн’, где *пуны* ‘собака’ + *чорыг* ‘рыба’ (Соколов 1994: 125). Подчеркивается несъедобность рыбы. См. № 163.

172. *пиньуго* (Ўпым., с.156).

Сложный: *pi* (*пий*) ‘собака’ + *ньюго* (*нюго*) ‘малёк, мелкая рыбешка’. См. № 163.

173. *рокмүктө* С-3 (СГНМЯ с.67).

Сложный: *рок* ‘земля’, ‘почва’ + *мүктө* ‘малек’.

Эта рыба имеет способность зарываться в ил на глубину одного-трех метров. См. *мүктө* №125.

174. *питыр* (устар.) Г (СГНМЯ, с.119).

< чув. *пётёре*: *ыраш пётёри* / *пётри* ‘пескарь’; *ыраш пётри* ‘название маленькой большеголовой и большебрюхой рыбки’; *ыраш пулли* ‘название маленькой юркой покрытой слизью рыбы без чешуи’ = *ырашпётри* ‘пескарь’ (Лебедева 1983: 78).

175. *пискйи* С-3 (СГНМЯ, с. 166)

< русск. *пискун*. В некоторых говорах русского языка *вьюна* называют *пискуном*. Способность *вьюна* издавать своеобразный резкий писк послужило к такому названию (Сабанеев 1959: 139).

176. *изивишкыле* (РМСБТ, с.78). См. №108.

177. *тйгьидэ лудо тўсан, өршён пушкыдо кол* (Ўпым., с.156).

Составной: *тйгьидэ* (*тыгыде*) ‘мелкий’ + *лудо тўсан* ‘серого цвета’ + *өршён пушкыдо кол* ‘рыба с мягкими усиками’ = ‘мелкая серая рыба с мягкими усами’. Подчеркивает особенности внешнего вида рыбы.

Из 12 слов, имеющих для номинации *вьюна*, два по происхождению являются русскими заимствованиями, остальные ихтионимы являются собственно марийскими, большинство из них показывает несъедобность данной рыбы.

РОД ГОЛЬЦЫ – *Nemacheilus*

Голец – *Nemacheilus barbatulus*

Голец легко отличается от других вьюнов своим брусковатым телом. Обыкновенно спина и бока туловища серовато-желтые с зеленовато-бурыми пятнышками различной формы и величины. Тело почти без чешуи (отсюда название) (Сабанеев 1959: 68).

178. *пондэрбе* (Землян.), *пӱндӱрвӱ* (ПУГ), *пондэрбэ*, *пондэрбэ* (Ўпым., с.160), *пӱндӱрвэ* Г, *пондэрвэ* (Ўпым., с.175), *пандербе*, *пондэрбэ*, *пын-тры* (Линдб., с.206), *пындӱрвӱ* Г(СГНМЯ, с.130; РМСБТ, с.19; СМЯ V, с.332), *пундӱрвӱ* (РМСБТ, с.19, Ермак., с.63; МРСБТ, с.80; СМЯ V, с.332), *пондэрве* (РМСБТ, с.19), *ph-n-derβə* dieSchmerle ‘голец’, derGründling ‘пескарь’ (BTschW, с. 108), *pøn-türβü* JO csík, kövicsík / Bartgründel / усац (Beke: 2983), *pun-dürβə* UP, *pun-türβö* UJ, *pøn türβü* JO, *pân-dərβə* K csik /Barbe/ усац (eig, Schmerle, Gründel, in K JO: Barbe –МК) (Beke: 1998), *pên-dərβə* Wkleiner Fisch, der einen Schnurrbart hat und den man kaum isst, vielleicht Bartgrundel ‘маленькая рыбка, с усами и почти ничего не ест, возможно, ‘голец’ (TW, с. 555).

Сложный: *пун* ‘шерсть, пух’, ‘волос, волосок’ + *түрвӱ* ‘губа’ = букв. ‘волоски у губы’ = ‘голец’.

На верхней губе находится 6 усиков, по этому признаку и получило свое название голец.

179. *кодама* (Ўпым., с.69; СМЯ II с.364), *кодата*·М ММ, *кода·та* СС, *када·та* K csik? Schlammbeißer? (Л.-голец, Г.-пескарь МК) (Beke: 815). Этимологию см. № 86.

180. *чара ньюго* (Ўпым., с.175).

Составной: *чара* ‘голый’ + *ньюго* (*нюго*) ‘малёк, мелкая рыбешка’ = ‘голая мелкая рыбешка’ = ‘голец’. Голец отличается почти голым телом, откуда и произошло его название.

181. *пи-кол* (Линдб., с.206). См. № 88.

Название кодама мы считаем словами финно-угорского происхождения, остальные созданы на базе марийского языка.

ОТРЯД СОМООБРАЗНЫЕ – SILURIFORMES

СЕМЕЙСТВО СОМОВЫЕ – Siluridae

РОДСОМЫ – Silurus

Сом – *Silurus glanis*

Крупная пресноводная хищная рыба с лишённым чешуи телом и несколькими парами усов. По общей форме тела он имеет сходство с налимом, но голова у него гораздо шире и плосче и составляет почти 1/6 часть всего голого тела, покрытого густым слоем слизи (Сабанеев 1959: 276).

182. *ши кол* (Ерусл., с.10; ПУГ), *шийгол* (Ўпым., с.260; РМСБТ, с. 87; РМСБТ, с.117; СМЯ IX, с.121), *шигол* Г (СГНМЯ, с.201; РМСБТ, с. 87; Ермак., с.65; СМЯ IX, с.121), *ši-kol* *harsa* ‘сом’; *hecht* ‘щука’; сомъ Tr. M.43 (CserS, с.216), *ši-γol* *der Wels* (BTschW, с.132), *šij-γol* В М, *ši-kol* U СК Ї, *ši-γol* ЪТ К *harsa* / *Wels* (Beke: 2377), *ši-i-γol* Ob Ok, *ši-kol* Mm₁, *ši-γol* Mup W ein Fisch Mm₁, *Wels* ‘сом’ Ob Ok Mup W (TW, с. 680)

< ф-у **sākā* ‘вид рыбы’ (? сом) < фин. *sākä, säkiä, säket, säkākala, säke, säkekala, säe, säekala* ‘silurus glanis’ wels (сом); эст. *seggä, säkalla, sägä, sōgi* id.; мордЕ *šije, šijä*, М *šijä, šiji-kal* id.- диал. налим; мар. *ši: ši-kol, šijkol* ‘сом’; манс. *šī, sī, si g, ši y* ‘налим’; хант. *seg, seḡ, sig, saḡ* ‘налим’ (Sebestyén 1935: 53, UEW 1988: 469, SKES: 1163, Mäger 1976: 91; Bereczki 1992: 62; Moio 2008: 680; EES; Bereczki 2013: 233).

К. Редеев объясняет, что под влиянием ф-у **ä* в марийском языке *-k* перешло в *-й* или *-и* (UEW 1988:469).

В семантическом плане вышеперечисленные слова сопоставимы. Это объясняется тем, что внешним видом крупный налим напоминает маленького сома.

В диссертации Э.И. Пекшеевой «Ихтионимы и лексика рыболовства в марийском языке» (Йошкар-Ола, 2012) отмечено, что в основе номинации сома лежит цветовая окраска рыбы: *шийгол* – ‘серебряная рыба’ (Пекшеева 2012: 118). Кажущаяся на первый взгляд очевидной связь со словом *ший* ‘серебряная’ (цветовая окраска), мы думаем, неправомерна – эта лексема со стертой словообразовательной структурой, внутренняя форма которой была затемнена в результате многочисленных фонетических изменений. Нами нигде не были обнаружены названия этой рыбы связанные с окраской её тела.

В исследованиях И. Шебештьена указано, что мар. *ši: ši-kol, šijkol* ‘сом’; манс. *šī, sī, si g, ši y* ‘налим’ мордЕ *šije, šijä*, М *šijä, šiji-kal* id.- диал. налим – *šije* ‘lausig’ (паршивый), *ši* ‘laus’ (вошь), ‘название рыбы ‘lausiger fisch’ (паршивая рыба), значение связано с народной этимологией (Sebestyén 1935: 53).

В славянской ихтиологической терминологии имеется целый пласт наименований рыб непосредственно связанный с известными мифологическими персонажами и такими явлениями окружающего мира, которые иногда весьма трудно вяжутся с обычными представлениями о рыбах и средой их обитания (Разаускас 2009: 323).

Ихтионимы такого рода, как правило, объясняются внешностью рыбы и особенностями ее поведения. Если посмотреть на внешний вид сома, то на его внешности прослеживается нечто устрашающее. “Наружность сома крайне оригинальна и безобразна” (Сабанеев 1959: 133). В народной

мифологии сом используется (прим. – водяным) вместо лошади в поездках под водой. Это “чертов конь”. Рыба – это скот, особенно сомы, налимы, угри и раки, в некоторых местах так и называют ‘рыба водяного’ и поэтому не употребляют в пищу” (Криничная 2001: 245).

У многих народов рыба сом характеризовалась как кирг. жайын *балык* ‘сом’ в эпосе ‘рыбообразное чудовище’ (Киргизо-русский словарь 1965: 217). По мнению Р.Г.Ахметьянова, *otqeen* ‘сом’, вероятно, образовано от древнетюркского *δ *аган* ‘монстр, чудовище’ (Ахметьянов 1994: 15).

Большинство из древних названий ихтионимов является в настоящее время немотивированным, трудно установить, что легло в основу их номинации. Но, все же, исходя из законов типичности семантических признаков, условно можно предположить, что в основе марийского слова *иййгол* ‘сом’ – ‘нечто устрашающее; безобразная рыба’. Рассматриваемая лексема восходит к финно-угорскому корню.

ОТРЯД ТРЕСКООБРАЗНЫЕ – GADIFORMES

СЕМЕЙСТВО ТРЕСКОВЫЕ – Gadidae

РОД НАЛИМЫ – *Lota*

Налим – *Lota Lota*

Единственный представитель семейства тресковых, который обитает в пресной воде. Тело удлинено, буро-коричневого-зеленоватого цвета, густо покрыто слизью. Вся спинная сторона, равно как и плавники, на серовато-зеленом или оливково-зеленом фоне испещрены черно-бурыми пятнами и полосками. Внешний вид налима и образ его жизни свидетельствуют о том, что это рыба реликтовая, сохранившаяся ещё со времен ледникового периода (Сабанеев 1959: 47).

183. *мокишинце* (П.-Григ.), *мокишинче* (№1360), *мокишинзэ* (№1146), *мокишынзе*, *мокишинце*, *мокишинже* (Землян.), *мокишинже* (Ф.Вас., с.43), *tokšunžo* (r.) *menyhal*(налим), *guappe* (*gadus lota*) Bd. *toksənče* тж Tr. (CserS, с.125), *мокишынчо* (Ўпым., с.121), *мокишынчо* (РМСБТ, с.56; Ермак., с.62; с.56; РМСБТ, с.58; СМЯ IV, с.73), *мокишынчы* С-3 (СЗСМЯ, с.130), *tokšéndzo*·Ob₁, *tokšéndzo*·Ob₂, *mo·kxšundzo* Ok, *tokxši·ndzə* Ms, *tokxši·nDZə* Mm₁, *mo·kšindžə* Mm₂, *mo·kšênDZə* Мур *Quappe* (налим) (TW, с.385).

В этимологическом словаре мордовских (эрзянского и мокшанского) языков, рассматривая лексему мордМ *максака* – 1.хомяк. 2. диал. налим, сравнивают её с мар. *мокишинче*, *мокишынчо* ‘тж’; мордЭ *максарька* ‘вьюн’. Предполагают, что все эти слова в своей основе имеют элемент *макса* ‘печень’, т.е. орган, отличающийся от других характерным темно-коричневым цветом, в какой-то степени этот цвет характерен для диких хомяков, а также для налима и вьюна. Приводят примеры: марГ *кугимокш* ‘гриб-чага’

(букв. ‘берёзовая печень’), удм. *мус* в *вумус* ‘сланец’ (букв. ‘водяная печень’) (Вершинин 2005: 227).

Вполне вероятно, что марийский ихтионим *мокшынчо* связан с органом рыбы налима – печенью. У налима очень большая печень. Послушайте любого рыбака – и он столько наговорит о необыкновенных достоинствах поджаренной на сковороде печени налима, будто это и есть тот совершенно непревзойденный деликатес. По словам информанта У.А. Тихоновой (Оршан. р-н), налима очень ценили и ценят за его печень.

Интересные сведения содержатся в кулинарном словаре В.В. Похлебкина: “налим – речная рыба, у которой в русской кухне использовалась только печень. Сам налим в еду не шел, его обычно отдавали собакам, а если и приготавливали его мясо, то кожу обязательно снимали. Налимья же печень либо опускалась в стерляжью уху, либо использовалась отдельно в качестве начинки (с луком) в мневых (*мень, менёк, мнюх* – другие названия налима) пирогах. Вес налимьей печени обычно составляет 12–15 процентов от веса налима; таким образом, полупудовый налим имеет килограммовую печень” (Похлебкин 2002: 235).

На наш взгляд, происхождение марийского слова логичнее связать с корнем *моки* со значением ‘печень’, который является словом уральского происхождения – **taksa*, ср. фин. *taksa*, эст. *taks*, ижор. *taksa*, мордМ *макса*, мордЭ *максо*, хант. *тӧӧл, тӧӧл*, манс. *mājt*, удм. *mus*, к. *mus*, венг. *máj*, ненец. *mid*⁹, энец. *muз*, нган. *mitə*, селькуп. *m̄te* (EES = <http://www/eki.ee/dict/ety/>, Berezki 2013: 144)+ *-ынчо* – словообразовательный суффикс.

В основу номинации положен такой отличительный признак, как орган тела рыбы.

184. *мэн* (Ўпым., с.131), *men menyhal* ‘налим’, *guapp; gadus lota* М. 43 Bd. (CserS, с.122), *те-п* Quappe (BTschW, с.78), *мен* (ПУг; РМСБТ, с.561; СМЯ IV, с.43) диал., *мен* JT K *menyhal* / Quappe (Beke: 1422), *men* NW W₂, *tén, men* W₁Quappe ‘налим’ (TW, с. 377).

Лексема *мен* вызывает определенный интерес с точки зрения этимологического исследования. В марийском языкознании она считается финно-угорским наследием (Барцева 2003: 16).

И. Шебештьен относит данную лексему к финно-угорскому слою. В своих исследованиях по уральским языкам приводит примеры: фин. *tonni* ‘silurus glanis; wels’ (сом); венг. *mény-hal* ‘murena’ (угорь), *menyhal* ‘lota vulgaris’ (налим), *ményhal* ‘тж’ и ‘cobitus barbatula’ (голец обыкновенный), *mē-hal, mē-hal*; морд. М *māntuk* ‘quappe’ (налим), Е *mentuk* ‘тж’; саам. *moanji* ‘coregonus lavaretus’ (сиг обыкновенный), *moanjigaž* ‘kis coregonus lavaretus’ (маленький сиг), *māhe’k’iso siika; grösser schnäpel*, где *-gaž, -k’* – конечный уменьшительный суффикс (Sebestyén 1935: 54).

В этимологическом словаре мордовских (эрзянского и мокшанского) языков, рассматривая происхождение морд ЭМ *ментюк* ‘налим’, сравнивают его с русскими наименованиями *ментюк,мень, менусь* ‘налим’ (Вершинин 2005 III: 247).

Похожие названия находим и в словаре пресноводных названий рыб СССР Г.У. Линдберга, где он приводит множество примеров не только из разных говоров русского языка: например, *менёк*, *минь* (арх.), *меник* (рязан.), *ментуэ* (смол.), *ментюк* (кур.), *менюх* (пск.) ‘налим’ и др., но и из других языков: укр. *мень*, *меньок*, *минь* ‘налим’; польск. *Mejnk*, *Mientus* ‘тж’; с-хорв. *Manek*, *Meng*, *Menjk*, рум. *Măntus* ‘налим’ и т.д. (Линдберг 1972: 216).

Русск. *мень* ‘налим’, укр. *мень*, болг. *мень*, славен. *тепак*, чеш. *teň*, словц. *mieň*, польск. *mientus* // праслав. **тънь* родственно лит. *mėnkė* ‘треска’. Неясно взаимоотношение с др.-инд. *mīnds* ‘какая-то рыба’ (Фасмер II: 599). И именно с фин. *monni* чаще всего отождествляют славянское слово *мень*.

Вероятно то, что славянское наименование этой рыбы, по утверждению В.И. Вершинина, финно-угорского происхождения, а германское, может быть, из славянского (Вершинин 2005 III: 247).

Но если обратиться к этимологическому словарю финского языка, претерпевшему несколько изданий с исправлениями и дополнениями Кайсы Хяккинена (Kaisa Häkkinen), можно обнаружить, что слово *monni* впервые употребляется только в 1786 году в словаре Кристоффрида Ганандерина (Kristfrid Gananderin). Как указывает автор *monni* не финского происхождения, а вероятно заимствовано из германских языков, аналогов ученые не обнаруживают в финских языках. И самое главное, у финнов было древнее слово для наименования сома – *säkiä*: «Sen sijan saman kalan toinen nimitys säkiä kuuluu ikivanhaan omaperäiseen sanastoon. Sana monni on todennäköisesti lainaa germaanisista kielistä» (Häkkinen 2007: 724).

В SKES предполагают, что фин. *monni* ‘silurus glanis’; голец обыкновенный, *molli* ‘сом’ из германских языков, ср. др.-нижненем. *monne* ‘какой-то вид плотвы, сом’, нем. *monne* ‘какой-то вид карпа’ (SKES II: 347).

Г. Березки и К.Редечи не приводят слово в списке слов финно-угорского происхождения (UEW, Bereczki 2013).

С этой связи небезынтересно отметить статью Н.А. Потевского, где анализируемый ихтионим и деривационные элементы относит к древнейшему периоду истории славянских языков и опровергает о возможном заимствовании из уральских языков, аргументированно доказывает индоевропейское происхождение номинации «мень». Исследователь оспаривает финно-угорское происхождение рассматриваемого слова и предлагает истоки номинации с праиндоевропейской основой *men-/min-/mik-*, которые выражают ‘большой, крупный, великий’ (Потевский 2014). Конечно, это название далеко не бесспорно в отношении принадлежности его к индоевропейским языкам, однако широкая распространенность его вариантов в диалектах славянских языков делает такую гипотезу достаточно вероятной.

Хотя коренное местопребывание налима – северные реки, впадающие в Ледовитый океан. Налим – коренной житель северной России и Сибири. Что касается 6–7 веков н.э., времени становления праславянского языка и распространения славян на европейском континенте, то температурные

показатели были ниже, зимы более суровы, а значит, границы территории обитания *мёня* были шире. Собственно название «мень» могло возникнуть как на севере, так и на юге зоны распространения праславянского языка, комплекса Пражской, Пеньковской и Колочинской культур. Л. Сабанеев отмечал, что *менем*, *мнюхом* называют налима чаще на юге, а на севере он сохраняет литературное наименование (Сабанеев 1959: 178).

Однако исследователь Адам Хюллестед (Adam Hyllested) в своей работе “Word Exchange at the Gates of Europe” (“Лексический обмен на “воротах Европы”) утверждает, что в балтийских языках *мен* ‘налим’ является заимствованием с прамарийского (черемисского) языка, который, в свою очередь, имеет уральское происхождение, и сравнивает с венгерским *mēnyhal* ‘налим’ ~ *mēnyét* ‘ласка’, где *hal* - ‘рыба’, букв. ‘бородатая ласка-рыба’, ср. *mēnyét* ‘ласка’ < *mēny* ‘невестка’, а старовенг. ‘невеста’ < праугорск. **mīñā* ‘невестка; юная девушка’. ‘Ласка’, животное из семейства куньих, и ‘налим’, вид пресноводной рыбы, обладают некоторой схожестью в отношении внешних черт, а также поведения в природе. Использование слова *ласка* и терминов, относящихся к семейству куньих для обозначения понятий ‘невеста’, ‘невестка’, ‘своячница, невестка’, или ‘младшая невестка’ исторически связано с символом, означающим чистую, девственную и желанную молодую женщину, весьма распространено на западной территории Евразии. Более того, венгерские и марийские термины имеют много соответствий, поскольку имеют общую праформу, а в колтта-саамском языке есть форма *manij* ‘(большая) белянка, *Coregonus lavaretus*’, *moanjī*, *moanjigaž* ‘(большая) белянка’. Распространение этих терминов, вероятнее всего, связано с торговлей пушниной на побережье Балтийского моря, которое указывает на ранние языковые контакты между волжскими и прибалтийскими племенами. Славянские суффиксированные формы могли быть либо заимствованиями с балтийских языков или параллельными образованиями (Hyllested 2014: 204–210).

Таким образом, слишком широкое распространение слова предостерегает от категорического решения вопроса, поэтому рассматриваем марийское слово *мен* ‘налим’ как финно-угорское наследие только под знаком вопроса.

185. *іменьколь* (Землян.), *men-kol* тж Tr. (CserS, с.122), *men'gol* (BTschW, с. 78), *men-Gol* JT, *mén-gol* K (Beke: 1422).

186. *šamba menyhal* ‘налим’, *guappe*; Zol. Tr. (CserS, с.211), *шамба* (Ўпым., с.131), *шамба* (МРСБТ, с.113; СМЯ IX, с.28), *šamba*. Š menyhal / Quappe (Beke: 2293), *šamba* Mwo ein Fisch (TW, с.662).

И. Шебештьен эту лексему причисляет к финно-угорскому пласту и констатирует, что из марийского языка *шамба* ‘налим’ перешел в чувашский язык: фин. *sambi*, *sembi*, *sampi*, *sammi*, *sammet* ‘осетр’, *sāmpi*, *sempi* id, *sampi* ‘осетр’ – треска, *samme*, *sammi*, *sāmpi*, *sempi* id.; карел.

saippa ‘осетр’; эст. *samb, samm* id; хант. *supī, sopī, šupin khul, šupu, šó'pii* id (Sebestyén 1935: 53).

Л.И. Барцева и И.С. Галкин также возводят мар. слово *шамба* ‘налим’ к финно-угорскому периоду (Барцева 2003: 16).

Н.И. Исанбаев встречающуюся в заказанском говоре татарского языка лексику *шамбы* ‘налим’ относит к заимствованию из марийского языка, сопоставляя с фин. *sampi* ‘осетр’, венг. *combó* (прим. автора – венг. *comró* ‘линь’) (Исанбаев 1989: 158).

В этой связи небезынтересно подчеркнуть, что автор «Этимологического словаря венгерского языка» отрицает финно-угорское происхождение венг. *comró* ‘suutari, Tince vulgaris’ (линь). В словаре мы не находим данную лексику в списке финно-угорских и уральских языков (EDH 2007: 14–29).

Этимологически мар. *шамба* ‘налим’ связывают с чув. *шампă* ‘налим, голец, головастик’ (Szilasi 1901: 211; Moisio, Saarinen 2008: 662).

В этимологическом словаре финского языка приводятся примеры из разных диалектов финского языка, где в одном из них употребляется в значении налим. Указывают, что из марийского языка перешло в чувашский язык: чув. *šatwa*; башк. *šambâ* ‘налим’, мишарский диалект тат. яз. *šamba*, а вен. *combó* ‘suutari, Tince vulgaris’ (соврем. написание *comró* ‘линь’ – прим. автора), вероятно, тюркского происхождения (SKES IV:963).

К. Редей мар. *шамба* ‘налим’ считает чувашским заимствованием (UEW 4: 462).

Исследователь Г.В. Лукоянов чув. *шампа (шамба)* ‘налим, голец, головастик’ причисляет к марийским заимствованиям, сопоставляя с венг. *czomró* и фин. *sampi* ‘осетр’. Тат. *жумба* сопоставить с мар. *шамба* затруднительно, а башкиры (*шамбы* ‘налим’) могли заимствовать от марийцев (Лукоянов 1974: 58).

М.Р. Федотов ставит знак равенства между марийским и чувашским языками. Проводит взаимосвязь, правда, под знаком вопроса венг. ‘налим, голец, головастик’ а также сопоставляет фин. *sampi* ‘осетр’, башк. *шамбы*; каз., турецк. *жумба* ‘налим’ (Федотов 1990: 87).

По мнению Р.Г. Ахметьянова, слово заимствовано в татарский язык, вероятно, «из древних финно-угорских языков» (Ахметьянов 1994: 26).

В этимологическом словаре эстонского языка, рассматривая происхождение слова *samb(samma)* ‘осетр’, сопоставляют с фин. *sampi* ‘осетр; большая рыба’, (?) манси *supiŋ* ‘осетр; большая рыба’ и высказывают предположение, что может иметь финно-угорскую основу, но из-за незначительного количества соответствия считают эту версию маловероятной (EES = [http:// www.eki.ee/dict/ety/](http://www.eki.ee/dict/ety/)). Уместной, на наш взгляд, представляется включение марийского слова в вышеуказанное этимологическое гнездо. Сравнение значений показывает, что обско-угорское и прибалтийско-финские слова со значением ‘осетр; большая рыба’ соотносительны с марийской лексемой *шамба* ‘налим’. Осетр и налим – рыбы больших размеров. По словам информанта: ‘раньше в реках было больше

налима, размер их достигал до метра' (У.А. Тихонова). Не исключено, что анализируемая лексема первоначально функционировала как 'рыба больших размеров', потом, видимо, в период отдельной жизни марийского языка произошло сужение его значения. В других родственных языках параллельных образований не находим.

В.И. Вершинин в своем этимологическом словаре "Марий мут-влак кушеч лиймышт (этимологий мутер) ("Происхождение марийских слов (этимологический словарь)")" (2018), исследуя рассматриваемое слова, приводит следующее: "...слово существует лишь на землях нынешнего и/или бывшего проживания марийцев" (Вершинин 2018: 642).

Слово имеет широкое распространение в волжском говоре марийского языка.

Исходя из проанализированного, можно высказать предположение, что мар. *шамба* 'налим' является лексическим наследием финно-угорской языковой общности.

187. *лямбе* (СМЯ III, с.500) диал.

И.В. Вершинин предполагает финно-угорское происхождение, т. к. ср., морд. М *лямас* (-ас как суффикс) 'пескарь, плотва', к. *люнь* 'мелкая щука', *ляпа* 'подлещик', удм. *ляпа* 'сом'. Может быть, близкое к *лем*, *лям* 'жир, липкая жидкость', т.е. ихтионим первоначально мог относиться к скользкой, липкой из-за слизи рыбы (Вершинин II, с.224). Но уже в этимологическом словаре трактует это название по-иному, находя звукоответствие *l-* и *š-* в словах *лямбе* ↔ *шамбе* (Вершинин I т. 2018: 311).

Не исключена связь названия налима с архаичным марийским словом *лям* 'ил, тина' (Ерусланов, Р. II, оп.5, ед.хр.3). При описании данной рыбы информантами подчеркивалось, что для налима характерен донный образ жизни, данная рыба зарывается в прохладный ил, т.к. предпочитает прохладные места. Лежат в тине и питаются падалью, поэтому налим очень пахнет тиной (А.Н.Тихонов).

В одном из говоров русского языка имеется название *ляма* 'налим'. Возможно, восходит к финно-угорскому корню (Усачева 2003: 39).

Опираясь на вышеизложенные выводы, мы склонны считать данную лексему финно-угорским наследием.

188. *šim-yol* В (*mok*šând'že* М) *menyhal* / *Quappe* ? (Schlei-MK) / *šim-golâlužo uke, kutša-š o-lij, ki-tkâtš taizâlyen le-ktân bojzeš*. (Beke: 2380)

Сложный: *šim* (*шем, шеме*) 'черный' + *yol* (*кол*) 'рыба'. Название связано с цветовой окраской данной рыбы.

189. *налимъ* (Землян.)

< русск. *налим*. Отождествление с грязью, слизью, возможно из-за слизи, покрывающей тело или из-за среды обитания, несмотря на то, что налим предпочитает чистую проточную воду, в русском языке слово налим

приобретает следующее значение: “Налим – жидкий, черный шлак, гарь, вытекающая из домны, пловун”, в псковских говорах идиома: «съесть налима», в значении – упасть, растянуться, шлепнуться в грязь» (Даль II: 345).

Для номинации в марийском языке имеются 6 единиц, из которых одно финно-угорского происхождения, две созданы на базе марийского языка, одна является русским проникновением. Вопросы могут возникнуть относительно происхождения ихтионимов *шамба* и *мен* ‘налим’.

ОТРЯД КОЛЮШКООБРАЗНЫЕ – GASTEROSTEIFORMES

СЕМЕЙСТВО КОЛЮШКОВЫЕ – Gasterosteidae

РОД ДЕВЯТИИГЛЫЕ КОЛЮШКИ – Pungitius

Девятииглая колюшка – Pungitius pungitius

Недавно в р. М. Юнга найден инвазионный вид – девятииглая колюшка, которая также является доминантом среди рыбного населения реки. Девятииглым колюшкам присуще большое число спинных колючек (9–10) и голое вытянутое тело (Водные ресурсы Марий Эл: 57).

190. *имангол* (Ермак., с.61).

Сложный: *иман* (имя прилагательное от слова *име* ‘с иглой’ -ан – суффикс относительного прилагательного (с признаком обладания) + *гол* (<кол) ‘рыба’.

ОТРЯД ИГЛООБРАЗНЫЕ – SYNGNATHIFORMES

СЕМЕЙСТВО ИГЛОВЫЕ – Syngnathidae

Рыба-игла – Syngnathus abaster

Отличаются удлинённым телом, напоминающим толстую иглу. Данная рыба была завезена с юга, она успешно акклиматизировалась в озерах и речках Республики Марий Эл.

191. *имыгол* Г, *имкол* Г (МРСБТ, с.22), *име кол*, *имкол* (РМСБТ, с.32)

Сложный: *имы*, *им* (*име*) ‘игла’ + *гол* (<кол) ‘рыба’ = игла-рыба. Ихтионим создан по семантической модели русского названия.

ОТРЯД ОКУНЕООБРАЗНЫЕ – PERCIFORMES

СЕМЕЙСТВО ОКунЕВЫЕ – Percidae

РОД ЕРШИ – Acerina

Обыкновенный ёрш – *Acerina cernua*

Спина ерша серо-зелёная с чёрными пятнами и точками, бока желтоватые, брюхо светло-серое или белое. Спинной и хвостовой плавники с чёрными точками. При опасности рыба растопыривает свои жаберные крышки и плавники (Сабансеев 1959: 98).

192. *кэриш* (Землян.), *кыриш* (Ф.Вас., с.41), *кёриш* (ПУГ), *kørš* siger; kaulbarsch ‘ерш’ Tr., *kerš* тж Tr., *körš* тж M.43, *kördš* тж Zol. (CserS, с.80), *kərāš* Kaulbarsch ‘ерш’ (BTschw, с. 47), *кёриш*, *кёриш* (Ўпым., с.97), *кыриш* (Линдб., с.229), *кыриш* (РМСБТ, с.27; Ермак., с.62; МРСБТ, с.48; СМЯ III, с.275), *кыриш* (РМСБТ, с.27, Ермак., с.62), *кёриш* Г (РМСБТ, с.27), *кёриш*, *кёриш* (СГНМЯ, с.74), *kêrê-š* CN JT, *kê-rêš* CČ, *kê-rš* CÜ, *kərš* KN, *kə-rāš* KA KJ sérinc / Kaulbarsch (Beke: 749), *kêš* / *kêrê-š* Mmu, *krê-š* Mup, *kə-rəkχš* NW, *kə-rāš* W₁, *kərš* W₂ Kaulbarsch ‘ерш’. (TW, с.323).

< чув. *кёрёш*, *ке’рче*, *кёртәш*, *кёркәш* ‘ерш’ (Федотов 1990: 56) = тат. *кыртыш* ‘ерш’ (Золотницкий 1985: 279; Räsänen, 246; Szilasi M. с.80; Moisio, Saarinen, с. 323). Возможно, что основа этого названия **кыр*-генетический связана с основами слова *кара* ‘буйный, сильный’, *карсака* ‘нервный, вспыльчивый’. Второе значение чув. *кёртәш* ‘задира’ и тат. *кыртышлан* ‘щетиниться’ (Лебедева 1983: 40). Вынутый из воды ершик сильно «ершится» – растопыривает жабры, раскрывает пасть, ошетиливается колючими плавниками.

193. *кырты* (Линдб., с.229), *кырти* (СМЯ III, с.274) диал., *kārti* Č sérinc / Kaulbarsch (Beke: 753), *kirti* Mwo Kaulbarsch ‘ерш’ (TW, с.123). См. № 191.

194. *пагай* (Ў.м.) (Ўпым., с.89), *пагай* (Ерусл.52; РМСБТ, с.27; Ермак., с.63; МРСБТ, с.72; СМЯ V, с.9), *paḡa-i* В М ММ МК UP USJj US sérinc / Kaulbarsch (Beke: 1751), *paḡai* Ob₂ Kaulbarsch ‘ерш’ (TW, с.484).

< тюрк. 1) елаб. ёрш; (=ВИЖБ (подговор деревни Верхняя Иж-Бобья (Пови) Малопургинского р-на Удм.): *ташпагай*; 2) перен. карапузик; Кукл. (подговор д. старый Куклик (Күплык) Елабужского р-на Тат.): недоростки, пацанята, карапузики; 3) пескарь Вар. (подговор д. Варали (Варале) Алнашского р-на Удм.), ВиЖБ. Ср., алт. диал. *багай/пагай* ‘небольшой’ (Верш., с. 411).

Слово бытует в говорах восточного наречия, что свидетельствует о заимствовании из тюркских языков.

195. *ташпагай* ВИЖБ (Верш., с. 595).

< тат. *таш*- из тат. (*таш* ‘камень, каменный’) + *пагай* ‘ерш, пескарь’ (Верш., с. 555).

196. *пиоланге* (Ерусл., 93), *пий-олангэ* Л (Ўпым., с.89), *пиоланге* (Ермак., с.62), *пийоланге* (МРСБТ, с.761; СМЯ V, с.114).

Сложный: *пи* (*пий*) ‘собака’ + *оланге* ‘окунь’ = ‘собака-окунь’ = ёрш.

По внешнему виду данная рыба напоминает окуня и имеет с ним общие черты строения. С лингвистической точки зрения присоединение к наименованию эпитета (в нашем случае *pi* (*ний*) ‘собака’), как правило, образованным от названия животных, мясо которых представителями данного этноса в пищу не употребляется, подчеркивается несъедобность рыбы или же означает, что рыба непригодна или малопригодна для человека. Ср., чув. *йытпулли* ‘головастик, пескарь, мелкая рыба’, где *йыт* ‘собака’; тат. *эт балыги* ‘головастик’, где *эт* ‘собака’.

Информантами делается ссылка на то, что данная рыба очень мала, что сгодится только для корма собаки.

197. *нийгёрйиш* (Ўпым., с.97), *нийгырыш* (МРСБТ, с.761; СМЯ V, с.113), *ныгыриш* (МРСБТ, с.28, Ермак., с.62).

Сложный: *ний* ‘собака’ + *кыриш* ‘ёрш’ = ‘собака-ёрш’ = ёрш. См. № 195.

198. *нийгол* (Ўпым., с.97).

Сложный: *ний* ‘собака’ + *кол* ‘рыба’ = ‘собака-рыба’ = ёрш. См. № 195.

199. *нийагай* (Ўпым., с.156).

Сложный: *ний* ‘собака’ + *агай* ‘?’.

Слово зафиксировано в словаре В.М. Васильева (Ўпымарий), трудности вызывает выявление значения лексемы *агай*. Возможно, лексемы *пагай* и *нийагай* взимосвязаны, т.к. связывает их внешняя звуковая схожесть. Но маловероятно, см. №193. Также, руководствуясь тем соображением, что лексема *агай*, который употребляется в балтачевском говоре марийского языка в значений ‘дядя, родня’ (Илиева 2009: 9), можно допустить, что *нийагай* – буквально ‘родня собаки’. Компонент *ни* (*ний*) указывает на малопригодность рыбы.

200. *кокма оланге* (А) – Кужен.р.

Сложный: *кокма* (<*кокиша* ?) в значении ‘колючая’, ср. *кокишануж* ‘мелколистая, жгучая крапива’ (СМЯ II: 385) + *оланге* ‘окунь’. В качестве второго компонента выступает обозначение вида рыбы – окуня. В данном случае в основе сходства с окунем рассматривается такой признак, как колючесть спинного плавника. Букв. ерш – ‘колючий окунь’. В.В. Усачева находит совершенно естественным процесс переноса терминов по внешнему сходству с другой рыбой (Усачева 2003: 117).

201. *кю вуй* (Ф.Вас., с.41), *кўвуй* (Ўпым., с.89,) *кўвуй* (Ермак., с.62), *кўвуи* (СМЯ III, с.214) диал.

Сложный: *кў* ‘камень, каменный’ + *вуй* ‘голова’ = ‘каменная голова’ = ёрш.

202. *jurŋgo kaulbarsch* ‘ерш’ Gn. (CserS, с.61), *juro go* Okr Kaulbarsch ‘ерш’ (TW, с.195).

Собственно марийское слово. Употребляется в речи носителей восточного наречия марийского языка.

203. *кўртньывуй* (Ермак., с.62).

Сложный: *кўртньō* ‘железо, железный’ + *вуй* ‘голова’ = ‘железная голова’ = ёрш.

Основной компонент *кўртньō* ‘железо, железный’ характеризует рыбу, имеющую крупную, жесткую, твердую головы голову.

204. *još-kol* UJ *sérinc* / Kaulbarsch (Beke: 504), *йорш* (красно-уфимский говор восточного наречия марийского языка) (Куклин: с.53).

< русск. *ёрш*. Название ёрш связано с колкостью этой рыбы (Черных I 2001: 345).

8 названий из 13 являются по своему происхождению собственно марийскими, одно, а именно, *još-kol* перенято из русского языка, 4 названия (*кырш*, *кырти*, *пагай*, *ташпагай*) являются тюркским заимствованием.

РОД СУДАКИ – *Lucioperca*

Обыкновенный судак – *Lucioperca lucioperca*

Спина данной рыбы зеленовато-серая, брюхо белое, на боках туловища находятся большие бураовато-серые пятна. Судак издавна считался одной из ценнейших промысловых рыб России, обитающей в Волге, Урале, Доне (Сабанеев 1959: 47).

205. *сыла* В (Исанб., с.46), *шыла* (РМСБТ, с.90; Ермак., с.65), *шла* (МРСБТ, с. 119), *šəla* Č *süllō* / Zander (Beke: 2342), *šola-kol* *süllō* ‘судак’ Tr. *lucioperca* ‘судак’ (CserS, с.220), *шылагол* (РМСБТ, с. 90; Ермак., с.65), *шлагол* (МРСБТ, с. 119), *шылагол* (СМЯ IX, с.464)

< тат. *сыла* ‘судак’ – казак., каракалпакский *сыла*, башк. *һыла*, чув. *шйла*, венг. *sullo*- древ. болгар. **сыллак* ‘зубастая рыба, судак’ – **сыл* ~ чув. *шйл* ‘зуб’ (Өхмэтьянов 2001: 185). Челюсти судака вооружены сильными клыковидными зубами, между которыми находятся мелкие.

206. *одо-кол* (Ерусл., 93), *одыгол* (СМЯ V, с.260) диал.

Сложный: *оды* (*одо*) ‘удмурт’ + *кол* ‘рыба’ = ‘удмуртская рыба’. Видимо, в основе переноса ‘свой – чужой’, из-за того, что рыба не считается своей, местной. Можно также констатировать, что название произошло от мар. **одо-* (*одешташ*) ‘поседеть’ (судак имеет серебристо-серую окраску).

207. *судок* Г (СГНМЯ, с.149; РМСБТ, с.90; Ермак., с.65), *судак* (СМЯ VI, с.307) < русск. *судак*.

Берш – *Lucioperca volgensis*

Имеет сходство судаком, который отличается от первого меньшим размером. Окраска представляет собой рисунок из темно-серых или темно-зеленых полос и пятен по светлому желтоватому или зеленоватому тону.

208. *перша* Г (Балд., с.84; СГНМЯ, с.118; Ермак., с.64; МРСБТ, с.75), *pe-ršä* КА KN süllö (halfaj) / Zander (Fisch) / ‘мелкий судак’ (sudok-möl’ä, ò-žä КА junger männlicher Zander (Beke: 1812)

< русск. *берш*. Считается заимствованным из ср.-нидерл. *berse*, *barse*, др.в.немец. *bersich*, новов.немец. *Barsch* ‘окунь’ (Фасмер I: 57).

РОД ОКУНИ – *Perca*

Окунь – *Perca fluviatilis*

Окунь – тот вид рыб, который распространен очень широко и живет чуть ли не во всех реках, озерах и прудах России.

209. *оланге* (№1360, №1146), *аланга* Г, *олангэ* Л (Землян.), *оланга* (Ф.Вас., с.45), *алангэ* (ПУГ), *olänge süger*; barsch (*perca fluviatilis*) Gn. Bd. ‘окунь’ Tr. *alanga* (m) Bd. (CserS, с.14), *ala-ηgɔ* der Barsch, *ala-ηgɔmol’ä* Barschenbrut ‘выводококуня’ (BTschW, с.2), *алангэ*Г, *олангэ* (Ўпым., с.21), *олангэ*Л (Ерусл.; МРСБТ, с.60; Ермак., с.63; МРСБТ, с.66; СМЯ IV, с.288), *алангы*Г (СГНМЯ, с.8; МРСБТ, с. 60; МРСБТ, с.5; СМЯ IV, с.288), *оланге*(МРСБТ, с.67), *olange* PB M UJ CČ, *ola-ηgä* МК UP, *ola-ηGe* JT, *ala-ηGä* JP V, *ala-ηgä* JO K süger / Barsch (Beke: 1655), *ala-ηgê-mo-lê* W₁ Barschenbrut ‘выводок окуня’. (TW, с.447).

В марийском языке эта рыба имеет варианты названия *оланге* Л, *алангы* Г. Слово было воспринято марийскими диалектами из чувашского языка, ср. чув. *уланкă/ olankă*, *олома*, *улама*, *олома*, *аламка*, *уланга* ‘окунь’ (Szilasi 1901: 144; Федотов 1990: 96).

И.С. Галкин считает это слово монголизмом, вошедшим в марийский язык через чувашское посредство: ср. монг. *алгана* тж. (Галкин 1980: 121).

По всей видимости, чувашские *уланкă/ olankă*, *улама* родственны с монг. *алгана* ‘ерш’ < **алагана*. Г.И. Рамстедт в монг. **алагана* выделяет сложный аффикс -*гана*, возникшего ‘уже на раннем этапе путем присоединения к -*га* окончания -*на*’, который является и весьма “употребительным в наименованиях маленьких животных и растений” (Рамстедт 1957: 189).

Аланга в чувашском языке закономерно отразилось как *улана/ улама*. Далее аффикс -*на* контаминировался с марийским словообразовательным аффиксом -*нге*, встречающимся также в названиях животных и растений, и образовалось *уланкă/olankă*. (Лебедева 1983: 67).

Другие исследователи, этимологизируя чув. *уланкă/ olankă*, связывают его с другими тюркскими словами: тат., башк., каз., алт., тув. *алабуга*, хакас. *алануга*, кирг. *албуга*. По их мнению, слово это образовано от *ала*

‘пестрый’ и *буга* ‘бык’, ‘животное, существо’, которые восходят к тюркским основам (Егоров 1964: 271; Ахметьянов 2001: 272). Но, как утверждает Е.А. Лебедева, такое сравнение верно только для первой части *уланкă/olankă* –ула ‘пестрый’ (Лебедева 1983: 91).

В марийском же варианте *оланге*, *оланка/оланге* Л, *алангы* Г можно выделить аффикс *-анге*. И. Галкин считает, что данный суффикс встречается всего в нескольких словах, как *лопшанге* ‘шершень’, *шаранге* ‘ветла’ от *шор* ‘болото’, и что он сопоставим с прибалтийско-финским суффиксом *-ng-*, см, эст. *alang* ‘низина’ от *ala* ‘вниз’. (Галкин, 1986б: с. 87).

Варианты *оланге*, *оланка/оланге* Л, *алангы* Г ‘окунь’ являются, на наш взгляд, более поздними образованиями по аналогии с названиями животных на *-ан/-анг*, к которому в дальнейшем присоединился дополнительно суффикс *-ге*,

-кы, восходящий к уральскому деноминальному суффиксу существительных **k* (Lehtisalo, 1936, с. 333; Галкин, 1966, с.23), ср. *арлан* – *арланге* ‘хомяк’, *морен* Г – *меранге* ‘заяц’, *шурмо-шурманге* ‘рысь’ (Кузнецова 2010: 174,145,86).

Название окуня, мы считаем, перенято из чувашского языка.

СЕМЕЙСТВО ГОЛОВЕШКОВЫЕ – Eleotridae

РОД ГОЛОВЕШКИ – *Perccottus*

Ротан – *Perccottus glenii*

210. ротан

< русск. *ротан* (СМЯV: 453).

В начале 80-х годов прошлого столетия в волжских пойменных водоемах Марий Эл появился хищный ротан (головешка). Внешне эта рыба похожа и на ерша, и на подкаменщика, и на черноморского бычка, и отдаленно на окуня. Окраска темно-бурая, под цвет воды. Туловище округлое, несколько приплюснутая большая голова, чуть ли не в треть тела. Огромная пасть с множеством мелких острых зубов, нижняя челюсть выдается вперед. Закругленный, лопатообразный хвост.

Родиной этой рыбы является система вод Приамурского края. В Европу ротан был завезен аквариумистами Санкт-Петербурга в конце XIX века. Позже, в конце сороковых годов XX столетия, после возвращения столичной экспедиции по изучению вод Амура, ротан появился в подмосковных прудах и озерах. Отсюда он и начал свое “путешествие”.

Это большеротое чудо, как отмечают рыбаки, ловится практически круглый год, в любую погоду (Г. Емельянов Хищный ротан // Марийская правда, 1985, 18 октября.- № 241 (16837).

В марийском языке народные названия для ротана отсутствуют.

СЕМЕЙСТВО БЫЧКОВЫЕ – Gobiidae

РОД *Neogobius* (Неогобиус)

Бычок-кругляк – *Neogobius melanostomus*

Характерный видоспецифичный признак этого бычка – чёткое чёрное пятно на задней части первого спинного плавника. Живет в бассейне реки Волга и никогда не заплывает в солоноватые воды. Пресноводные бычки предпочитают песчаное дно (Сабанеев 1959: 35).

211. *кўвуй* (РМСБТ, с.69; Ермак., с.62; МРСБТ, с.45; СМЯ III, с.214).

Сложный: *кў* ‘камень, каменный’ + *вуй* ‘голова’ = ‘каменная голова’. См. № 199.

212. *быч* Ныр. (д. Нырганда (Ныргындыш) Каракулинского р-на Удм.) (Верш., с. 43)

< русск. *бычок*.

213. *кёрпйчвуй* ‘бычок’ (Ўпым., с.97), *кырпычвуй* (СМЯ III, с.274). Сложный: *кырпыч* ‘кирпич, кирпичный’ + *вуй* ‘голова’ = ‘кирпичная голова’ = подкаменщик. Номинация построена на основе признака, характеризующего рыбу как имеющую большую твердую, как кирпич голову.

РОД ПУГОЛОВКИ – Benthophilus

Пуголовка звездчатая – *Benthophilus stellatus*

Впервые звёздчатая пуголовка обнаружена в 2011–2012 гг. вблизи д. Нижние Жары на участке Днепра, протекающего по территории Брагинского района. Потом распространилась по всей территории России, в том числе попала и в водоемы Марий эл.

Марийских названий нигде не зафиксировано.

ОТРЯД СКОРПЕНООБРАЗНЫЕ – SCORPAENIFORMES

СЕМЕЙСТВО РОГАТКОВЫЕ – Gottidae

РОД ПОДКАМЕНЩИКИ – Cottus

Обыкновенный подкаменщик – *Cottus gobio*

Эта рыбка легко отличается от других своею огромною, широкою, довольно плоскою головою, вооруженною с каждой стороны загнутым шипом. Бычок постоянно сидит, спрятавшись под камнями, отчего, конечно, произошло его название – подкаменщик (Сабанеев 1959: 137).

214. *күртньывуй* (РМСБТ, с.69; Ермак., с.62; МРСБТ, с.46; СМЯ III, с.241). Сложный: *күртньō* ‘железо, железный’ + *вуй* ‘голова’ = ‘железная голова’ = подкаменщик.

Номинация построена на основе признака, характеризующего рыбу как имеющую большую твердую голову, поскольку подкаменщик отличается непропорционально большой, ‘выпуклой’ головой.

215. *кёрпйичвуй* ‘бычок’ (Ўпым., с.97), *кырпычвуй* (СМЯ III, с.274). См. №212.

216. *күвуй* (РМСБТ, с.69; Ермак., с.62; МРСБТ, с.45; СМЯ III, с.214). Сложный: *кү* ‘камень, каменный’ + *вуй* ‘голова’ = ‘каменная голова’ = подкаменщик.

217. *ошмагол* (Ермак., с.63; СМЯ IV, с.366). Сложный: *ошма* ‘песок’ + *кол* ‘рыба’ = букв. ‘рыба, живущая на песках’. Рыба вырывает себе норы в песке – печурки, откуда и южнорусское название *печкур* (Сабанеев 1959: 138).

218. *kürtn'ö-kol* желѣзница (ein fisch) (Тр.), *күртньйгол* Л ‘железница’ (рыба) (Ўпым., с.72), *kürtn'ö-kol* Š garda (halnev) / Mailfisch, Alse (eine Fischart) / железница (Beke: 1133), *күртн'ыгол* (Верш., с.248).

Сложный: *күртньō* ‘железо, железный’ + *кол* ‘рыба’ = ‘железная рыба’ = подкаменщик. Ср., эст. *kivinakker*, *kivipõnk*, *kivirull* ‘обыкновенный подкаменщик’, где компонент *kivi* ‘камень’.

219. *коговуй* Г (МРСБТ 2, с.81). Сложный: *кого* (< кугу) ‘большой’ + *вуй* ‘голова’ = ‘большая голова’ = подкаменщик.

Название характеризует внешний вид данной рыбы.

Все названия подкаменщика образованы на базе марийского языка, которые подчеркивают особенности тела рыбы, его повадки.

Анализ общих названий мелкой рыбы

К данной группе мы относим наименования рыб безотносительно их видовой принадлежности, то есть эти названия выступают в значении ‘любая мелкая рыба’. Относительно большое количество данного рода наименований обусловлено, скорее всего, экстралингвистическими причинами (в водоемах в большей степени обитает мелкая рыба).

Словообразовательная категория в названиях рыб проявилась скупо, она менее репрезентативна, чем, например, в названиях домашних животных. Объяснение этому языковому явлению видим в том, что непосредственный контакт человека с потомством водных существ происходит не

очень часто, поэтому у человека нет необходимости выразить свое эмоциональное отношение к маленьким рыбам. (Усачева 2003: 98).

220. *мѳльэ, мольо* (Ўпым., с.121) = ‘малявка, мелкая рыба, плавающая наверху’; *мольо, мылье, вишкыле* (Ермак., с.62; МРСБТ, с.11), *mâl'e* СК Ч, *mø-l'o* ЙТ, *mó-l'â* К: allerlei kleine, winzige Fische; ganz kleiner, jüngst ausge schlüpfter, heuriger Fisch; eperlan-lazac / Stint(корюшка) *mø-l'o n'i-γənat ku-yi o-[k] kuš, e-re i-[k]kain â-la, tâγâ-de* JT (Beke: 1434), *мольы* – малявка (СГНМЯ, с.92), *mol'o mul'o* Мур ein Weißfisch (белая рыба), *mil'ε* Mwo ein kleiner Fischer (маленькая рыба), *mo-l'â* NW W₁ Fischbrut (выводок, приплод рыб). (TW, с.386), *mεle* (r.) halacska; fischchen; молявка, рыбки Tr. (Szilasi M. с.124).

А.А. Саваткова утверждает, что мар. *мольо, мылье* заимствовано из русского языка (Саваткова 1969: 105).

В.И. Вершинин придерживается иной точки зрения, утверждая, что данное слово финно-угорского происхождения, т.к. имеются соответствия в родственных языках: морд.М *моляс, молякфс* ‘малек’, вепс. *taim*, удм. *моля* ‘пескарь’, *мули* ‘налим’, *майва* ‘уклейка’ (Вершинин III: 258).

В этимологическом словаре финского языка прибалтийско-финский корень **mulī* считают ономотопозитическим (SKES II: 350).

Вполне допустима мотивация – название по величине ‘мелкая по своему размеру рыба’.

Опираясь на вышеперечисленные выводы, мы склоняемся, что в марийском языке данная лексема финно-угорского происхождения.

221. *нюго* ‘мелкая рыба, мелюзга’. См. № 159. *Ньуго колым огыт коч*. (Рыбную мелюзгу не едят.) (Ўпым., с.127).

Наименование *нюго* служит для обозначения отдельных видов рыб (обыкновенная *щиповка, вьюн*), для номинаций общих названий мелкой рыбы (*верховка, пескарь*), подчеркивают молодь определенных рыб, например, *кишкынюго* – мелкие рыбы семейства вьюновые (МРСБТ, с. 34), *турьйшко ньуго* Г ‘голавль’ = *турьйшко* (<*турышко*) ‘голавль’ + *нюго* ‘мелкая рыба, мелюзга’. По всей вероятности, данная лексема имеет два значения – ‘мелкая рыба, мелюзга’ и ‘что-то скользкое, похожее на змею’ (см. обыкновенная *щиповка, вьюн*).

222. *шѳвы* С-З. Этимология неясна.

223. *аришка* (Верш., с.29) Бырг. (д. Быргында (Пыргынде) Каракулинского р-на Удм.) вид мелкой ручьевой рыбы. Ср. тат. *арыш балыгы* ‘вьюн’.

224. *кѳркѳ* Кукл. (подговор д. Старый Куклюк (Кѳплык) Елабужского р-на Тат.), Сар. (подговор д. Марийский Сарамак (Сармак) Кизнерского р-на Удм.) вид мелкой рыбы – с чешуёй, с довольно крупной чешуёй, длиной 12–10 см., с палец толщиной; пескарь-то тёмный, без чешуи, с тёмным

верхом, а *кёрка* белая, живот белый, икра своеобразная; *кёрка* – маленькая рыба, а *кёрка* бывает в озере. (Верш., с.267). Видимо, татарское проникновение.

225. *майма* 1) Сар., Кукл. мамад. (мамадышский говор) малёк, Гришк. (д. Гришкино (Курыкъял) Мамадышского р-на Тат.), Кукл.: *майма* – тигыде кол *майма* – мальки; 2) менз. (мензелинский говор), кукм. (кукморский говор) вид мелкой рыбы; П.: мясистая рыбка как пескарик, но кости мягкие; Чуп.(д. Чупаево (Чопай) Мензелинского р-на Тат.): *майма* – *изигына мотор кол* (совсем небольшая красивая рыбка); Княг. (д. Княгоры (Курыкумбал) Кукморского р-на Тат.): *майма* – маленькая жирная рыбка, не ‘малёк’ (Верш., с. 317), *майме* малёк (Верш., с. 318), *мал’ма*, *мәл’мә* 1) елаб., менз. малёк; 2) вид мелкой рыбы (белая, довольно широкая, примерно 12см. (Верш., с.320). Видимо, заимствовано из татарского языка.

226. *марин’уго* (= *мариго-л*), марного мелкая ручьевая рыба; Нырг. (д. Нырганда (Ныргындыш) Каракулинского р-на Удм.): *марин’уго* – у нас в речке есть, в ручье, в д. Бырганда эту рыбку называют аришка; бывает с икрой; *марин’уго* довольно длинная 7–8 см., рот с усами (Верш., с. 325).

Сложный: *мари* ‘марийская’ + *н’уго* ‘мелкая рыба, мелюзга’ = ‘марийская мелкая рыба’. Видимо, в основе переноса ‘свой-чужой’, из-за того, что рыба не считается своей, местной.

227. *kurja-kol* МК /hálnév/ Fischname// *ku-ri* JO JP. Penis eines kleins Kindes (Beke: 1048).

Сложный: *kurja* ‘половой орган маленького мальчика’ + *kol* (<кол) ‘рыба’.

Сравнивается с половым органом маленького мальчика, подчеркивая маленький размер рыб.

228. *лавыранюго* (М-серн. говор мар.яз., с.123)

Сложный: *лавыра* ‘грязь’ + *нюго* ‘мелкая рыба, мелюзга’ = ‘мелкая рыба, обитающая в грязных прибрежных водах’.

Следует подчеркнуть, что у рыб, достигающих обычно больших размеров, разграничивают их возраст. Это характерно и для щуки. Этот вид рыбы чаще встречается весом 2–3 кг, при благоприятных условиях достигает 16–25 кг, а как исключение и большего веса. Так, по историческим данным, возраст самой старой щуки, весом в 11/2 пуда (24 килограмма), длиной в 1,36 метра, по точным определениям, составлял 33 года.

Для обозначения молодого возраста рыбы в марийском языке употребляется слова *иге* ‘детеныш’: *нужиге* ‘щурёнок’ (СМЯ IV, с.216; МРСБТ, с. 64) и *изи*: *изи нужгол* (Ермак., с.63). Для возрастного разграничения щуки применяются так же лексемы: *тыкса* (устар.) (Балд.: с.64; СГНМЯ, с.173; МРСБТ, с.102; РМСБТ, с.101), *пычынууж* (МРСБТ, с.123),

пычинуж (СГНМЯ, с. 132) от слова *пычи* ‘маленький’, *чортан* ‘щуренок’ в сернурском говоре лугового наречия, *tšorta-k (izi-)* ČN kis csuka, csukafi / kleiner, junger Hecht (Beke: 3200), *čurták* Tr. щуренокъ (Szilasi M. с.29). В прибельском говоре восточного наречия марийского языка используется ихтионим *шўшлўкэй* < башк. (диал.) *шўшлўкэй* ‘щуренок’, чув. *шёшлэк* ‘тж’, который образован от *шёшлэ* ‘кочедык’ с метафорическим переносом значения (Лебедева 1982: 106).

Также, вполне возможно, лексема *колама* употреблялась в прошлом, в значениях ‘маленький’, ср. *коломи-нярдаш* (<*колома-нярдаш*) (Линдб., с.167) ‘голавль’ (язь (*нярдаш*) маленького размера очень похож на голавля) или *kolama: k.- šereŋge* МК nalnév / Fischname (*d'oška-r šulǵzra-n, i- ze šereŋge* – mit rotem Flügel, kleines Rotaugen) (Beke: 848) ‘плотва’ (букв. ‘маленькая плотва’). Компонент *колома* подчеркивает размер рыбы.

В марийском языке зарегистрировано 8 названий для номинации общих названий мелкой рыбы. Имеются заимствованные слова из татарского языка. В качестве основного компонента выступают слова *мольо*, *мылье*; *нюго*, которые восходят к финно-угорским корням.

Анализ собирательного названия кол ‘рыба’

Древняя финно-угорская лексика содержит множество слов, связанных с водой и природой. Реки, и обитающие в них рыбы, а также водоплавающие птицы, относятся к самому типичному финно-угорскому словарному составу. Понятие ‘рыба’ выражается общим корнем во всех финно-угорских и самодийских языках: лив. *kalā* ‘kala’; вод. *kala* ‘kala’; фин. *kala* ‘kala’; ижор. *kala* ‘kala’; люд. *kala* ‘kala’; вепс. *kala* ‘kala’; саам. *guolli* ‘kala’; мордЭ *kal* ‘kala’; мордЭ *kal* ‘kala’; хант. *хўл, хул* ‘kala’; манс. *хўл* ‘kala’; венг. *hal* ‘kala’; ненец. *ха'ла* ‘kala’; энец. *kari, karε* ‘kala’; нган. *i kolj* ‘kala’; сельк. *kuǵlǵ* ‘kala’; камас. *kola* ‘kala’; матор. *kālā* ‘kala’ (EES = <http://www/eki.ee/dict/ety/>, Bereczki 2013: 69).

Надо отметить, что параллели находят и в других языковых семьях – алтайской и индоевропейской: **kala* ‘рыба’, ср. алт. *ko'lo ~ ko'lto*; эвенк. *ollo, oldo, olra* ‘рыба’ (UEW: 119).

К. Вилкунд предполагает достаточно близкую индоевропейскую праформу: др.-перс. *kalis* ‘сом’, лат. *sgualis* ‘акула’ < индоевр. **(s)galo*. (Wiklund: 56).

Ю. Покорный, этимологизируя индоевр. *(s) k alo-s, k alos* ‘вид большой рыбы’, среди прочих фактов европейских языков таких, как латин. *Squalis*, герм. *Hvalis*, др.-перс. *kalis* ‘сом’, приводил авест. *kora* ‘мифическая рыба’ и высказал предположение, что это слово могло быть занесено в язык авесты из волжско-финских языков и именно в этой связи приводил мар. *kol*, саам. *guolle*, фин. *kala* (Pokorny 1959: 958).

В.М. Иллич-Свитыч рассматривает слово с корнем *kal/ kol* в значении ‘рыба’ как ностратическое по ареалу и сравнивает урал. *kala* с алт. *ko’l*, картв. **kalmax*, индоевр. **k al*. В “Опыте сравнения ностратических языков” В.М. Иллич-Свитыч приводит материал SKES и уточняет свою этимологию, сопоставляя ностратическое *kala* ‘рыба’ уже не с алт. **ko’l*, а с алт. *kalima* ‘кит’ (Иллич-Свитыч 1971: 288).

А. Йоки, подводя своеобразный итог рассмотрения о происхождении слова *kala*, возводит фин. *kala* к прауральскому и вслед за Ю. Покорным сопоставляет с авест. *kora* (Joki 1973: 266).

Сравнивая множество источников, А.С. Герд в своей статье приходит к выводу, что слова *kal/ hal* в значении ‘рыба’ очерчивают вполне определенный ареал от прибалтийско-и волжско-финских языков на северо-западе к хантыйскому, мансийскому, ненецкому, эвенкийскому в Сибири, языкам Восточной Сибири (Герд 1988: 14).

Итак, опираясь на вышеуказанные источники, можно сделать вывод, что марийская лексема *кол* по происхождению и в своей истории тесно связан с одним из древнейших конкретных языковых ареалов, а именно с ареалом типа **kala* в значении ‘рыба’. Поэтому относим к ностратическим словам ввиду их широкой распространенности во многих языках как индоевропейских, так и алтайских.

ГЛАВА II. Система названий рыб в марийском языке

Ихтионимия – один из исконных пластов древнейшего марийского лексического фонда, отражающего занятие предков, условия их обитания, контакты с другими народами.

Заглядывая в прошлое, мы задумываемся над тем, каким образом первоначально складывались названия рыб, почему ту или иную рыбу именуют именно так, а не иначе. Однако в процессе развития языков ихтионимы могли со временем настолько измениться, что словарный состав современного языка не всегда позволяет дойти до истоков того, что имел в виду человек под тем или иным названием.

Важно всестороннее знакомства с реалиями, которые определяют действительное происхождение слова. Изучение тематических групп лексики должно быть осуществлено в разных аспектах. Совмещение различных аспектов в исследовании лексики позволяет дать комплексную характеристику лексической группе в целом.

Заслуживает внимания опубликованная в 1992г. широкомасштабная работа в области этнобиологии американского ученого Б. Берлина – “Ethnobiological Classification. Principles of Categorization of Plants and Animals in Traditional Societies”. Ученый рассматривает распространенные закономерности классификации обозначении растений и животных, которые сохранились в культуре, в традиции и языке того или иного народа. Брент Берлин утверждает, что эти закономерности лучше всего объяснять сходством человеческого бессознательного понимания естественного сродства между группами растений и животных: люди признают и называют группу организмов совершенно независимо от ее фактической или потенциальной полезности или символического значения в человеческом обществе.

Впервые термин этноихтиология в научной литературе был использован американским ученым Т. Морриллом. Этноихтиология, как он утверждает, это результат модели этноботаники, которая изучает человеческие знания о рыбе, их использования и важность рыбы в различных отраслях общества (Morrill 1967: 405).

М. Кендла в своей статье “Über die Entstehung und klassifizierung estnischer Fischbezeichnungen” (“О происхождении и классификации названий рыб в эстонском языке”) рассматривает формирование (происхождение) обнаруженных в эстонском языке названий рыб, выявляет принципы мотивации этих названий с точки зрения как народной и научной категоризации, так и в сопоставлении с принципами научной классификации рыбных названий в языках других народов мира. Согласно системе номенклатуры каждый вид может иметь только одно наименование. Однако у разных народов есть свои эквиваленты, основанные на определенных фактах (например, в эстонском языке слово *ogalik* ‘трехигловая колюшка’ (Gastero-

steus aculeatus) имеет 80 синонимов). Примерно 50 названий рыб связано с лексемой *kivi* ‘камень’, однако ни один из них не применяется в научной номенклатуре. Продуктивно, считает исследователь, можно использовать наименование с компонентом *kivi* ‘камень’ только в отношении четырех рыб: *rünt* ‘пескарь’, (*Gobio gobio*), *võldas* ‘обыкновенный подкаменщик’ (*Cottus gobio*), *hink* ‘обыкновенная щиповка’ (*Cobitis taenia*), *lepamaim* ‘гольян’ (*Phoxinus phoxinus*), но термин лучше применимо для обыкновенной щиповки, учитывая его образ жизни. В отличие от ихтиологов у людей есть своя система классификаций. Исследователь приходит к выводу, что чаще всего люди обращают внимание на внешний вид рыб (Kendla 2014: 32). Любопытно обратить внимание, что если в эстонской научной терминологии рыб при их выборе (из множества вариантов), унификации и систематизации источником служили терминологические образцы из других языков, прежде всего немецкие примеры, то марийские научные наименования рыб сложились на основе собственного словарного фонда языка.

Мы же при анализе семантической деривации на базе ихтионимов опирались на методику, предложенную в работе В.В. Усачевой (Усачева 2003), посвященной актуальному вопросу современной ономазиологии – номинации и проблеме выбора. При анализе принципов номинации рыб основное внимание исследователем уделено выявлению ономазиологического признака, лежащего в основе каждой номинативной единицы. Мотивационная классификация названий рыб сопровождается деривационным комментарием, так как при реализации ономазиологических категорий, по мнению автора, важную роль играют средства деривации (аффиксация, составные наименования, сложные слова, семантическая деривация).

Естественно, что на протяжении своего многовекового развития марийская ихтиологическая терминология впитала в себя не только некоторые из древнейших названий рыб, но и многочисленные наименования, созданные позднее в марийских диалектах. Среди марийских названий рыб немало также и слов, заимствованных из различных языков. Сложный и большой путь развития, который прошла марийская ихтиологическая терминология, естественно, обусловил появление широкой синонимии и омонимии. Местные названия рыб отдельных видов исчисляются подчас десятками.

II.1. Происхождение названий рыб в марийском языке.

На основе проведенного историко-этимологического анализа марийских названий рыб мы можем говорить о них с точки зрения их пространственной, временной и генетической локализации.

Ихтионимическая лексика относится к основному словарному фонду марийского языка и отражает одно из древнейших занятий наших предков – рыболовство. Понятие ‘рыба’ выражается общим корнем во всех финно-угорских и самодийских языках: лив. *kalā* ‘kala’; вод. *kala* ‘kala’; фин. *kala* ‘kala’; ижор. *kala* ‘kala’; люд. *kala* ‘kala’; вепс. *kala* ‘kala’; саам. *guolli* ‘kala’; мордЭ *kal* ‘kala’; мордЯ *kal* ‘kala’; хант. *хӱл, хул* ‘kala’; манс. *хӱл* ‘kala’; венг. *hal* ‘kala’; ненец. *ха́ла* ‘kala’; энец. *kari, karε* ‘kala’; нган. *i kolj* ‘kala’; сельк. *kuêlê* ‘kala’; камас. *kola* ‘kala’; матор. *kālā* ‘kala’ (EES = <http://www/eki. ee/dict/ety/>, Berezki 2013: 69). Надо отметить, что параллели находят и в других языковых семьях – алтайской и индоевропейской: **kala* ‘рыба’, ср. алт. *ko’lo ~ ko’lto*; эвенк. *ollo, oldo, olra* ‘рыба’ (UEW: 119).

Исторический путь развития лексики марийского языка тесно связан с историческими этапами распада уральского праязыка, поэтому в марийской лингвистической литературе стало уже традиционным выделять лексику уральского, финно-угорского, финно-пермского, волжско-финского праязыков и собственно марийскую, хотя в определении данных исторических эпох среди финно-угроведов нет единого мнения (Серебренников 1985: 10–21; Гордеев 1985: 130–131).

Исходя из сравнительных данных и сведений, из этимологических исследований по своему происхождению в ихтиологической лексике марийского языка нами выделены следующие пласты: исконная, заимствованная и собственно марийские образования, образованные в языке в период его самостоятельного развития.

Исконная лексика – это слова, унаследованные из более древнего языкового источника, своего языка-основы, в том числе и древние заимствованные слова. В список древнейших марийских ихтионимов, имеющих параллели и в родственных словах, мы включаем: *вишкыле* ‘уклейка’ (№ 55), *кодама, кадама* ‘пескарь’ (№ 86), *иш* ‘белорыбица’ (№ 29), *нуж* ‘щука’ (№ 33), *ловал* Л, *лавал* Г ‘лещ’ (№ 40), *мӱктӧ, нӱктӧ* ‘пескарь, елец’ (№ 83), *тото* Л, В, *таты* Г ‘линь’ (№ 157), *кыльчак* ‘чехонь’ (№ 130), *мольо, мыле* ‘малек, малявка’ (№ 220), *шамба* ‘налим’ (№ 186), *шеренге* ‘плотва обыкновенная’ (№ 143), *нуран* ‘стерлядь’ (№ 10), *лямбе* ‘налим’ (№ 187), *сукмо* ‘подуст’ (№ 76), *ишйгол* ‘сом’ (№ 182), *котама* ‘форель, хариус’ (№ 25), *кутема* ‘хариус’ (№ 30), *нюго* ‘обыкновенная щиповка’ (№ 160), ‘верховка’ (№ 108), ‘мелкая рыба, мелюзга’ (№ 221).

Вопросы могут возникнуть относительно происхождения ихтионимов *мен* ‘налим’ (№ 184) и *пардаш* ‘язь’ (№ 123). Среди языковедов до сих пор нет единого мнения по происхождению этих названий. Причина этого

явления, вероятно, кроется в древности бытования данной единицы лексики, что привело к забвению внутренней формы слов.

К древним заимствованиям из индоевропейских (балтийских) языков можно отнести ихтионим *туришо*, *турышко* ‘голавль’ (№ 112). Конечно, нельзя с уверенностью утверждать, что это индоевропейское наследие, это требует дальнейших этимологических изысканий с привлечением всех языковых материалов.

Это еще раз подтверждает ту мысль, что рыболовство – одно из древних занятий мари. По нашим данным, слова финно-угорского происхождения, служащие для наименования рыб, в лексике марийского языка составляют примерно 20 %. Именно этим обстоятельством объясняется, видимо, тот факт, что в области рыболовства в марийском языке очень мало слов, восходящих к иноязычным источникам (Исанбаев 1989: 144). Сердцевину ихтионимов составляют исконные названия.

Среди заимствованных слов марийского языка принято выделять следующие группы: иранские, тюркские и русские.

Иранскими заимствованиями в марийском и в других финно-угорских языках занимались П. Аристэ (1978: 3–9), Ф.И. Гордеев (1967: 180–203; 1985), Д.Е. Казанцев (1980: 90–119, 1985) и некоторые другие. Что касается ихтиологической терминологии, то слов иранского происхождения там не встречаются.

Марийцы в основном были окружены финно-уграми, но на юге и юго-востоке, начиная с XII века, имели какие-то связи с хазарами и буртасами. Особенно большое политическое и экономическое влияние на местные финно-угорские племена, в том числе и на марийцев, оказала Волжская Булгария. В начале 30-х годов XIII в. в Поволжье появились монгольские орды, которые в 1236 г. разгромили Волжскую Булгарию и образовали новое государство – Золотую Орду, вследствие чего марийцы оказались под игом татаро-монгольских завоевателей, а впоследствии – Казанского ханства вплоть до присоединения Марийского края к Российскому государству в XII веке.

Этот краткий исторический экскурс свидетельствует о том, что тюркоязычные народы на протяжении многих веков оказывали определенное воздействие на марийский язык и, конечно же, на лексическую систему.

Вместе с тем следует отметить, что многовековые историко-культурные взаимосвязи прослеживаются и в семантике некоторых слов. Среди заимствованных слов, как справедливо подчеркивает Н.И. Исанбаев, на первом месте находятся татаризмы. Однако это характерно для лексической системы марийских говоров Башкортостана, имевших тесные контакты как с татарским, так и с башкирским языками (Исанбаев 1978: 22):

агасак В ‘жерех’ (№62) < башк. диал. *агасак*, *агачак*, лит. *агасьянак*. Н.И. Исанбаев считает это слово прямым заимствованием из башкирского языка, о чем свидетельствует фонетический облик башкирских вариантов (употребление согл. *с* на месте тат. *ч* во всех позициях слова ср. тат. *агачак*

‘жерех’) (Исанбаев 1989: 56). *Агачак* В ‘жерех’ – Ф.И. Гордеев относит это слово к татарскому заимствованию, ср. тат. *агач* ‘дерево’ + мар. суф. *-ак* – буквально ‘живущая под валежниками’.

азау В бир. ‘голавль’ (№117) < башк. *ажәу* ‘голавль’, ср. тат. диал. *ажәу* ‘сом’. Сближается с башкирским словом по семантическому признаку, т.е. сходством его значения с башкирским оригиналом (Исанбаев 1989: 58). Шипящее *ж* заменяется звонким свистящим *з* (Исанбаев 1979: 90).

чавак В балт., белеб., бир. ‘сорожка, плотва’ (№145) < тат. *чабак* тж, чув. *чапак*, башк. *сабак* тж. Установлено, что соотношение тат. *ч* с чув. *ч* свидетельствует о татарском источнике заимствования, поскольку татарский язык сохранил общетюрский **ч* без изменения (Ахметьянов 1978: 155).

ташпаш В калт., белеб. ‘головач, пескарь’ (№93) < тат., башк. *ташбаиш*. Оглушение (*б* < *п*) объясняется ассимиляцией согласных по признаку звонкости (глухости) (Грузов 1965: 232).

кушбаиш В прибел. ‘голавль’ (№178) < тат. *кушбаиш* тж, башк. *кушбаиш* тж.

чорагай В ‘щука’ (№35) < тат. *чурагай* ‘щуренок, щука’. Тат. заднерядный гласный *у* замещается мар. *о* (Исанбаев 1979: 58).

некра В ‘осетр’ (№12) < башк. *бикре*, *бикрә*. Это название можно считать прямым заимствованием из башкирского языка. Лексические соответствия имеются лишь в башкирском языке или в его диалектах. Переход *б* < *п* – ассимиляция по признаку звонкости (глухости) (Исанбаев 1989: 56). Иллабиальный гласный переднего ряда, верхнего подъема и на почве марийского языка замещается гласным *е* (Исанбаев 1979: 62).

сыла В прибел. ‘судак’ (№205) < тат. диал. *сыла* ‘судак’, башк. *һыла*, чув. *шйла*. Тат. *с* переходит в шипящий *ш*. Этот переход совершается чаще всего в луговом или горном наречии: *шыла*, *шылагол* Л ‘судак’ (Исанбаев 1979: 86).

Два слова являются общими для восточного и лугового наречия:

чортан 1. В бир., балт., Л волж., морк ‘щука’ (№36) 2. ‘щуренок’ Л серн. < тат. *чуртан* тж, башк. *суртан* ‘щука (большая, старая)’ (Исанбаев 1994: 155).

М.Р. Федотов считает, что ихтионим *чортан* был заимствован из чувашского языка: *съртань* (Федотов 1990: 255). Однако слова, имеющие соответствия: чувашское *о* и татарское *у* следует квалифицировать как татаризмы. Здесь чув. *й* = *о*. Тат. заднерядный *у*, восходящий этимологически к общетюрским **о*, в значительном количестве слов замещается

мар. о. Это наиболее древний звуковой облик татарских слов (Грузов1965: 107).

карака В, Л ‘карась’, В прибал. *кәрәкә* ‘тж’ (№ 68) < тат. *кәрәкә* тж (Исанбаев 1994: 87). В горном наречий и в некоторых северо-западных диалектах (тонш., шаранг.) марийского языка этот ихтионим характеризуется как русизм, ср. *карас* (Саваткова 1969: 98).

Ср. также идентичность образования марийского *пийгол* ‘вьюн’ (№171), ‘обыкновенный ерш’ (№198), ‘пескарь’ (№89), ‘обыкновенная щиповка’ (№164) с татарским *эт балыгы* ‘вьюн’, букв. ‘собачья рыба’ (Исанбаев 1989 : 123).

В прибалетском говоре восточного наречия марийского языка используется ихтионим *шўшлўкэй* < тат. (диал.) *шөшлөкэй* ‘щуренок’, чув. *шөшлөк* ‘тж’, который образован от *шөшлө* ‘кочедык’ с метафорическим переносом значения (Лебедева 1987: 106).

Из татарского языка в марийский язык также переняты: *йылдым* В прибал. ‘название какой-то рыбы’ (Исанбаев 1989: 123), *бәрде* В ‘пескарь’ (№94) < тат. *бәрде* тж (Гордеев 1979: 199), *пагай* ‘пескарь, ерш’ (№90), *ташпагай* ‘ерш’ (№195).

В наименовании рыб марийского языка значительное место занимают и чувашские заимствования:

алангы Г, *оланге* Л, В ‘окунь’ (№209) < чув. *уланкă/olankă* ‘окунь’ (Федотов 1990: 96). И.С. Галкин считает это слово монголизмом вошедшим в марийский язык через чувашское посредство: ср. монг. *ангала* тж. (Галкин 1980: 121),

кырш ‘ерш’ (№192) < чув. *ке’рче, кăртăш* ‘пескарь’ (Федотов 1990: 56) = тат. *кыртыш* ‘ерш’ (Золотницкий 1985: 279),

йыплан Л волж. ‘название какой-то озерной рыбы’ < чув. *йа’па’лтам, йа’мна’лтак пулла’голец*’ (Федотов1990: 46),

сўгö ‘стерлядь’ (№9) < чув. *сё’кё* ‘стерлядь’,

питор (устар.) Г ‘вьюн’ (№174) < чув. *пётёре: ыраш пётёри/пăтри* ‘пескарь’.

Отдельную группу ихтионимов составляют названия, заимствованные из русского языка. Из истории известно, что марийско-русские историко-культурные взаимосвязи начались еще в XI веке. Определяющим собы-

тием, когда русское влияние усилилось на марийский язык, явилось присоединение Марийского края к Русскому государству.

По А.А. Саватковой (Йошкар-Ола, 1969), из ихтионимической терминологии к русским заимствованиям относятся следующие слова:

шöвригä, сöвригä Г (№14) < русск. *севрюга*. В самый ранний период взаимоотношений мари с русскими русск. *с* на марийской почве передавалось через *ш*. Переход *а* < *ä* обусловлен сингармонизмом гласных.

селотка Л, *сел'откы* Г (№22) < русск. *селедка*. Русск. *д* замещается глухим *т*.

ыстерläк Г (№11) < русск. *стерлядь*. Наблюдаются случаи вставки гласного *ы* при стечении согласных в начале слова, прослеживается также тенденция к открытому слогу.

чакон Л, *чохон'*, *чокон'* Г (№131) < русск. *чехонь*. Безударный *е* в первом предударном слоге передается гласным *а*. Согл. *х* передается твердым заднеязычным *к*. Смягченный *н* языка-источника в марийском может передаваться как через *н* так и через *н'* (Казанцев 1972: 93).

Кроме того, в красноуфимском говоре употребляется слово *йори* 'ерш' (№204) < русск. *ерш* (Ку克林 1978: 58).

К этой группе заимствования относим также: *пискун'* В (№92) < русск. *пискун* 'пескарь'; *язга* (№124) < русск. *язь*; *юн* Г (№170) < русск. *вьюн*; *перша* Г (№208) < русск. *берша*; *карас* Г, С-З (№69) < русск. *карась*; *подузы* Г (№74) < русск. *подуст*; *шувач* Г 'синец' (№47) < русск. *сопач*; *шопа* 'синец' < русск. *сопа*; *судок* (№207) < русск. *судак*; *сырка* (№24) < русск. *сырок* 'пелядь'; *сорока* (№147) < русск. *сорожка* 'плотва обыкновенная'; *лен'* С-З (№159) < русск. *лινь*; *пискй* С-З (№175) < русск. *вьюн*; *сильди* Г 'уклейка' < русск. *сельдь*. Звуковое оформление заимствованных слов проводится по законам фонетики марийского языка и его наречий, или без изменения – *горчак* 'горчак амурский' (№141), *ротан* 'ротан' (№210), *сазан* Г 'сазан' (№77), *карп* 'карп' (№78), *быч* 'бычок-кругляк' (№212).

Слова, источником заимствования которым послужил русский литературный язык, как правило, являются более поздними названиями. Причиной их заимствования являются экстралингвистические факторы, среди которых основным является двуязычие марийцев и восприятие иноязычного слова в качестве более престижной номинативной единицы. Следует отметить, что исконные слова более употребительны в речи старшего поколения, а русский эквивалент – среднего и младшего, например, *тото* 'лινь' и *лινь* 'тж', *турышко* 'голавль' и *голавль* 'тж' и т.д. Другой причиной увеличения количества иноязычных слов является названия рыб, которые не водятся в водоёмах данной местности: *акула*, *вобла*, *треска*,

скупбрий, хек, кета, лосось, камбала. В результате проникновения русских заимствований многие исконные слова из разряда активного словарного запаса переходят в пассивный. Большая часть ихтионимов, проанализированные нами, в разговорной речи не употребляется, они зарегистрированы только в словарях.

Многочисленную группу составляют собственно марийские образования, образованные в языке в период его самостоятельного развития (162 названия). Большинство из них являются сложными и составными, компоненты которых, в свою очередь, являются разными по происхождению. В зависимости от частеречной принадлежности в названиях выделяют следующие модели: ИС (имя существительное) + ИС (имя существительное), где первый компонент конкретизирует, уточняет, определяет второе, являются наиболее многочисленными (*пунтүрвö* ‘обыкновенная щиповка, голец’, *күвуй* ‘ёрш, обыкновенный подкаменщик’, *күртньывуй* ‘ёрш, обыкновенный подкаменщик’, *кыртычвуй* ‘обыкновенный подкаменщик’, *ошмагол* ‘пескарь, обыкновенный подкаменщик’, *күнюго* ‘обыкновенная щиповка, гольян речной’, *ошмайоржа* ‘пескарь’, *рокмүктö* С-З ‘выюн’, *косаргол* ‘чехонь’, *иянюго* ‘обыкновенная щиповка’, *шувачиопа* Г ‘синец’, *тумыгол* ‘голавль’, *мйнгыгол* ‘европейская ручьевая минога’, *пигол* Г ‘обыкновенная щиповка, пескарь, выюн, голец, ёрш’, *вүргеньыкол* ‘форель’, *үдыргол* ‘пескарь, голавль, красноперка’ и др.)

Значительным количеством примеров представлена и словообразовательная модель ИП (имя прилагательное) + ИС (имя существительное), по которой образуются названия рыб в марийском языке (*йошкарге карась* ‘карась’, *ошкарака*, *ошкарас* Г, ‘серебряный карась’, *шаранюго* ‘гольян речной’, *шемишудыр* ‘лещ’, *якшар сьнза* Г, ‘плотва, сорога, красноперка’, *йошкаршудыр* ‘красноперка’, *парсынишу(ы)лдыр* Г ‘красноперка’, *шапкагол* ‘уклейка’, *ошкол* ‘белуга, белорыбица’, *шүльымольо* ‘верховка’, *изивишкылье* ‘верховка, выюн’, *качыгарас* ‘горчак амурский’, *имангол* ‘девятииглая колюшка’, *писыгол* ‘быстрянка’ и др.) Встречаются в единичном примере модель П (причастие) + ИС (имя существительное) *пöртишйгол* Г ‘сельдь волжская’, где один из компонентов выступает действительное причастие, и многокомпонентное составное название: *тйгйидэ лудо тўсан, öриөн пушкыдо кол* ‘выюн’.

Из проанализированных нами 228 ихтионимов марийского языка к древним словам, имеющие параллели и в родственных словах, мы относим 19 названий, к заимствованной лексике – 41 слово и к собственно марийским образованиям 168 названий. Эти цифры свидетельствуют о том, что основу названий рыб составляют слова, созданные в системе марийского языка.

Наряду с исконными лексическими единицами широко распространены слова, заимствованные из других неродственных языков: тюркских (чувашского и татарского) и русского языков.

Из всего вышеизложенного следует, что ихтиологическая система марийского языка имеет многовековую историю. В целом она представляет закрытую систему, а её пополнение осуществляется исконными названиями или заимствованиями в результате распространения и акклиматизации новых видов ихтиофауны.

II.2. Словообразовательная и семантическая характеристика названий рыб в марийском языке.

Этимологизация также предполагает словообразовательный анализ, который тесно связан со структурно-морфологическим анализом, позволяющий решить проблему “...морфемного состава или языковой принадлежности (происхождения) этимологических неясных основ” (Рамстедт 1957: 195). Словообразовательный анализ ставит своей целью установить способ образования слова и на этой основе выяснить морфемную структуру слова, которая определяется синхронными (то есть существующими на данном этапе развития языка) мотивационными отношениями с одно-коренными словами.

Марийские названия рыб по способу образования делятся на составные (143) и несоставные (75). В зависимости от наличия словообразовательных формантов несоставные делятся на простые непроизводные и простые производные (образованные аффиксальным способом) структурные единицы.

В простых непроизводных ихтионимах не выделяются словообразовательные форманты; вычленение аффиксальной морфемы условное, т. к. корневая морфема затемнена и отсутствуют факты, позволяющие объяснить ее происхождение и значение.

К простым непроизводным наименованиям относятся древние названия, относящиеся к финно-угорскому фонду: *кодама*, *кадама* ‘пескарь’ (№ 86), *иш* ‘белорыбица’ (№29), *нуж* ‘щука’ (№ 33), *ловал* Л, *лавал* Г ‘лещ’ (№40), *мўктӧ*, *нўктӧ* ‘пескарь, елец’ (№83), *тото* Л, В, *таты* Г ‘линь’ (№157), *кыльчак* ‘чехонь’ (№130), *мольо*, *мыле* ‘малек, малявка’ (№220), *мен* ‘налим’ (№184) (?), *шеренге* ‘плотва обыкновенная’ (№143), *лямбе* ‘налим’ (№187), *сукмо* ‘подуст’ (№76), *шийгол* ‘сом’ (№182), *котама* ‘форель, хариус’ (№ 25), *кутема* ‘хариус’ (№ 30), *нюго* ‘обыкновенная щиповка’ (№160), ‘верховка’ (№108), ‘мелкая рыба, мелюзга’ (№222), *шамба* ‘налим’ (№186).

К данной группе причисляем также собственно марийские образования, морфологическая структура которых не поддается разложению: *юрдий* ‘пескарь’ (№85), *чўнжӧ* ‘голавль’ (№122), *пурыйш* Г ‘подуст’ (№75), *ваклешка* ‘язь’ (№125), *мустачи* ‘пескарь’ (№98), *прамай* ‘краснопёрка’ (№148), *чӧнча* ‘жерех’ (№64),

j а̀ри-пӧ ‘пескарь’ (№99), *kozò-l’o* ‘пескарь’ (№100), *шумуран* ‘пескарь’ (№102), *шӧпл’ийӧ* ‘пескарь’ (№ 103) и заимствованные слова, пополнявшие

марийскую ихтиологическую терминологию на разных этапах ее создания: *чорагай* ‘щука’ (№36), *чортан* ‘щука’ (№37), *шувач* Г ‘синец, густера’ (№41), *шопа* ‘сопа, синец, белоглазка’, (№42), *чабак, чебак* ‘лещ’ (№47), *шаба* ‘лещ’ (№ 50), *сильди* Г ‘уклейка’ (№58), *агачак, агасак* В прибел. ‘жерех’ (№63), *талдаш* ‘густера, елец’ (№65), *тараишкы* ‘густера’ (№66), *карака* С-З, *кӱрӱкӱ* С-З, В прибел. ‘карась’ (№69), *карас* Г, С-З ‘карась’ (№70), *подузы* Г ‘подуст’ (№75), *сазан* Г ‘сазан’ (№78), *карп* ‘карп’ (№79), *пискун* В ‘пескарь’ (№92), *таишаи* ‘пескарь’ (№93), *бӱрде* В ‘пескарь’ (№94), *азау* В ‘голавль’ (№115), *кушбаш* ‘голавль’ (№116), *язга* ‘язь’ (№122), *чакон* ‘чехонь’ (№130), *горчак* ‘горчак амурский’ (№140), *чавай* ‘плотва обыкновенная’ (№144), *юн* Г ‘вьюн’ (№169), *пискӱй* С-З ‘вьюн’ (№174), *кыриш, кырыш* ‘ерш’ (№192), *кырты* ‘ерш’ (№193), *шыла, ила* ‘судак’ (№205), *перша* Г ‘берша’ (№208), *сӱгӱ* ‘стерлядь’ (№9), *пекра* В ‘осетр’ (№12), *пагай* ‘пескарь, ерш’ (№90), *питеыр* (устар.) Г ‘вьюн’ (№174), *шӱвригӱ, сӱвригӱ* Г (№14), *селотка* Л, *сел’откы* Г (№22), *ыстерьлак* Г (№11), *йорш* ‘ерш’ (№204), *ротан* ‘ротан’ (№ 210), *судок* (№207), *сырка* (№ 24), *сорока* (№147), *лень* С-З (№159).

Большинство из древних названий ихтионимов является в настоящее время немотивированным, трудно установить, что легло в основу их номинации, внутренняя форма была затемнена в результате многочисленных фонетических изменений и сближений с другими словами. Но, все же, опираясь на этимологический анализ, условно можно предположить, что названия рыб с затемненной корневой морфемой образованы по тем же семантическим моделям, что и названия рыб, которые в данном случае имеют прозрачную внутреннюю форму, как например, *ловал* Л, *лавал* Г ‘лещ’ (№40) ‘что-то плоское’; *нуран* ‘стерлядь’ (№10) ‘гладкая, покрытая слизью рыба’; *шийгол* ‘сом’ (№182) ‘нечто устрашающее; безобразная рыба’; *сукмо* ‘подуст’ (№76) ‘рыба с острой головой или с длинным выступающим вперед носом’, *лямбе* ‘налим’ (№187) ‘скользящая, липкая рыба’, *кыльчак* ‘чехонь’ (№130) ‘меч, сабля’.

Другая группа несоставных ихтионимов представлена простыми производными лексическими единицами. Суффиксальный способ деривации не характерен для марийской ихтиологической терминологии. Можно сказать, что данный способ словопроизводства не является продуктивным. В ходе исследования выявлены только следующие суффиксы:

- ан(ге): *оланге* ‘окунь’ (№209),
- (а)н (?): *нуран* ‘стерлядь’ (№10),
- ле: *вишкыле* ‘уклейка, верховка’ (№55),
- аи: *лопалаи* ‘лещ’ (№44),
- ынчо: *мокшынчо, мокишӱнчӱ* С-З ‘налим’ (№183).

В современном марийском языке продуктивным является лишь суффикс -аи, другие же суффиксы устанавливаются только лишь с помощью сравнительно-исторического метода.

Суффикс -ан(ге), -ен(ге) можно также выделить как в фитонимах (*сырланге* В ‘липучка’, *коршанге* Л В, *каржангы* Г ‘репей’ (Ефремов 1993:

64), так и зоонимах (*арланге* ‘хомяк’, *меранге* ‘заяц’, *шурманге* ‘рысь’, *вычыранге* ‘летучая мышь’ и т. д. (Кузнецова 2010: 209). В марийских названиях животных на *-анге* прослеживается, по всей вероятности, влияние соседних тюркских языков, а именно, названий животных на *-an*, *-aŋ* и суффикса *-k* (Кузнецова 2010: 210). И.С. Галкин считает, что данный суффикс встречается всего в нескольких словах, как *лопшанге* (морд.Э *локсти*) ‘шершень’, *шаранге* ‘ветла’ от *шор* ‘болото’, и что он сопоставим с прибалтийско-финским суффиксом *-ng-*, см, эст. *alang* ‘низина’ от *ala* ‘вниз’. (Галкин, 1986б: 87). Однако, в ихтионимах, в которых возможно выделение суффикса (или рифмованного сегмента, омонимичного суффиксу), мотив номинации не удалось обнаружить, и смысл корневой морфемы остался непонятен (*вишкыле* ‘уклейка, верховка’).

Наряду с простыми, имеются названия, образованные способом словосложения, в которых соединены разные по своему происхождению лексемы. Это самый многочисленный вид номинативных единиц в системе ихтиологической лексики.

Однако анализируя их, возникают трудности при разграничении сложных и составных наименований, так как в финно-угорских языках сложные слова по структуре не отличаются от свободных словосочетаний (Хаузенберг 1972: 179–180; Ракин 1977: 137–144; Ефремов 1993: 65–67). В финно-угорском языкознании пока не определены чёткие критерии разграничения сложных слов от словосочетаний, но выделяют следующие основные признаки сложного слова: "а) твёрдый порядок следования компонентов, б) наличие главного ударения на первом слоге, в) общее значение, отличное от значений составляющих основ" (Федюнёва 1998: 453).

В марийском языке по настоящее время с определением границы между свободными словосочетаниями и композитной связаны большие трудности, поэтому примеры в данной работе приводятся в соответствии с подачей слова в оригинале.

Для сложных и составных названий интерес представляет принадлежность их компонентов к той или иной морфологической части речи. Сложные наименования образованы лексико-семантическим способом путем сложения. Компоненты, составляющие композит, находятся между собой в подчинительной связи. В них выявляются основной (определяемый) и определяющий (атрибутивный) компоненты.

В композитах в качестве основного компонента слов, указывающих на класс реалии, часто употребляется детерминат. В ихтионимах-композитах в роли детермината выступает слово *кол* ‘рыба’: *сўгыгол* ‘стерлядь’, *вўргеньыкол* ‘форель’, *нужгол* ‘щука’, *писыго* ‘щука’, *тумыгол* ‘голавль’, *шемгол* ‘линь’ и др.

Детерминат иногда носит факультативный характер: наименование может употребляться с детерминантом и без него, ср. *нуранкол-нуран* ‘стерлядь’, *сўгыгол-сўгō* ‘стерлядь’, *нужгол-нуж* ‘щука’, *шылагол-шыла*

‘судак’ и др. По своей семантике эти коррелятивные пары тождественны, их распространенность в разговорной речи и письменности одинакова.

От зависимости принадлежности компонентов к той или иной части в двучленных ихтионимах в системе сложных и составных названий рыб можно выделить следующие комбинации:

I. ИС (имя существительное) + ИС (имя существительное).

I.1. Основной компонент характеризует рыбу, имеющую какие-нибудь особенности тела + слова, обозначающие части тела рыбы (*вуй* ‘голова’, *шинча* ‘глаза’, *түрвө* ‘губы’): *пунтүрвө* ‘обыкновенная щиповка, голец’ = *пун* ‘шерсть, пух’, ‘волос, волосок’ + *түрвө* ‘губы’; *күвуй* ‘ёрш, обыкновенный подкаменщик’ = *кү* ‘камень’ + *вуй* ‘голова’; *күртньывуй* ‘ёрш, обыкновенный подкаменщик’ = *күртньө* ‘железо’ + *вуй* ‘голова’; *кырпычвуй* ‘обыкновенный подкаменщик’ = *кырпыч* ‘кирпич’ + *вуй* ‘голова’.

I.2. Первая часть композита подчеркивает определенное место обитания в водоеме:

- а) в качестве второго компонента выступает детерминат *кол* ‘рыба’: *ошмагол* ‘пескарь, обыкновенный подкаменщик’ = *ошма* ‘песок’ + *гол* (<*кол*) ‘рыба’; *күй-гол* ‘пескарь’ = *күй* (*күй*) ‘камень’ + *гол* (*кол*) ‘рыба’.
- б) в качестве второго компонента выступает обобщающее название для всех мелких рыб или обозначение вида рыбы: *күйного* ‘обыкновенная щиповка, голянь речной’ = *күй* ‘камень’ + *нюго* ‘малёк, мелкая рыбешка’; *ошманюго* ‘пескарь’ = *ошма* ‘песок’ + *нюго* ‘мелкая рыба’; *рок-мүктө* ‘пескарь’ = *рок* ‘земля, почва’ + *мүктө* ‘мелкая рыба, пескарь’, *рокмүктө* С-З ‘выюн’ = *рок* ‘земля, почва’ + *мүктө* ‘мелкая рыба’; *ошмайоржа* ‘пескарь’ = *ошма* ‘песок’ + *йоржа* ‘пескарь’.
- в) отдельно можно выделить наименования: *күвал* ‘голянь речной’, где обе лексемы *күй* ‘камень’ и *вал* ‘поверхность, верх’ указывают на место обитания рыбы, букв. ‘на поверхности камня’. Но, вероятно и то, что такое название произошло от способа размножения: как говорят рыбаки, самки этих рыб выпускают икру на камни, потом самцы трутся на них. *Вүтүмбал* ‘верховка’ = *вүт* (<*вүд*) ‘вода’ + *үмбал* ‘поверхность, верх’, букв. ‘на поверхности воды’.

I.3. Определительная часть характеризует рыбу как имеющую определенную форму тела, в качестве второго компонента выступает детерминат *кол* ‘рыба’: *косаргол* ‘чехонь’ = *косар* ‘косарь’ + *гол* (<*кол*) ‘рыба’.

I.4. В названиях основным компонентом выступает лексема, указывающая на мифологическое значение:

- а) *иянюго* ‘обыкновенная щиповка’ = *ия* ‘черт’ + *нюго* ‘малёк, мелкая рыбешка’.
- б) *ija-γol* ‘европейская ручьевая минога’ = *ija* (*ия*) ‘черт’ + *γol* (*кол*) ‘рыба’.

I.5. Основной компонент характеризует рыбу как имеющую определенный характер передвижения (стайность): *салтаккол* Г ‘пескарь’ = *салтак* ‘солдат’ + *кол* ‘рыба’.

I.6. В качестве первого компонента выступает сходство с другими представителями фауны:

а) + детерминат *кол* ‘рыба’: *кишкыгол* ‘европейская ручьевая минога, вьюн’ = *кишке* ‘змея’ + *гол* (<*кол*) ‘рыба’.

б) + обозначение вида рыбы: *кишкынюго* ‘европейская ручьевая минога, вьюн’ = *кишке* ‘змея’ + *нюго* ‘малёк, мелкая рыбешка’.

I.7. Определительный компонент подчеркивает сходство с другими представителями семейства или рода ихтионима:

а) + детерминат *кол* ‘рыба’: *ju·n^h-gol* ‘европейская ручьевая минога’ = *ju·n^h* ‘вьюн’ + *гол* ‘рыба’.

б) *шувачиона* Г ‘синец’ = *шувач* ‘синец’ + *сона* ‘белоглазка’.

I.8. В отдельную группу можно выделить наименование, характеризующий рыбу как испытывающую воздействия человека во время определенных природных явлений: *тумыгол* ‘голавль’ = *тумо* ‘дуб’ + *гол* (<*кол*) ‘рыба’. Наиболее подходящее время для ловли голавля – начало распускания листьев дуба. В это время голавль активно нерестится (инф. А.Н. Тихонов).

I.9. Первый компонент характеризует рыбу как имеющую кожный покров определенного качества + детерминат *кол* ‘рыба’: *мāнгыгол* ‘европейская ручьевая минога’ = *мāнгы* ‘сопли, слизь’ + *кол* ‘рыба’.

I.10. Названия рыб, где в качестве определителя выступает название животных, мясо которых представителями данного этноса в пищу не употребляется, подчеркивается несъедобность (непригодна или малопригодна для человека, пища для животных) рыбы: *пинюго* ‘гольян речной, обыкновенная щиповка, вьюн’ = *пи* (*пий*) ‘собака’ + *нюго* ‘мелкая рыба, мелюзга’; *пигол* Г ‘обыкновенная щиповка, пескарь, вьюн, голец, ёрш’; *пийоланге* ‘ёрш’ = *пи* (*пий*) ‘собака’ + *оланге* ‘окунь’; *пийгырыш* ‘ёрш’ = *пи* (*пий*) ‘собака’ + *кыриш* ‘ёрш’.

I.11. Названия, у которых в основе номинации лежит экстерьер рыбы, но определительным компонентом выступает не имя прилагательное, как обычно, а имя существительное: *тумыгол* ‘черноспинка’ = *тумо* ‘дуб’ + *гол* (<*кол*) ‘рыба’; *вўргеньыкол* ‘форель’ = *вўргенье* ‘медь’ + *кол* ‘рыба’; *шўртньыгол* ‘карась’ = *шўртньё* ‘золото’ + *кол* ‘рыба’; *ўдыргол* ‘пескарь, голавль, красноперка’ = *ўдыр* ‘девушка’ + *гол* (<*кол*) ‘рыба’; *сўангол* ‘красноперка’ = *сўан* ‘свадьба’ + *кол* ‘рыба’.

I.12. В определительной части – характерный запах: *охырецкол* Г ‘снеток’ = *охырец* ‘огурец’ + *кол* ‘рыба’.

I.13. Основной компонент служит для обозначения размера: *шўльымольо* ‘верховка’ = *шўльо* ‘овес’ + *мольо* ‘мелкая рыба’, *kurja-kol* = *kurja* ‘половой орган маленького мальчика’ + *kol* (<кол) ‘рыба’.

I.14. Название характеризуется по национальной принадлежности: *одыгол* ‘судак’ = *оды* (*удмурт*) + *гол* (<кол) ‘рыба’, *марин’уго* (= *мариго*·л) = *мари* ‘мариец, марийская’ + *н’уго* ‘мелкая рыба’.

II. ИП (имя прилагательное) + ИС (имя существительное)

Имя прилагательное выступает в роли конкретизирующего (определяемого) компонента.

II.1. Определительная часть указывает на цветовую окраску рыбы (цвет чешуи, цвет мяса):

- а) в качестве второго компонента выступает обозначение вида рыбы: *йошкарге карась* ‘карась’ = *йошкарге* ‘красный’ + *карась* ‘карась’; *ошкарака*, *ошкарас* Г, ‘серебряный карась’ = *ош(о)* ‘белый’ + *карака*, *карас* ‘карась’;
- б) второй компонент обозначает рыбу другого семейства, иногда общее название для мелких рыб вообще: *шаранюго* ‘гольян речной’ = *шара* > *шарача* ‘пестрый’ + *нюго* ‘мелкая рыба’; *йошкар карага* ‘красноперка’ = *йошкар* ‘красный’ + *карага* ‘карась’.
- в) вторым компонентом является определенная часть тела рыбы (плавник, хвост, глаз): *шемишудыр* ‘лещ’ = *шем* ‘черный’ + *шудыр* ‘плавник’; *якшар сѣнза* Г, ‘плотва, сорога, красноперка’ = *иокшар*, *якшор* ~ *йошкар* ‘красный’ + *шынза* ~ *шинча* ‘глаза’; *йошкаршудыр* ‘красноперка’ = *йошкар* ‘красный’ + *шудыр* ‘плавник’, *парсынуш(ы)лдыр* Г ‘красноперка’ = *порсын* Л, *парсын* Г ‘шелк (о чем-либо похожем на шелк, шелковистом, красивом, мягком, блестящем и т.п.) + *шудыр* Л, *шылдыр* Г ‘плавник’, ‘крыло’.
- г) второй компонент – *кол* ‘рыба’: *ошкол* ‘белуга, белорыбца’ = *ош*, *ошо* ‘белый’ + *кол* ‘рыба’; *шапкагол* ‘уклейка’ = *шапка* ‘бледный, блеклый, тусклый’ + *кол* ‘рыба’; *шемгол* ‘линь’ = *шем* (*шеме*) ‘черный’ + *кол* ‘рыба’; *šim-γol* В ‘налим’ = *šim* (*шем*, *шеме*) ‘черный’ + *γol* (*кол*) ‘рыба’.

II.2. Определительный компонент подчеркивает размер:

- а) вторым компонентом выступает принадлежность к определенному семейству: *изивишкылье* ‘верховка, вьюн’ = *изи* ‘маленький’ + *вишкыле* ‘уклейка’
- б) второй компонент связан с детерминатом *кол* ‘рыба’: *kugi-kol* ‘белуга’ = *кугу* ‘большой’ + *кол* ‘рыба’; *ньюгѣгол* ‘пескарь’ = *ньюгѣ* (<*нюго*) ‘мелкая рыба, мелюзга’ + *гол* (<кол) ‘рыба’.

II.3. Основным компонентом выступает лексема, характеризующая рыбу как имеющую мясо определенного качества (вкуса, запаха, цвета, ценности), а в качестве второго компонента – видовое понятие рыбы: *качыгарас* ‘горчак амурский’ = *кочо* ‘горький’ + *гарас* ‘карась’.

II.4. Определительный компонент характеризует рыбу как имеющую отдельные части тела определенной формы, второй компонент связан с детерминатом *кол* ‘рыба’: *имангол* ‘девятииглая колюшка’ = *иман* (имя прилагательное от слова *име* ‘с иглой’-*ан* – суффикс относительного прилагательного (с признаком обладания) + *гол* (<*кол*) ‘рыба’; второй компонент – часть тела *түрвө* ‘губа’: *кумык түрвө* ‘пескарь’ = *кумык* ‘выпуклый’ + *түрвө* ‘губа’.

II.5. Определительная часть указывает на особенность формы тела: *лапка-коль* ‘лещ’ = *лапка* ‘плоский, широкий’ + *кол* ‘рыба’.

II.6. Определительная часть подчеркивает характерную особенность поведения рыб: *писыгол* ‘быстрянка’ = *писе* ‘быстрый, быстреходный, резвый, стремительный, шустрый’ + *кол* ‘рыба’.

II.7. Определительный компонент указывает на особенность чешуи: *шүман ньюго* ‘пескарь’ = *шүман* (имя прилагательное от слова *шүм* ‘чешуя’ + *-ан* – суффикс относительного прилагательного (с признаком обладания) ‘с чешуей’ + *ньюго* (<*нюго*) ‘мелкая рыба, мелюзга’; *чара ньюго* ‘голец’ = *чара* ‘голый’ + *ньюго* (*нюго*) ‘малёк, мелкая рыбешка’.

III. П (причастие) + ИС (имя существительное): *пөртишйгол* Г ‘сельдь волжская’ = *пөртишй* ‘кружащая’ (<*пөртйиш* ‘кружить’) + *кол* ‘рыба’. Выделяют характерную особенность движения.

IV. В названиях марийской ихтиологии встречаются и сложные наименования, состоящие из трех или более самостоятельных слов: *кельдевач-мольы* Г ‘верховка’ = *кельде* ‘невод’ + *пач* Г ~ *поч* Л ‘хвост’ + *мольы* ‘малышка, мелкая рыба’ = ‘мелкая рыба, находящаяся в хвосте невода’ = ‘верховка’; *ошта-пи-юл* ‘пескарь’ = *ошта* (*ошма*) ‘песок’ + *пи* (*пий*) ‘собака’ + *ю-л* (*кол*) ‘рыба’; *кашкэ-пи-ю-л* ‘выюн’ = *кашкэ* (*кишке*) ‘змея’ + *пи* (*пий*) ‘собака’ + *ю-л* (*кол*) ‘рыба’; *шымрожангол* ‘европейская ручьевая минога’ = *шым* ‘семь’ + *рожан* (имя прилагательное от слова *рож* ‘дыра’ + *-ан* – суффикс относительного прилагательного) ‘дырявый’ + *гол* (<*кол*) ‘рыба’; *шым согарожан кол* ‘европейская ручьевая минога’ = *шым* ‘семь’ + *согарожан* (*согарош* ‘жаберное отверстие, жаберная щель’ + *-ан* – суффикс относительного прилагательного) + *кол* ‘рыба’ = ‘рыба с семью жаберными отверстиями’.

В ходе анализа среди наименований ихтионимов выявилось и многокомпонентное составное название. Встречается в единичном примере, поэтому нет необходимости выделять в отдельную группу: *тыгъидэ лудо тусан, өриён пушкыдо кол* ‘вьюн’ = *тыгъидэ (тыгыде)* ‘мелкий’ + *лудо тусан* ‘серого цвета’ + *өриён пушкыдо кол* ‘рыба с мягкими усиками’. Подобные конструкции не характерны для марийской ихтиологической терминологии. В литературном языке и в разговорной речи они используются мало.

Итак, в образовании ихтиологической номенклатуры участвуют такие способы словообразования, как суффиксация, синтаксический (словосложение) и семантический (перенос названий) способы. Причем суффиксация весьма ограничено используется при образовании ихтионимов. Непродуктивность суффиксального способа компенсируется лексико-синтаксическим способом (использование детермината *кол* ‘рыба’; путем присоединения атрибутивного компонента в лексеме, которая представляет собой уже какое-нибудь известное название рыбы).

Продуктивным способом образования ихтионимов является словосложение. Из вышеприведенного видно, что сложные двусоставные названия рыб составленные по словообразовательной модели ИС+ИС, где первый компонент конкретизирует, уточняет, определяет второе, являются наиболее многочисленными. Значительным количеством примеров представлена и словообразовательная модель ИП+ИС, по которой образуются названия рыб в марийском языке.

Семантическая структура приведенных в работе сложных ихтионимов представляет собой систему семем, позволяющих функционировать значению в качестве знака.

Основными мотивирующими факторами в марийских названиях рыб является внешний вид: цвет чешуи, глаз, плавников; форма тела (характерные особенности строения частей тела); характер, привычки, особенности поведения; место обитания. Одни названия образованы непосредственно через указание на свойства или признаки обозначаемого, другие же – на основе сравнения, сопоставления, ассоциаций с другими предметами и явлениями. Видно, что один из существенных общих принципов состоит в том, что названия рыб содержат информацию о естественно-биологических свойствах рыб, в данном случае в этих языках внешняя окраска рыб, частей тела (глаз, хвоста, плавников и т. д.). Известно, что в ихтиологической лексике доминирует принцип номинации по внешнему виду ихтионима. Это вполне объяснимо, т. к. в обычных условиях людям в первую очередь в глаза бросается цвет, т. е. в своем сознании человек всегда выделяет выразительный признак предмета.

Изучение рыб с семантической точки зрения позволяет выявить, какие признаки одних и тех же предметов послужили основанием для разного их наименования в исследуемых говорах.

При анализе некоторых ихтионимов возникают затруднения при определении признака, положенного в основу наименования, так как мотиви-

рующее слово может одновременно заключать, например, информацию и о месте, где чаще всего можно видеть рыбу, и о ее питании. Так, *лүлтыгадама* (№138), *лүлтыгол* (№139), Г ‘гольян речной, пескарь’ = *лүлпö* (*нөлпö*) ‘ольха’ + *кадама* ‘пескарь’; *гол* (<*кол*) ‘рыба’. Возможно, здесь связь с ольхой объясняется характером рыбы питаться пыльцами ольхи или, как утверждают некоторые ихтиологи, привычкой рыбки сосать корень этого дерева, либо отражает место обитания (данная рыба живет в реках, берега которых поросли ольхой) следовательно, название отражает место обитания.

Или же, *шийгол* ‘сом’ (№181). Кажущаяся на первый взгляд очевидной связь со словом *ший* ‘серебряная’ (цветовая окраска), мы думаем, неправомерна – эта лексема со стертой словообразовательной структурой, внутренняя форма которой была затемнена в результате многочисленных фонетических изменений и сближений с другими словами.

Анализ рассмотренного материала показывает, что для марийской ихтиологической терминологии характерно наличие нескольких параллельных наименований, т. е. синонимия. Основной причиной возникновения диалектной синонимии в названиях рыб является различные типы мотивации, положенными в основу их номинации. Есть и другие факторы – метафоризация, языковой контакт и т. д. Например, пескарь (29 названий). Пескарю присущи наименования, мотивированные несколькими признаками: по месту обитания (*ошмагол*, *kü-gol*, *rok-müktö*, *ошманюго*, *ошмайоржа*, *лүлтыгадама*, *kü-gol*), по характеру передвижения (*салтаккол*), по внешнему виду (*үдыргол*, *кумыктүрвö*), по размеру (*ньюгбйгол*), по характеру поведения (*йоржа*) по наличию чешуи (*шүман ньюго*), по несъедобности (*östa-pi-yol*, *пигол*) и немотивированные наименования (*мүктö*, *нүктö*, *юрдий*, *кадама* Г, *пагай,пи-скяр* С-3, *пискун* В, *ташпаш*, *бярде* В, *мустачи*, *j äru-ŋø*, *kozò-l’o*, *шумуран,шäпл’ийä*). Иными словами, одна и та же рыба может быть названа и по внешнему признаку, и по месту обитания и по характерной чертой поведения. Следует отметить, что развитая синонимия чаще всего характерна для названия мелких рыб, как правило, для малоценных рыб, отличающихся маленькими размерами, низкими вкусовыми качествами. Изучение названий рыб с семантической точки зрения позволяет выявить, какие признаки одних и тех же предметов послужили основанием для разного их наименования в исследуемых говорах.

По иным причинам возникает омонимия: разные рыбы могут иметь что-то общее и могут быть объединены этим общим признаком, например, *ошмагол* ‘пескарь’, ‘обыкновенный подкаменщик’ – местом обитания; *үдыргол* ‘пескарь’, ‘голавль’, ‘красноперка’ – по внешнему виду; *күртньывуй* ‘ёрш’, ‘обыкновенный подкаменщик’ – по особенности тела; или же: *кадама* Г (ПУг; СМЯ II, с.215; СГНМЯ, с.45; РМСБТ, с.66), *котама* Л (Ўпым., с.59), *када-та* (BTschW, с.36), *када-та* K hálnév / Fischname (Gründling-MK) ‘пескарь’ (Beke: 606), *кодама·kol* Mm Gründling ‘пескарь’ (TW, с.251); *кодама* ‘голавль’ (РМсл., с.82); *кадама* ‘елец’ (Линдб., с.172); *котама* (Балд., с.57; РМСБТ, с.39), *котама* (РМСБТ,

с.20) ‘озерный гольян’; *котама* (Ермак., с.62) ‘гольян речной’; *кодама* (Ўпым., с.69; СМЯ II с.364), *кодата*·М ММ, *кода-та* СЃ када·та К csik? Schlammbeißer? (Л.-‘голец’, Г.-‘пескарь’ МК) (Beke: 815). В горном наречий мари́йского языка кадама означает только ‘пескарь’, тогда как в луговом наречий – ‘голец’, ‘голавль’, ‘елец’, ‘гольян речной’, ‘озерный гольян’, в некоторых диалектах и ‘пескарь’. В данном случае многозначность является результатом переноса названия на сходные виды.

По результатам проведенного словообразовательного и семантического анализа можно констатировать, что в мари́йском языке ихтиологическая система представляет собой целостную систему, имеющие устойчивое количество объектов номинации и предназначенный для их обозначения конкретный состав лексических единиц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование посвящено историко-этимологическому анализу лексико-семантической группы ихтионимов в марийском языке. Выбранные для анализа слова – наименования рыб – включаются в тематическое поле – “понятие биологии”, внутри которого составляют лексико-семантический разряд “Рыбы”.

В основу настоящего исследования был положен комплексный подход, предполагающий рассмотрение семантики, структурно-функциональных особенностей, происхождение ихтиологической лексики.

По последним данным, в составе ихтиофауны водоёмов обследуемой территории зарегистрировано 52 вида и подвида рыб и рыбообразных. Они объединяются в 2 класса, 13 отрядов и 17 семейств. Подробный анализ получили 60 видов из 17 семейств. В результате исследования были отмечены народные названия для 53 видов рыб. Отсутствие номинации касается тех видов, которые появились в водоёмах республики Марий Эл в последнее время благодаря рыбохозяйственной деятельности (ряпушка европейская, тюлька, звездчатая пугловка, белый амур, белый и пестрый толстолобик, головешка-ротан).

В работе была проанализирована многочисленная группа слов (228 лексем), собранных из разных источников (словарей по марийскому языку, как рукописных, так и печатных отечественного издания и зарубежного), в том числе несколько названий рыб, выявленных автором в ходе опроса.

В настоящей работе по возможности подвергнуты этимологическому анализу названия рыб, входящих, как в литературную норму марийского языка, так и диалектные названия рыб, которые употребляются в речи носителей всех четырех наречий марийского языка: лугового, восточного, горного и северо-западного, которые в свою очередь объединяются в 22 говора.

В диссертации впервые дана комплексная углубленная этимологическая характеристика ихтиологической терминологии в марийском языке, введены в научный оборот несколько диалектных лексем. Пересмотрены и дополнены этимологии у значительного количества ихтионимов. Рассмотрены также этимологии у заимствованных слов с целью объяснения происхождения и исследования семантической характеристики лексемы в марийском языке.

Кроме того, для ряда ихтионимов предлагаются новые этимологические интерпретации (*ловал* ‘лещ’, *турышко*, *туришо* ‘голавль’, *шийгол* ‘сом’), которые не встречаются в этимологической литературе. Таким образом, материалы исследования пополняют этимологический фонд ихтиологической лексики.

При этимологизации исконной лексики с неясной внутренней формой использовался метод этимологического моделирования. Моделирование этимологических версий для ихтионимов с неясной внутренней формой

производится при учете результатов, полученных при анализе лексем этой тематической группы с прозрачной внутренней формой. Такой подход позволяет исключать заведомо ложные этимологические шаги. Однако недостаток подхода проявляется в том, что практически недостижимой оказывается единичная и доказательная этимология для определенной лексемы. Причина этого в тех фонетических изменениях, которые претерпевает слово, функционируя в среде принимающего языка, и которые затемняют первоначальную связь с источником. Кроме того, во многих случаях заимствованный ихтионим восходит не к современным источникам, а к тем языкам, которые функционировали на исследуемой территории в прошлом и которые, соответственно, либо сами претерпели фонетические и морфологические изменения, либо исчезли.

Как справедливо пишет О.Н. Трубачев, что мы должны согласиться с тем фактом, что древнее значение, точнее, его основные признаки нащупываются лишь приблизительно (Трубачев 2004 т.1: 215).

Большинство из древних названий ихтионимов является в настоящее время немотивированным. Трудно установить, что легло в основу их номинации, внутренняя форма была затемнена в результате многочисленных фонетических изменений и сближений с другими словами. Но, все же, опираясь на этимологический анализ, условно можно предположить, что названия рыб с затемненной корневой морфемой образованы по этим же семантическим моделям, что и названия рыб, которые в данном случае имеют прозрачную внутреннюю форму, как например, *ловал* Л, *лавал* Г 'лещ' (№40) 'что-то плоское'; *нуран* 'стерлядь' (№10) 'гладкая, покрытая слизью рыба'; *шыйгол* 'сом' (№ 182) 'нечто устрашающее; безобразная рыба'; *сукмо* 'подуст' (№76) 'рыба с острой головой или с длинным выступающим вперед носом', *лямбе* 'налим' (№ 187) 'скользящая, липкая рыба', *кыльчак* 'чехонь' (№ 130) 'меч, сабля'.

Из проанализированных нами 227 ихтионимов марийского языка к древним словам, имеющим параллели и в родственных словах, мы относим 19 названий, к заимствованной лексике – 41 слово и к собственно марийским образованиям 162 названий. Эти цифры свидетельствуют о том, что основу названий рыб составляют слова, созданные в системе марийского языка.

Наряду с исконными лексическими единицами широко распространены слова, заимствованные из других неродственных языков: тюркских (чувашского и татарского) и русского.

Анализ структуры данной лексико-семантической группы показал, что марийская народная ихтиотерминология использует общезыковые словообразовательные средства – суффиксацию, синтаксический (словосложение) и семантический (перенос названий) способы. Причем суффиксация весьма ограничено используется при образовании ихтионимов. Продуктивным способом образования ихтионимов является словосложение. Сложные двусоставные названия рыб, составленные по словообразовательной модели ИС+ИС, где первый компонент конкретизирует, уточняет, опре-

деляет второй, являются наиболее многочисленными. Значительным количеством примеров представлена и словообразовательная модель ИП+ИС, по которой образуются названия рыб в марийском языке.

В марийской ихтиологии встречаются и сложные наименования, состоящие из трех или более самостоятельных слов, выявилось и многокомпонентное составное название (*тыгъидэ лудо тўсан, ёриён пушкыдо кол* ‘вьюн’).

Для марийской ихтиологической терминологии характерно наличие нескольких параллельных наименований, т. е. синонимия. Основной причиной возникновения диалектной синонимии в названиях рыб являются различные типы мотивации, положенные в основу их номинации (пескарь *Gobio gobio*: *ошмагол, кй-gol, rok-müktö, ошманюго, ошмайоржа, лўлтыгадама, кй-gol салтаккол, ўдыргол, кумык тўрвö, ньугыгол, йоржа, шўман ньуго, õта-ри-уol, пигол, мўктö, нўктö, юрдий, кадама Г, пагай, пи-скår С-З, пискун’ В, таишаи, бårде В, мустачи, j åri-ñø, козò-Г’о, шумуран, шåпл’ийå*; краснопёрка *Scardinius erythrophthalmus*: *прамай, сўангол, йошкаршудыр, парсыну(ы)лдыр Г, якиор-синза Г, йошкар карага, ўдыр кол, сёрмаривате, сывын кол* и др.).

Вместе с тем разные виды рыб могут иметь что-то общее и могут быть объединены этим общим признаком, например, *ошмагол* ‘пескарь’, ‘обыкновенный подкаменщик’ – местом обитания; *ўдыргол* ‘пескарь’, ‘голавль’, ‘красноперка’ – по внешнему виду и др.

В процессе ономастического анализа ихтиологической лексики с прозрачной внутренней формой выявлен ряд продуктивных признаков. Наиболее продуктивными оказались признаки, характеризующие рыбу по внешним особенностям (цвету чешуи, глаз, плавников; форме тела; характерным особенностям строения частей тела).

В данной работе наряду с лингвистическим анализом лексики описываются внешний вид, образ существования и иные свойства рыб, а также роль их в жизни марийцев, которая нашла отражение в верованиях, рыболовстве, питании и т.п.

Работа не может претендовать на исчерпывающий этимологический анализ всех представленных в нём лексических единиц. Многие предложенные автором этимологии и сравнения носят предварительный характер и должны рассматриваться как материал для дальнейших этимологических изысканий. Этимологизация слова и выяснение мотивов номинации часто в какой-то мере гипотетичны и могут вызвать разногласия.

ЛИТЕРАТУРА

- Ariste, Paul 1975. Substraatseid kalanimetusi. *Keel ja Kirjandus*. nr. 8, 467–472.
- Beke, Ödön 1934. Zur geschichte der finnisch-ugrischen s-Laute. *FUF. Bd.XXII*, 90–122.
- Bereczki, Gábor 1977. Permi-cseremisiz lexikális kölczönzések. *Nyelvtudományi közlemények*. Budapest. K.9, 57–77.
- Bereczki, Gábor 1992–1994. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I–II. *Studia Uralo-Altaica* 34–35. Szeged.
- Bereczki, Gábor 2013. Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Berlin, B. 1992. Ethnobiological Classification. Principles of Categorization of Plants and Animals in Traditional Societies.
- Collinder, Björn 1955. Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Stockholm, Uppsala.
- EDH = Tóth, Alfréd 2007. Etymological Dictionary of Hungarian (ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ словарь венгерского языка).
- EES = Metsmägi, Iris; Sedrik, Meeli; Soosaar, Sven-Erik, 2012. Eesti etümolooia-sõnaraamat. *Eesti Keele Instituut. Eesti Keele Sihtasutus*. Tallinn. <http://www.eki.ee/dict/ety/>.
- EEW = Mägiste, Julius 1982–1983. Estnisches etymologisches Wörterbuch. 1–12. Helsinki.
- Häkkinen, Kaisa 2007. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva: WS Bookwell Oy.
- Hyllested, Adam 2014. Word Exchange at the Gates of Europe. https://static-curis.ku.dk/portal/files/136022384/Ph.d._2015_Adam_Hyllested.pdf
- Joki, Aulis Johannes 1973. Uralier und Indogermanen. *MSFOu* 151, 266.
- Pokorny, Julius 1959. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. 2 Bde. Francke: Bern-München.
- Räsänen, Martti 1920. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki. Société Finno-ougrienne.
- Räsänen, Martti 1923. Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki. Société Finno-ougrienne.
- Räsänen, Martti 1947. Uralilais-altailaisia sanavertailuja. Virittäjä. Helsinki
- Räsänen, Martti 1969. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der türksprachen. *LSFU XVII*, 1. Helsinki.
- Raun, Alo 1982. Eesti keele etümolooiline teatmik: (ligikaudu 5800 sõna). Rooma; Toronto: Maarjamaa.
- Riikoja, Heinrich 1927. Kodumaa kalad: abiraamat kalade tundmaõppimiseks. Tartu: Loodus.
- SKES = Toivonen, Yrjö; Itkonen, Erkki; Aulis J. Joki, 1955–1978. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VI, Helsinki.
- Kalima, Jalo 1936. Itämerensuomalaisten kielten baltilaiset lainasanat. *Suomalaisen Kirjallisuuden Seura*. Helsinki.
- Kendla, Mari 1997. Saare- ja Muhumaa kalanimetused. *Eesti Teaduste Akadeemia, Eesti Keele Instituut*. Tallinn.
- Kendla, Mari 1999. Lääne-Eesti kalanimetused. *Eesti Teaduste Akadeemia, Eesti Keele Instituut*. Tallinn.
- Kendla, Mari 2014a. Eesti kalanimetused: kujunemine, levik ja nimetamise alused. Tallinn.

- Kendla, Mari 2014b. Über die Entstehung und klassifizierung estnischer Fischbezeichnungen (http://www.kirj.ee/public/Linguistica_Uralica/2014/issue_1/ling-2014-1-29-43.pdf).
- Lehtisalo, T. 1936. Über die primären uralischen Ableitungssuffixe. *MSFOu LXXII*.
- Mäger, Mart 1973. Juhend ja nimestik kalanimetuste kogumiseks. *Eesti NSV Teaduste Akadeemia*. Tallinn.
- Mäger, Mart 1976. Eesti kalanimetustest. *Keel, mida me uurime*. Tallinn. 91–95.
- Mäger, Mart 1988. Kalanimetusi täiendavaks küsitlemiseks. Käsikiri Emakeele Seltsis.
- Mikelsaar, N. 1984. Eesti NSV kalad. Tallinn : Valgus.
- Moisio, Arto; Saarinen, Sirkka 2008. Tscheremissisches Wörterbuch. Aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjö Wichmann, Martti Räsänen, T.E. Uotila und Erkki Itkonen. Suomalais- Ugrilainen Seura. Kotimaisen Kielten Tutkimuskeskus. Helsinki.
- Morrill, W.T. 1967. Ethnoichthyology of the Cha-Cha. *Ethnology* 6, 405–416.
- Sebestyén, Irene 1935. Az uráli nyelvek régi halnevei. *NyK. Budapest. XLIX*. 1–97.
- Sebestyén, Irene 1951. Zur Frage des alten Wohngebietes der uralischen Völker. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 273–346.
- Spuhl-Rotalia, Jaan 1896. Kodumaa kalad. Kõige uuemate teaduste põhjusel kirja pannud. Viljandi.
- Szilasi, M. 1901. Cseremisiz szótár (Vocabularium Cseremissicum). Budapest.
- UEW = Rédei, Károly 1986–1991. Uralisches etymologisches Wörterbuch / Bd. 1: Uralische und finnisch-ugrische Schicht. Bd. 2: Finnisch-permische und finnisch-wolgaische Schicht. Ugrische Schicht. Bd. 3: Register. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Wiklund, K. Finnisch-ugrisch und Indogermanisch. MO, 1906. I, 55–59
- Охмэтьянов, Р.Г. 2001. Татар теленен кыскача тарихи – этимологик сузлеге. Казань: Тат. кит. нәшр.
- Аристэ, П. 1973. Вопрос о балтийских заимствованиях в финно-угорских языках. *Вопросы марийского языкознания*. Йошкар-Ола, 3–7.
- Аристэ, П. 1978. Прибалтийско-финские и иранские контакты. *Fenno – Ugristica. Труды по финно-угроведению. Вып. 5*. Тарту, 34–38.
- Ахмэтьянов, Р.Г. 1969. Этимологические основы лексики татарского языка: Дис. канд. филол. наук. Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ. Казань.
- Ахмэтьянов, Р.Г. 1978. Сравнительное исследование татарских и чувашских языков. Москва.
- Ахмэтьянов, Р.Г. 1994. Этимологический обзор дистинктивной общей лексики языков ВЯС. *Проблемы лексикологии и терминологии татарского языка*. Казань, 9–30.
- Балдаев, Х.Ф., П.Г. Ефремов 1971. Рыбы рек и озер Марийской АССР. Йошкар-Ола.
- Балдаев, Х.Ф. 1992. Марийско-русский словарь биологических терминов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- Барцева, Л.И., И.С. Галкин 2003. Кызытсе марий йылме. Йошкар-Ола.
- Берецки, Г. Финно-угорские элементы в лексике марийского языка: дис. канд. филол. наук. Л. 1957.
- Берг, Л.С. 1912. Рыбы. Фауна России. СПб, 1912. – Т. III. Вып. 1. 1–336.
- Берг, Л.С. 1940. Рыбы Финского залива. Изв. ВНИОРХ, XXIII.

- Берг, Л.С. 1948. Названия рыб и этнические взаимоотношения славян. Советская этнография. Москва.
- Березовская, Е.А. 2006. Ихтиологическая лексика в говорах Русского Севера: дисс. канд. филол. наук. Екатеринбург.
- Большаков, О.Г. 1971. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.) М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
- Бятикова, О.Н. 2003. Лексика рыболовства в татарском литературном языке: дисс. кандидат. Наук. Казань.
- Варбот, Ж.Ж. 1963. О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях. Этимология. М., 194–212.
- Варбот, Ж.Ж. 2012. Из семантического опыта этимологии. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб, 69–75.
- Валецкая, Н.Н. 1978. Языческая символика славянских архаических ритуалов. Москва.
- Васильев, В.М. (Ўпымарий) 1926. Марий мутэр. Тўрлө вэрэ илбшэ марийбн мутшым танастарэн нэргэлбмэ кнага. Моско: СССР калык-влак рўдб савыктыш (комышто: 1928).
- Вершинин, В.И. 2004–2005. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Йошкар-Ола: МарНИИ, т. I–III.
- Вершинин, В.И. 2011. Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. Йошкар-Ола.
- Вершинин, В.И. 2018. Марий мут-влак кушеч лиймышт (этимологический мутер). В 2-х т., Йошкар-Ола.
- Водные ресурсы Марий Эл. 2009. Йошкар-Ола.
- Владыкин, В.Е. 1994. Экологические, хозяйственно-культурные, социально-исторические параметры функционирования удмуртского этноса. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 40–41.
- Галкин, И.С. 1966. Историческая грамматика марийского языка. Морфология, ч. II. Йошкар-Ола.
- Галкин, И.С. 1980. К вопросу о монголизмах в марийском языке. *Вопросы грамматики и лексикологии: сб. ст. / МарНИИ*. Йошкар-Ола, 119–126.
- Галкин, И.С. 1986. Марий исторический лексикологий. Тунемме книга. Йошкар-Ола.
- Галкин, И.С. 2001. О марийско-пермских лексических параллелях. *Вопросы марийской ономастики. МарНИИ*. Йошкар-Ола, вып. 9, 3–16.
- Герд, А.С. 1988. Прибалтийско-финские названия рыб в свете этнолингвистики. *Прибалтийско-финское языкознание*. Петрозаводск.
- Гордеев, Ф.И. 1967. Балтийские и иранские заимствования в марийском языке. Происхождение марийского народа. *Материалы науч. сессии, проведенной МарНИИ (23–25 декабря 1965г.)*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 180–202.
- Гордеев, Ф.И. 1985. Историческое развитие лексики марийского языка Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. 1985.
- Гриценко, И.Д. 1964. Промысловая лексика русских рыбаков дельты Дуная. Москва.
- Грузов, Л.П. 1964. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат.
- Грузов, Л.П. 1965. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола.

- Грузов, Л.П. 1969. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола.
- Громов, В.Г. 2012. Истоки марийской лексики. Йошкар-Ола.
- Даль, В.И. 1979. Толковый словарь живого великорусского языка: в т.4. Москва.
- Егоров, В.Г. 1964. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское книжное издательство.
- Ельцов, А.А. 1993. Удмурт чорыг нимъес: (Удм.-рус. словарь назв.рыб). Вордсем кыл, № 4, 88–95., №5, 82–90.
- Ермаков, А.А. 1991. Кушкыл, янлык, кайык...Марла-рушла мутер. Йошкар-Ола.
- Ерусланов, П. 1892. Первая учебная книжка для совместного обучения черемис и русских. Изд-е 2. Казань.
- Ерусланов, П. Черемиско-русский словарь. Р. II, оп.5, ед.хр.3. Архив С-П-го ИВРАН.
- Ефремов, А.С. 1981. Названия рыб в марийских диалектах. *Вопросы марийской диалектологии*. Йошкар-Ола, 148–152.
- Ефремов, А.С. 1993. Структурно-словообразовательный анализ флористической лексики марийского языка. *Вопросы марийской ономастики*. Вып.8. Йошкар-Ола, 63–75.
- Землянички Ф. Словарь черемиско – русский. ОР и РК КГУ, № 1420.
- Золотницкий, Н.И. 1875. Корневой чувашско-русский словарь, сравненных с языками и наречиями разных народов тюркского и других племен. Казань: М-во нар. просвещ.
- Иванов, И.Г., Г.М. Тужаров 1971. Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола.
- Иванов, Н.В. 2004. География Республики Марий Эл: учеб. пособ. для общеобразов. шк. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- Илиева, А.А. 2009. Словарь балтачевского говора марийского языка. Йошкар-Ола.
- Иллич-Свитыч, В.М. 1971–1984. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). М.: "Наука".
- Исанбаев, Н.И. 1978. Лексико-сематическая классификация татарских заимствований в марийском языке. *Вопросы марийского языка: сб.ст. МарНИИ*. Йошкар-Ола, 7–51.
- Исанбаев, Н.И. 1979. Фонетическая адаптация татарских заимствований в диалектах марийского языка. Йошкар-Ола.
- Исанбаев, Н.И. 1989. Марийско-тюркские языковые контакты. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, ч.1.
- Исанбаев, Н.И. 1994. Марийско-тюркские языковые контакты (Словарь татарских и башкирских заимствований). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, ч. 2.
- Казанцев, Д.Е., Г.С. Патрушев 1972. Современный марийский язык: Лексикология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- Казанцев, Д.Е. 1979. Истоки финно-угорского родства. Йошкар-Ола: Мар.кн. из-во.
- Казанцев, Д.Е. 1980. К вопросу о месте и времени проникновения иранских слов в древне-марийский язык. *Тр. МарНИИ: сб. ст. МарНИИ*. Йошкар-Ола, Вып. 43, 90–119.
- Казанцев, Д.Е. 1985. Формирование диалектов марийского языка (В связи с происхождением марийцев). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.

- Калиев, Ю.А. 1993. О некоторых особенностях культа змеи в верованиях марийцев. *Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 80-х годов*. Йошкар-Ола.
- Кальман, Б. 1952. Русские заимствования из объ-угорских языков. *Actalinguistic*. Т. II, F2–4. 249–274.
- Кесслер, К.Ф. 1864. Описание рыб Санкт-Петербургской губернии. СПб.
- Кесслер, К.Ф. 1870. О сельдеобразных рыбах, встречающихся в Волге. СПб.
- Китиков, А.Е. Марийско-русский, русско-марийский терминологический словарь. РФ МарНИИ, оп. 2, ед. 274.
- Криничная, Н.А. 2001. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов, т. I: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах – “хозяевах”. С-Петербург.
- Круликовский, Л. 1909. Краткий очерк фауны Вятской губернии. Москва.
- Кузнецова, М.Н. 2010. Названия диких и домашних животных в марийском языке. Йошкар-Ола.
- Куклин, А.Н. 1978. Русские лексические заимствования в красноуфимском говоре. *Вопросы марийского языка: сб. ст. МарНИИ*. Йошкар-Ола, 51–58.
- Куклин, А.Н. 1998. Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ): монография. Йошкар-Ола: МГПИ им. Н.К. Крупской.
- Куклин, А.Н. 2010. История Марий Эл в географических названиях: Пособ. для учителей и учащихся. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- Куркина, Л.В. 2012. Реконструкция значения в контексте древних реалий. *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г.: в 2 ч.* Екатеринбург, Ч. 1, 192–194.
- КЭСК = Лыткин В.И., Гуляев Е.С. 1970. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука.
- Лебедева, Е.А. 1982. Чувашские названия рыб: опыт сравнительно-исторического анализа: дисс. ... канд. филол. наук: Москва.
- Лебедева, Е.В. 2011. Марий йылмысе кол лўм-влакын лиймышт нерген. *Absztrakto. XXVII IFUSCO Budapest 2011. XXVII Международная научная конференция студентов финно-угроведов*. Будапешт, 44.
- Лебедева, Е.В. 2012а. Названия головля на марийском языке. *Teesid. XXVII International Finno-Ugrist Students' Conference Tartu 8.–11.05.2012. XXVII Международная научная конференция студентов финно-угроведов. Tartu*. 94–95.
- Лебедева, Е.В. 2012б. Заимствованные ихтионимы марийского языка. *Fenno-Ugrica 2. Проблемы финно-угроведения, этнокультурных и межъязыковых контактов. Выпуск 6*. Йошкар-Ола, 146–154.
- Лебедева, Е.В. 2014а. Марийско-пермские лексические параллели в ихтионимии. *Проблемы марийской и сравнительной филологии. Сборник статей*. Йошкар-Ола, 56–60.
- Лебедева, Е.В. 2014б. Этимологическая интерпретация некоторых марийских ихтионимов. *Финно-угорский мир. №4*. Саранск, 72–77.
- Лебедев, И.Г. 2006. Значение и происхождение русских названий позвоночных животных России и сопредельных стран. Москва.
- Линдберг, Г.У., А.С. Герд 1972. Словарь названий пресноводных рыб СССР. Л.: Изво „Наука”.
- Лукоянов, Г.В. 1974. Марийские заимствования в чувашском языке. Чебоксары.
- Махек, В. 1968. Этимологический словарь чешского языка. Чехословацкая академия наук, Прага.

- Митрофанова, Е.М. 1997. Финно-угорская лексика в мордовском и марийском языках: дисс. кандид. наук. Саранск.
- Нафиков, Ш.В. 1986. Принципы номинации, структура и происхождение названий рыб в башкирском языке: дис. ... канд. филол. наук. Москва.
- ОФУЯ, 1974 = Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков) / отв. ред. В. И. Лыткин, К.Е. Майтинская, К. Редеи. М.
- ОФУЯ, 1976 = Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки) / отв. ред. В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редеи. М.
- Откупщиков, Ю.В. 2001. Очерки по этимологии. Ч. 1: Принципы и методика этимологических исследований. СПб, 6–80.
- Пекшеева, Э.И. 2011. Сложные названия марийских ихтионимов. *Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки*. Чебоксары. № 1. 248–250.
- Пекшеева, Э.И. 2011а. Основные принципы номинации марийских названий рыб. *Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки*. №2. Чебоксары. 30–332.
- Пекшеева, Э.И. 2011б. Ихтионимическая лексика марийского языка. *Ежегодник финно-угорских исследований*. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет». Вып. 2. 14–20.
- Пекшеева, Э.И. 2012. Ихтионимы и лексика рыболовства в марийском языке: дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола.
- Потевский, Н.А. 2014. Ихтиологическая номинация «мень» (*Lota lota* L.) в славянских языках. *Филология и литературоведение* № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2014/04/766> (дата обращения: 29.09.2017).
- Похлебкин, В.В. 2002. Большая энциклопедия кулинарного искусства. Кулинарный словарь.
- Разаускас, Д. 2009. Мифологическая составляющая славянской ихтиологической терминологии. *Studia Mythologica Slavica*, № XII. Ljubljana, 321–336.
- Ракин, А.Н. 1977. Лексика флоры коми языка: дисс. канд. филолог. наук. Сыктывкар.
- Ракин, А.Н. 1993. Краткий коми-русский, русско-коми зоонимический словарь. Сыктывкар: Коми кн. из-во.
- Ракин, А.Н. 2009. Ихтионимическая лексика в пермских языках. *Исследования по пермским языкам*. Сыктывкар: ООО „Изд-во „Кола“, 55–63.
- Рамстед, Г.И. 1957. Введение в алтайское языкознание. Морфология. Москва.
- РНС = Погрерла, А.П., Н.М. Терещенко 1948. Русско-ненецкий словарь. С прилож. кратк. грамм. М. ОТИЗ, Гос. изд-во иностр. и нац. словарей
- Русско – черемисский словарь, составленный Казанской Епархии Царевококшайского уезда села Шиншей ныне села Арина священником Александром Смирновым. ОР и РК КГУ, № 1146.
- Сабанеев, Л.П. 1959. Жизнь и ловля пресноводных рыб. Москва.
- Саваткова, А.А. 1969. Русские заимствования в марийском языке. *Марийск. науч.-исслед. ин-т яз., литературы и истории при Совете Министров Марийск. АССР*. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат.
- Саваткова, А.А. 1981. Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- Серебренников, Б.А. 1985. Существовала ли финно-волжская языковая общность. *Вопросы языкознания* № 2, 10–21.

- Сетаров, Д.С. 1992. Именования животных: принципы и типы мотивации в славянских и тюркских языках. *Автореф. диссер. докт. филол. наук. Москва.*
- Скворцов, М.И., А.В. Скворцова 2010. Словарь чувашско-русский и русско-чувашский. Чебоксары.
- Смирнов, А. 1867. Словарь черемисского языка. Казань. ОР и РК КГУ, № 1360.
- СМЯ = Словарь марийского языка: в 10 т. 1990–2005. Йошкар-Ола.
- Соколов, С.В. 1994. Словарь биологических терминов. Ижевск: Удмуртия.
- Соколов, С.В. 1979. Этимологии некоторых удмуртских названий рыб. *Вопросы финно-угроведения. Языкознание (тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов).* Сыктывкар, 78–79.
- Соловар, В.Н., В.Д. Гатченко 2009. Рыболовная лексика в языковой картине хантов. *Материалы научно-практической конференции.* Ханты-Мансийск, 319–328.
- Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ черемискаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года.
- СРЯ = Словарь русского языка 1986. АН СССР, Ин-т рус. яз. 3-е изд. стереотип. М.: Рус.яз., Т. 2, К-О, 736.
- Словарь русских говоров Среднего Урала. Т.7. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988, 40, 64.
- Список рыб пресных вод России. [Электронный ресурс].
<https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 29.09.2015).
- Столяров, А.А. 2007. География Республики Марий Эл: Методическое пособие. Йошкар-Ола: ГСУ ДПО (ПК) с “Мар. ин-т образования”.
- Топоров, В.Н. 2004. Исследования по этимологии и семантике. М., в 3-х т.
- Трубачев, О.Н. 2004–2005. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М., т. 1,2.
- Усачева, В.В. 2003. Славянская ихтиологическая терминология: Принципы и способы номинации. Москва.
- Фасмер, М. 1986, 1987. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Москва.
- Феденева, Г.В. 1997. Сложные слова. Коми язык. Энциклопедия. Москва, 453–454.
- Федотов, М.Р. 1985. О некоторых тюркских заимствованиях в марийском языке. *Советская тюркология.* Баку.
- Федотов, М.Р. 1990. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Под редакцией И.С. Галкина. Саранск: Изд-во Сапат. Ун-та. Саран. Фил.
- Халиков, А.Х. 1987. Балто-марийские контакты по данным языка и археологии. Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Йошкар-Ола, 81–89.
- Хаузенберг, А.Р. 1972. Названия животных в коми языке (сравнительно-исторический анализ). Таллин.
- Черных, П.Я. 1994. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т., М.: Русский язык.
- Энциклопедия Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009.
- ЭСМЯ I = Гордеев, Ф.И. 1979. Этимологический словарь марийского языка, т. 1. А-Б. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- ЭСМЯ II = Гордеев, Ф.И. 1983. Этимологический словарь марийского языка, т. 2. В-Д. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- П.-Григ. = Пуцек-Григорович, В.Г. 1775. Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка. СПб.
- Pallas = Pallas, P. 1811. Zoographia rosso-asiatica. St.-Peterburg: I-CXXV.
- № 1360 = Смирнов, А. 1867. Словарь черемисского языка. ОР и РК КГУ, № 1360 (РФ б ибл. Им. Лобачевского КГУ). Казань.
- Миллер = Миллер, Г.Ф. 1791. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб.
- № 1146 = Смирнов, А. 1869. Русско-черемисский словарь лугового наречия с предисловием, составлен священником Царевококшайского уезда села Шиньшей Александром Смирновым, ОР и ПК КГУ, № 1146. Казань.
- № 1755 = Смирнов, А. Русско- черемисский словарь лугового наречия с предисловием, составлен священником Царевококшайского уезда села Шиньшей Александром Смирновым. ОР и ПК КГУ, № 1755.
- № 1420 = Земляницкий Ф. Словарь черемисско-русский. ОР и ПК КГУ, № 1420. Составлен учителем духовного училища, Йошкар-Олинский говор.
- Ф.Вас. = Васильев, Ф. 1887. Черемисско-русский словарь. Пособие к изучению черемисского языка на луговом наречии протоерея Федора Васильева. Казань, 33–65.
- ПУг = Первоначальный учебник русского языка для горных черемис. 1892. Казань: Изд-во Православного Миссионерского Общества.
- Ерусл. = Ерусланов, П. 1892. Первая учебная книжка для совместного обучения черемис и русских. Изд-е 2. –Казань.
- Тр. = Троицкий, В.П. 1894. Черемисско-русский словарь. Казань.
- CserS = Szilasi, M. 1901. Cseremisz szótár (Vocabularium Čeremissicum). Budapest.
- BTschW = Ramsted, G. J. 1902. Bergtscheremissische sprachstudien. Nelsingfors.
- Ўпым. = Васильев, В.М. (Ўпымарий) 1926. Мариймутэр. Тўрлө вэрэиышэ-марийынмутшымтанастарэннэргэлымэмнага. Моско.
- РМсл. = Васильев, В.М. (Ўпымарий) 1928. Русско-марийский словарь (мутер).
- Балд. = Балдаев, Х.Ф., П.Г. Ефремов 1971. Рыбы рек и озер Марийской АССР. Мар. Кн. изд-во, Йошкар-Ола.
- СЗНМЯ = Иванов И.Г., Г.М. Тужаров 1971. Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола (диалектологический словарь).
- ЭСМЯ I = Гордеев, Ф.И. 1979. Этимологический словарь марийского языка, т. 1. А-Б. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- Линдб. = Линдберг Г.У., А.С. Герд 1972. Словарь названий пресноводных рыб СССР. Изд-во „Наука“, Л.
- Китик. = Китиков, А.Е. 1974. Марийско-русский и русско-марийский терминологический словарь (ботаника, зоология). РФ НБ МарНИИ, оп. 2, д.274. Йошкар-Ола.
- СТНМЯ = Саваткова, А.А. 1981. Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, (диалектологический словарь).
- РМСБТ = Балдаев, Х.Ф. 1983. Русско-марийский словарь биологических терминов. Йошкар-Ола.
- ЭСМЯ II = Гордеев, Ф.И. 1983. Этимологический словарь марийского языка, т. 2. В-Д. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- Ерм. = Ермаков, А.А. 1991. Кушкыл, янлык, кайык...Марла-рушла мутер. Йошкар-Ола.

- МРСБТ = Балдаев, Х.Ф. 1992. Марийско-русский словарь биологических терминов. Йошкар-Ола.
- Bercz. = Bereczki, G. 1992. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte II. Holland.
- Исанб. I = Исанбаев, Н.И. 1989. Марийско-тюркские языковые контакты. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- Исанб. II = Исанбаев, Н.И. 1994. Марийско-тюркские языковые контакты II ч.
- СМЯ I = Словарь марийского языка. 1990. Том I: А – З. Сост.: А.А. Абрамова, И.С. Галкин, И.Г. Иванов и др.; Гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- СМЯ II = Словарь марийского языка. 1992. Том II: И, Й, К (кабак – коса). Сост.: А.А. Абрамова, В.И. Вершинин, А.С. Ефремов и др.; Гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- СМЯ III = Словарь марийского языка. 1994. Том III: косараш – ляпкыме. Сост.: Л.И. Барцева, В.И. Вершинин, Л.П. Грузов и др.; Гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- СМЯ IV = Словарь марийского языка. 1998. Том IV: М – Ö (ма-örчыктарымаш). Сост.: А.А. Абрамова, Л.И. Барцева, В.Н. Васильев, и др.; Гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- СМЯ V = Словарь марийского языка. 2000. Том V: Ö (örчыктарыме), П. Сост.: А.А. Абрамова, Л.И. Барцева и др.; Гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- СМЯ VI = Словарь марийского языка. 2001. Том VI: Р – С. Сост.: В.И. Вершинин, И.Г. Иванов, Н.И. Исанбаев; Гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: МарНИИ.
- СМЯ VII = Словарь марийского языка. 2002. Том VII: Т. Сост.: В.И. Вершинин, В.Н. Максимов, С.С. Сибатрова, Е.А. Черашова; Гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: МарНИИ.
- СМЯ VIII = Словарь марийского языка. 2003. Том VIII: У, Ъ, Ф, Х, Ц, Ч. Сост.: А.А. Абрамова, Л.И. Барцева, В.И. Вершинин и др.; Гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: МарНИИ.
- СМЯ IX = Словарь марийского языка. 2004. Том IX: Ш, Щ. Сост.: А.А. Абрамова, Е.А. Черашова; Гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ.
- СМЯ X = Словарь марийского языка. 2005. Том X: Ы, Ъ, Э, Ю, Я. Сост.: А.А. Абрамова, И.С. Галкин, В.Н. Максимов; Гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ.
- Beke = Beke, Ödön 1997–2001. Mari nyelvjárási szótár / Tscheremissisches Dialektwörterbuch. Unter Mitarbeit von Zsófia M. Velenyák und József Erdődi. Neu redigiert von Gábor Bereczki. Bearbeitet von Margarita Kuznecova. Herausgegeben von Janos Pusztay // Bibliotheca Ceremissica. Tomus 1–9. Savariae.
- TW = Moisio Arto, Saarinen Sirkka 2008. Tscheremissisches Wörterbuch. Aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjö Wichmann, Martti Räsänen, T.E. Uotila und Erkki Itkonen. Suomalais-Ugrilainen Seura. Kotimaisen Kielten Tutkimuskeskus. Helsinki.
- Верш. = Вершинин, В.И. 2011. Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. Йошкар-Ола.
- РМСБТ 2 = Балдаев, Х.Ф. 2012. Русско-марийский словарь биологических терминов. Мар. гос. ун-т. Изд. 2-ое, доп. Йошкар-Ола.
- М-серн. говор мар.яз. = Коллективная монография (Барцева Л.И., Васильев В.Н., Иванов И.Г., Матросова Л.С., Учаев З.В.) Моркинско-сернурский говор марийского языка. Йошкар-Ола. 2012.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращенные названия языков и диалектов

алт. – алтайский язык, **арм.** – армянский язык, **азер.** – азербайджанский язык, **башк.** – башкирский язык, **белорус.** – белорусский язык, **болг.** – болгарский язык, **бур.** – бурятский язык, **венг.** – венгерский язык, **вепс.** – вепский язык, **вод.** – водский язык, **Вбалт.** – балтачевский говор восточного наречия марийского языка, **Вбелеб.** – белебеевский говор восточного наречия марийского языка, **Вбирск.** – бирский говор восточного наречия марийского языка, **Вприбел.** – прибельский говор восточного наречия марийского языка, **Г** – горное наречие марийского языка, **герм.** – германский язык, **горьк.** – горьковский говор русск. яз., **груз.** – грузинский язык, **дат.** – датский язык, **др.-нижненем.** – древненижненемецкий язык, **елаб.** – елабужский говор восточного наречия марийского языка, **емуд.** – северный говор емудского диалекта туркменского языка, **ижор.** – ижорский язык, **к.** – коми язык, **ккалп.** – каракалпакский язык, **каз.** – казахский язык, **калм.** – калмыцкий язык, **камас.** – камасинский язык, **карел.** – карельский язык, **кирг.** – киргизский язык, **кз.** – коми-зырянский язык, **кп.** – коми-пермяцкий язык, **красноуф.** – красно-уфимский говор восточного наречия марийского языка, **Л** – луговое наречие марийского языка, **лат.** – латинский язык, **латыш.** – латышский язык, **лив.** – ливский язык, **лит.** – литовский язык, **люд.** – людиловский диалект карельского языка, **мар.** – марийский язык, **марГ** – горное наречие марийского языка, **марЛ** – луговое наречие марийского языка, **манс.** – мансийский язык, **матор.** – маторский язык; **мол.** – молдавский язык, **монг.** – монгольский язык, **мордМ** – мокша-мордовский язык, **мордЭ** – эрзя-мордовский язык, **нем.** – немецкий язык, **ненец.** – ненецкий язык, **нижегор.** – нижегородский говор русск. яз., **нган.** – нганасанский язык; **ног.** – ногайский язык, **пол.** – польский язык, **рум.** – румынский язык, **сербс.** – сербский язык, **с-хорв.** – сербско-хорватский язык, **саам.** – саамский язык, **самод.** – самодийский язык, **самод. юр.** – самодийский юрацкий, **сельк.** – селькупский язык, **сиб. тат.** – диалект сибирских татар, **слвц.** – словацкий язык, **русс.** – русский язык; **тат.** – татарский язык, **тонш.** – тоншайский говор северо-западного наречия мар. яз., **ткм.** – туркменский язык, **тув.** – тувинский язык, **тур.** – турецкий язык, **тунг.** – тунгусский язык, **тюрк.** – тюркский язык, **удм.** – удмуртский язык, **узб.** – узбекский язык, **укр.** – украинский язык, **ур.** – уральский язык, **урал.** – уральский говор русск. яз., **фин.** – финский язык, **хакас.** – хакаский язык, **хант.** – хантыйский язык, **чагт.** – чагатайский средневековый средне-азиатский язык, **чеш.** – чешский язык, **чув.** – чувашский язык, **шарнг.** – шарангский говор северо-западного наречия мар. яз., **швед.** – шведский язык, **эвен.** – эвенкийский язык, **энец.** – энецкий язык, **эст.** – эстонский язык, **якут.** – якутский язык.

Названия марийских диалектов в трудах Э. Беке:

В – д. Вашинга Бирского уезда Уфимской губернии
VJ – д. Стараыяш Бирского уезда Уфимской губернии
VJp – Красный Ключ Бирского уезда Уфимской губернии
CĖ – д. Чихайдарово Царевококшайского уезда Казанской губернии
CK – д. Кўшнур Царевококшайского уезда Казанской губернии
CŪ – д. Ёшўттўр Царевококшайского уезда Казанской губернии
Ė – д. Кугу Моламас Чебоксарского уезда Казанской губернии
ĖN – д. Сминцы (Нур-сола) Чебоксарского уезда Казанской губернии
JK – д. Кубер-сола Яранского уезда Вятской губернии
JO – д. Отюково Яранского уезда Вятской губернии
JP – д. Покшта Яранского уезда Вятской губернии
JŠ – д. Шуар-Мучаш Яранского уезда Вятской губернии
JT – д. Туршо-Мучаш Яранского уезда Вятской губернии
KA – д. Архипкино Козьмодемьянского уезда Казанской губернии
KJ – д. Еласы Козьмодемьянского уезда Казанской губернии
KK – д. Замятино Козьмодемьянского уезда Казанской губернии
KM – д. Микряково Козьмодемьянского уезда Казанской губернии
KN – д. Высоково Козьмодемьянского уезда Казанской губернии
KŠ – д. Шиндирьялы Козьмодемьянского уезда Казанской губернии
M – Тоштоъял Малмыжского уезда Вятской губернии
MK – д. Карманкино Малмыжского уезда Вятской губернии
MM – д. Мамаково Малмыжского уезда Вятской губернии
P – д. Сарси Красноуфимского уезда Пермской губернии
UJ – д. Средний Ядыкбеляк Уржумского уезда Вятской губернии
UP – Петрушин Уржумского уезда Вятской губернии
US – Нижняя Сукса Уржумского уезда Вятской губернии
USj – Сабуъял Уржумского уезда Вятской губернии
V – Арба Ветлужского уезда Костромской губернии

Названия марийских диалектов в трудах А. Моисео, С. Сааринена:

O – восточный диалект
NW – северо-западный диалект
M – луговой диалект
W – горный диалект
Ob1 – Бирск, Чурево (Ю. Вихман)
Ob2 – Бирск (М. Рясанен)
Oka – Калтаса, Чашкино (Э. Итконен)
Okr – Красноуфимск, Нижний Потам (А. Генетц)
Ok – д. Большой Кильмеж (Ю. Вихман)
Ms – Сернур (Ю. Вихман)
Mm1 – Морки (Ю. Вихман)
Mm2 – Морки (В. Поркка)
Mm3 – Морки (Т.Э. Утила)
Mmu – д. Марий Ушем (Э. Итконен)

Mwo – волжский диалект, Красный яр (Э. Итконен)

Mup – Упша (Ю. Вихман)

NW – г. Яранск (Ю. Вихман)

W – Козьмодемьянск, Еласы (Ю. Вихман)

W1 – Козьмодемьянск, д. Ятуково (Э. Итконен)

KOKKUVÕTE

Ihtüonüümid mari keeles (ajaloolis-etümoloogiline analüüs)

Teema, aineistik, vahendid, teoreetiline raamistik ja struktuur

XX sajandi 90ndatest aastatest pööratakse palju tähelepanu erinevate leksikaal-semantiliste gruppide tekkimise ja funktsioneerimise küsimustele. Samas on mitmed terminoloogilised süsteemid jäänud väheuurituks. Selline on ka mari keele ihtüoloogiline sõnavara. Just see asjaolu määras käesoleva väitekirja teema valiku, mis on pühendatud mari keele kalanimetuste ajaloolis-etümoloogilisele analüüsile.

Mõningad väitekirjas analüüsitud ihtüonüümid on tuntud etümoloogilise kirjanduse kaudu. Ometi vajab suur hulk etümoloogiaid, mis kuuluvad üldtunnustatute hulka, täpsustamist ja täiendamist uue ainese tõttu, mis sisaldab unikaalseid andmeid. Seejuures tuleb märkida, et mõnede mari kalanimede päritolu kohta pole mingeid seisukohti. Lisaks sellele ei ole mõnedel uurimustes esitatud ihtüonüümidel ühest etümoloogilist selgitust. Tuleb märkida ka seda, et mitte kõik mari kalanimed ei ole kogutud ega sõnaraamatutes fikseeritud. On märgatud, et mari kalanimed kaovad või asenduvad – eeskätt vene vastetega – üsna kiiresti. Seetõttu on keeleteaduse seisukohalt väärtuslik ja aktuaalne kalade klassi kuuluvate sõnade kui tervikliku leksikaalse grupi analüüs.

Käesoleva uurimuse teema aktuaalsus on tingitud järgmistest asjaoludest:

1. antud leksikaal-temaatilise grupi ebapiisav uuritus;
2. vajadus mari keele ihtüonüümide spetsiaalse kompleksse etümoloogilise interpretatsiooni järele;
3. vajadus täiustada etümoloogiliste uuringute semantilist külge nii genuiinse kui ka laenuleksika osas;
4. vajadus üldistatult kokku võtta kõik mari rahvakeelsed kalanimetused iseseisva temaatilise sõnaraamatuna.

Väitekirja peaesmärk on mari keele sõnavara ühe grupi – kalanimetuste – ajaloolis-etümoloogiline ja sõnatuletuslik semantiline analüüs.

Püstitatud eesmärgi saavutamise nõuab järgmiste ülesannete lahendamist: 1) erinevatest allikatest kogutud ihtüonüümide klassifitseerimine; 2) ihtüoloogilise leksika etümologiseerimine; 3) kalade nimetamise motivatsioonitunnuste väljaselgitamine; 4) ihtüoloogilise sõnavara ajaloolis-geneetiliste kihtide väljaselgitamine; 5) antud temaatilise grupi sõnamoodustusviiside ja struktuuri uurimine.

Püstitatud eesmärkide lahendamiseks on kasutatud järgmisi meetodeid: võrdlev meetod, sünkrooniline ja diakrooniline analüüs geneetiliste kihtide uurimisel, termini valiku lausmeetod, sünkroonilis-kirjeldav meetod nominatsiooni uurimisel, struktuurilis-morfoloogiline meetod struktuuri tüüpide ja nimetuste moodustamise mudelite väljaselgitamisel

Üksikuid kalanimetusi esineb A. S. Jefremovi, F. I. Gordejevi, N. I. Issanbajevi töödes. Mari kalanimede uurimisele on pühendatud E. I. Pekšejeva väite-

kiri „Ихтионимы и лексика рыболовства в марийском языке“ (2012) („Ihtüönüümid ja kalapüügisõnavara mari keeles“). Pekšejeva käsitleb oma töös mari keele ihtüönüüme ja kalapüügisõnavara leksikaal-semantilise ja sõnamoodustuslikust aspektist, ta on kokku võtnud erinevates töodes esinevad kalanimede, kala kehaosade ja kalapüügivahendite etümoloogiad.

Mõnede kalanimede päritolu küsimust mari keeles on käsitlenud oma etümoloogilistes uuringutes ka teiste soome-ugri keelte spetsialistid. Nende hulgast väärivad nimetamist esijoones E. N. Setälä, Y. Wichmann, H. Paasonen, E. Itkonen, I. Sebestyén, M. Räsänen, Ö. Beke, A. Joki, K. Rédei, S. Saarinen, A. Moisis, G. Bereczki. Mari kalanimetusi on korduvalt käsitlenud ka tšuvašši keeleteadlased G. V. Lukojanov ja M. R. Fedotov. Vajalikku materjali sisaldavad ka erinevate soome-ugri ja turgi keelte etümoloogilised sõnaraamatud.

Väitekirja esimene peatükk käsitleb ajaloolis-etümoloogilist analüüsi, kus on vaadeldud ainese analüüsi meetodikat ja etümologiseerimise kaasaegseid põhimõtteid. See peatükk koosneb etümoloogilistest artiklitest, kus antakse etümoloogiline ja mõisteline selgitus 228 ihtüönüümile.

Teine peatükk on pühendatud antud temaatilise grupi analüüsile leksikaal-semantilise, onomasioloogilise ja sõnamoodustuslikust aspektist. Selles käsitletakse samuti kalanimede päritolu mari keeles.

Ihtüoloogilise leksika etümoloogiline analüüs sünkroonia ja diakroonia seisukohalt

Viimastel andmetel on uuritava territooriumi veekogude ihtüofaunas 52 kala- ja kalalaadsete liiki ja alaliiki. Nad moodustavad 2 klassi, 13 sugukonda ja 17 perekonda. Põhjalikult analüüsiti 60 liiki, mis kuuluvad 17 perekonda. Uurimise tulemusena tuvastati 53 kalaliigi rahvapärased nimetused. Nominatsiooni puudumine puudutab neid liike, mis on ilmunud Mari El Vabariigi veekogudesse viimasel ajal kalamajandusliku tegevuse tagajärjel (Euroopa rääbis, Kaspia kilu, *Benthophilus stellatus*, valgeamuur, jämepea, Kaugida unimudil).

Käesolevas töös on sooritatud kalanimede etümoloogiline analüüs, mis kuuluvad mari kirjakeele normi alla, aga ka murdelised nimetused, mida kasutatakse mari keele kõigis neljas murdes: niidu-, ida-, mäe- ja loode-mari murretes, mis omakorda jagunevad 22 murrakuks.

Väitekirjas on esmakordselt antud mari keele ihtüoloogilise terminoloogia kompleksne süvaetümoloogiline iseloomustus, teaduslikku käibesse on toodud mitmed murdelekseemid. Ümber on vaadatud ja täiendatud suure hulga ihtüönüümide etümoloogiad. Vaadeldud on ka laensõnade etümoloogiaid eesmärgiga välja selgitada nende päritolu ja lekseemi semantilise iseloomu selgitamise uurimiseks mari keeles.

Ebaselge sisemise vormiga genuinse sõnavara etümologiseerimisel kasutati etümoloogilise modelleerimise meetodit. Ebaselge sisemise vormiga ihtüönüümide etümoloogilise versiooni modelleerimist teostatakse arvesse võttes neid tulemusi, mis on saadud läbipaistva sisemise vormiga lekseemide analüüsil. Sel-

line lähenemine võimaldab eos välistada valed etümoloogilised sammud. Ometi ilmneb selle lähenemise puudus selles, et praktiliselt jääb kättesaamatuks ainuke ja tõene etümoloogia. Selle põhjuseks on need foneetilised muutused, mis toimuvad sõnas, kui see funktsioneerib vastuvõtva keele keskkonnas ja mis ähmastavad esialgset seost. Lisaks sellele, paljudel juhtudel laenatud ihtüonüüm läheb tagasi mitte kaasaegsete allikate juurde, vaid nende keelte juurde, mis funktsioneerisid uuritava territooriumil minevikus, ja vastavalt ka ise on foneetiliselt ja morfoloogiliselt muutunud või kadunud.

Enamik vanadest ihtüonüümidest on tänapäeval mittemotiveeritud. Siiski, toetudes etümoloogilisele analüüsile võib oletada, et kalade nimetused mari keeles, millel on ähmane tüve morfeem, on moodustatud sama semantilise mudeli abil kui kalade nimetused, millel on läbipaistev sisemine vorm, näiteks *ловал* Л, *лавал* Г 'latikas' (№ 40) 'miski lame'; *нуран* 'sterlet' (№ 10) 'sile, limaga kaetud kala'; *шуйгол* 'säga' (№ 182) 'miski hirmutav; kole kala'; *сукмо* 'Chondrostoma nasus' (№ 76) 'kala terava peaga või pika ninaga', *лямбе* 'luts' (№ 187) 'libe, kleepiv kala' või 'kala, mis elab mudas', *кыльчак* 'nugakala' (№ 130) 'mõõk, saabel'.

Lisaks sellele esitatakse hulga ihtüonüümidele uued etümoloogilised seletused (*нуран, нурангол* 'sterlet', *ловал* 'latikas', *турышко, туришо* 'turb', *шуйгол* 'säga'), mida ei esine etümoloogilises kirjanduses.

Kalanimede süsteem mari keeles

Analüüsitud 228 mari ihtüonüümi liigitame genuinsete sõnade hulka, millel on vasted ka sugulaskeeltes, 19 nimetust, laensõnade hulka 41 nimetust ja mari omamoodustiste hulka 168 nimetust. Need arvud annavad tunnistust sellest, et kalanimede aluseks on sõnad, mis on loodud mari keele süsteemis. Kõrvuti oma leksikaalsete üksustega on laialt levinud sõnad, mis on laenatud teistest mittesugulaskeeltest: turgi (tšuvaši ja tatari) ja vene keelest. Seega on kõnealuse sõnavara kujunemisel osalenud mitte ainult mari keele sisemised ressursid, vaid ka ekstralingvistilised faktorid.

Antud sõnade grupi leksikaal-semantiline analüüs osutab, et mari rahvalik ihtüoterminoloogia kasutab üldkeelelisi sõnamoodustuslikke vahendeid – sufiksatsiooni, süntaktilist (liitsõnad) ja semantilist (täheenduse ülekannet) viisi. Seejuures kasutatakse ihtüonüümide moodustamisel sufiksatsiooni küllaltki piiratud. Ihtüonüümide moodustamise produktiivseim viis on liitsõnade moodustamine. Kaheosalised kalade nimed moodustatakse mudeli N + N järgi, kus esimene komponent konkretiseerib, täpsustab, määratleb teist, on kõige rohkearvulisem. Märgatav arv näiteid esineb ka mudeli Ad + N alusel moodustunud sõnadest.

Mari ihtüoloogia nimetustes esineb ka liitnimetusi, mis koosnevad kolmest või enamast osisest (*тыгъидэ лудо тусан, оршён пушкыдо кол* 'karpkala').

Mari ihtüoloogilisele terminoloogiale on tüüpiline mitmete paralleelnimetuste esinemine, st sünonüümia. Põhiliseks põhjuseks murdelise sünonüümia

tekkimisele kalanimetustes on erinevad motivatsioonitüübid, mis on nominatsiooni aluseks (rünt Gobio gobio: *ошмагол*, *kü-gol*, *rok-müktö*, *ошманюго*, *ошмайоржа*, *лүлтыгада гма*, *kü-gol салтаккол*, *үдыргол*, *кумык түрвө*, *ньугъигол*, *йоржа*, *шүман ньуго*, *ошта-ри-гол*, *нигол*, *мүктө*, *нүктө*, *юрдий*, *кадама Г*, *пагай*, *пи-скяр С-3*, *пискун' В*, *ташнаш*, *бәрде В*, *мустачи*, *j âru-ηø*, *kozò-l'o*, *шумуран*, *шәпл'ийә*; roosärg Scardinius erythrophthalmus: *прамай*, *сүангол*, *йошкаришулдыр*, *парсынишү(ы)лдырГ*, *якшор-синза Г*, *йошкар карага*, *үдыр кол*, *сөрмаривате*, *сывын кол jt.*).

Samas võib erinevatel kaladel olla midagi ühist ja neid võidakse ühendada selle ühise tunnuse alusel, näiteks *ошмагол* 'rünt', 'harilik võldas' – elunemiskoha järgi; *үдыргол* 'rünt', 'roosärg' – väliskuju järgi, jne.

Läbipaistva sisemise vormiga ihtüoloogilise leksika onomasioloogilise analüüsi käigus on välja selgitatud hulk produktiivseid tunnuseid. Kõige produktiivsemaks osutuvad tunnused, mis iseloomustavad kala välist eripära (soomuste, silmade, uimede värv); keha kuju (kehaosade iseloomulikud eripärad).

Käesolevas töös vaadeldakse lisaks sõnavara keelelisele analüüsile ka kalade välimust, eluviis jm. omadusi, aga ka nende rolli marilaste elus, mis on saanud väljenduse uskumustes, kalapüügis, toitudes jne.

Käesolev väitekiri ei pretendeeri selles esitatud kõikide leksikaalsete üksuste ammendavale etümoloogilisele analüüsile. Paljud autori poolt esitatud etümoloogiad ja võrdlused omavad esialgset iseloomu ja neid tuleb vaadelda kui materjali edasisteks etümoloogilisteks uuringuteks. Sõnade etümologiseerimine ja nominatsiooni motiivide väljaselgitamine on tihti teatud määral hüpoteetiline ja võib esile kutsuda erimeelsusi.

SUMMARY

Fish names in the Mari language (historic and etymological analysis)

The subject, materials, resources, theoretical framework and structure of the research

Since the 90s of the twentieth century great attention has been paid to the issues of formation and functioning of some separate lexico-semantic groups. However, there are several terminological systems still left understudied. They include the ichthyological terms in Mari. It is a circumstance that determined the choice of the topic of the thesis which contains historical and etymological characterization of Mari fish names.

Some of the analyzed fish names are well known in the scientific literature in etymology. However, a plenty of etymologies despite being classified as common, also need clarification and complement as the new collected materials contain unique data. One should mention that the origin of some Mari fish names is unclear due to the lack of information either on the research works of Russian or foreign scientists.

Additionally, the interpretation of some fish terms is still unclear. It should be noted that not all fish names are listed and fixed in dictionaries. It is obvious that the ichthyological terms are vanishing or replaced with their Russian equivalents. That determines the value and significance of investigation of the fish names categorized as holistic lexical group from scientific-linguistic prospect.

The significance of the research topic is conditioned by:

1. the understudy of this lexical and thematic group;
2. the necessity of the specific complex etymological interpretation of Mari fish names;
3. the need for refinement of the semantic part of etymological research in the area of Mari vocabulary and borrowings;
3. the necessity of listing of all Mari fish terms in a separate dictionary.

The goal of the thesis is to conduct a historical and etymological analysis of one of the thematic groups of the Mari vocabulary, i.e. fish names.

In order to achieve the set goal completing of the following tasks is required:

- 1) classification of the fish names collected from various sources;
- 2) detecting and interpreting of the vocabulary from etymological prospect;
- 3) discovering motivational features of the fish names;
- 4) determination of the hystorical and genetic strata of ichthyological vocabulary;
- 5) studying of the structure and ways of word-formation of fish terms;

In the course of solving of the set tasks following methods were applied – comparative method; synchronic and diachronic analysis in relation to the

genetic strata; continuous sampling method; synchronism and descriptive method for analyzing the naming units; structural-morphological method for revealing the structural types and models of fish name formation. The subject of research is the Mari vocabulary related to ichthyological group.

Some of the fish names were mentioned in the research works of Mari scientists (Alexander Efremov, Fedor Gordeyev and Nickolay Isanbayev). Elvira Peksheeva's PhD thesis, *Ichthyonyms and a fishing vocabulary in Mari* (2012) is about the Mari fish names. The author of current research work aimed to study the fish terms and a fishing vocabulary in their lexical and semantic, and word-formative aspects. For this purpose she generalized the existing fish names, the components of fish and a fishing gear in the Mari language from relevant research works where they were undergone etymological analysis.

The issue of origin of some fish terms in Mari was partly studied in some etymological works of other Finno-Ugric scientists. One should name among them the names of Emil Nestor Setälä, Yrjö Vihmann, Heikki Paasonen, Erkki Itkonen, Iren Sebestyén, Martti Räsänen, Ödön Beke, Aulis Joki, Károly Rédei, Sirkka Saarinen, Arto Moisio, Gábor Bereczki. Chuvash researchers Gerald Lukoyanov, Mikhail Fedorov also referred to the Mari fish names. The etymological dictionaries in some Finno-Ugric and Turkic languages also contain the important materials.

Based on the goals and set tasks the structure of PhD thesis is the following:

First chapter presents the historic and etymological analysis within which the material analysis method and modern principles of emythologization are described. This chapter contains etymological and notional interpretation of 228 fish names.

The analysis of the given thematic group in lexical-semantic, onomasiologic and word-formative aspects is represented in the second part. This part also raises the issue of the origin of Mari fish terms.

Etymological analysis of ichthyological vocabulary from synchronistic and diachronistic prospects

According to the last research data, there are 52 fish species, subspecies and fish-like vertebrates in ichthyofauna of the Mari El region. They are divided into two classes, thirteen orders and seventeen families. Out of seventeen families sixty species were analyzed in detail. That resulted in determination of common names of fifty three fish species. The absence of folk terms of some species is caused by relatively recent fish farming which contributed to their settlement in the waters of the region (e.g. *vendace*, *Black Sea sprat*, *white amur*, *starry gobby*, *silver carp*, *bighead*, *Amur sleeper*).

The analysis of the group of fish names, comprising 228 words, is represented in thesis. All the names were collected from various sources including Mari dictionaries, manuscripts, relevant Russian and foreign publications; some terms were found out by the author in the course of survey.

Where possible, etymological analysis of fish terms was conducted in the given research work.

All the terms are either related to standard Mari or can be classified as dialecticisms, that are still in use of the speakers of four Mari dialect groups (Meadow, Eastern Hill and North-Western which are further divided into twenty subdialects).

The complex etymological characterization of Mari ichthyological terminology was represented in the thesis for the first time; some dialecticisms were later recognized as scientific terms. The majority of fish names were reconsidered and complemented in their etymological aspect. With the purpose of determination of origin and investigation of semantic features of Mari lexemes the etymology of loanwords was analyzed.

Method of etymological modeling was applied in the process of etymologization of Mari words with their opaque internal forms. Modeling of etymological versions with opaque internal forms is practiced for registering data resulted from analysis of lexemes of related thematic group also having transparent internal forms. This approach allows to exclude the knowingly false etymological conclusions. However, the lack of this approach is that an actual ordinary and argumentative etymology for a definite lexeme proves to be almost unattainable.

The reason for that is in some phonetic changes the word undergoes while functioning in a new language because of which the ties with the original source get weaker. Additionally, in many cases the borrowed fish terms are related to the previously existed languages in the area of research but not to the modern sources. That resulted either in their phonetics changes or vanishing.

In the meantime the majority of ichthyological terms are classified as unmotivated. It is hard to establish the basis of their nominations; their internal forms were obscured as a result of numerous phonetic changes and converging other words. However, based on etymological analysis one can conventionally suppose that fish terms with obscure roots were created according to the same semantic model as those terms with transparent internal forms. For example, *loval* L, *laval* G (No.40) ‘something flat’; *nuran* ‘sterlet’ (No.10) ‘a smooth fish, covered with slime’; *šijgol* ‘catfish’ (No.182) ‘something scary; an ugly fish’; *sukmo* ‘sneep’ (No.76) ‘a fish with a pointed head or nose of the similar shape’; *lyambe* ‘dog-fish’ (No.187) ‘a slick and sticky fish, inhabiting algal mat’; *kyl’čak* ‘sabre’ (No.130) ‘sword, slasher’.

Fish term system in the Mari language

Out of 228 analyzed fish names, 19 can be classified as ancient having similar terms in kindred languages; 41 words as borrowings, and 168 as Mari words. These data point to the fact that the basis for ichthyological vocabulary is a group of words created within the system of the Mari language.

Additionally to the Mari words, there are a lot of borrowings from unrelated languages – Turkic (Chuvash and Tatar) and Russian.

Structural analysis of the given lexico-semantic group allowed to reveal that morphological (suffixation), syntactic (compounding) and semantic (transfer of terms) ways of word-formation are the most common in relation to the Mari terminology.

However, suffixation is limited in this context. Compounding is a productive way of word formation. Compounds consisting of two parts are constructed by *Noun+Noun* word-formative model, and they are numerous. According to this model, the first component clarifies and determines the second one. The majority of these examples are represented with the word formative model *Adjective+Noun* which is the basis for formation of the Mari fish terms.

There are several Mari compounds, consisting of three or more independent components, and one polycomponent composite compound (*tagäde ludo tüsan, öršön puškydo kol* ‘loaches’ – literally ‘a small gray mustached fish’).

It is common for the Mari ichthyological terminology to have parallel terms, i.e. synonyms. The main reasons for emerging of dialectal synonymy are various types of motivation taken as a basis of their nominations (e.g. gudgeon *Gobio gobio* - *ošmagol; kü-gol, rok-müktö, ošman'ugo, ošmajorža, lülpygadama, kü-gol, saltakkol, üdyrgol, kumyk türvö, n'ugəgol, jorža, šüman n'ugo, öšma-pi-γol, pigol, müktö, nüktö, jurdij, kadama G, pagaj, pi-skär' S-3, piskun V, tašpaš, bärde V, šumuran, šäpl'ijä, redeye Scardinius erythrophthalmus – pramaj, süiangol, joškaršuldyr, parsynšu(y)ldyr G, jakšor-sinzä, joškar karaga, üdyr kol, örmarivate, syvyn kol* etc.)

Additionally, different fish species can have something common and be unified with this general feature. For example, *ošmagol* ‘gudgeon’, ‘freshwater sculpin’ – with their habitat; *üdyrgol* ‘gudgeon’, ‘chudd’, ‘redeye’ – with exterior etc.

In the course of onomasiological analysis of the words with transparent internal forms a group of productive features was determined. The most productive features proved to be external ones (color of scale, eyes, fins; shape of body; specifics of the parts fish body structure).

In addition to the linguistics analysis of the words, the description of exterior, way of life and some other features of fish, their role in the lives of the Mari are given. All that was partly reflected in traditional beliefs, fishing, cuisine etc.

The research work can not be considered an exhaustive etymological analysis of all presented lexical units. A plenty of etymologies and comparisons offered by the author can be characterized as preliminary study and should be considered as a basis for further etymological research. Word etymologization and revealing of the motives of nominations are frequently hypothetical and may cause raising controversies.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Список информантов

- Алексеев Дмитрий Иванович 1981 г. р., д. Шойдум Куженерского района Республики Марий Эл
- Алексеева Светлана Васильевна 1985 г. р., с. Сотнур Волжского района Республики Марий Эл
- Веткин Владимир Николаевич 1981 г. р., д. Веткино Сернурского района Республики Марий Эл
- Воронин Сергей Вячеславович 1983 г. р., д. Мари-Купта Мари-Турекского района Республики Марий Эл
- Лебедев Александр Васильевич 1983 г. р., д. Старое Крещено Оршанского района Республики Марий Эл
- Лебедев Андрей Васильевич 1995 г. р., д. Старое Крещено Оршанского района Республики Марий Эл
- Синичкин Сергей Александрович 1983 г. р., д. Кожланангер Горномарийского района Республики Марий Эл
- Тихонов Алексей Николаевич 1977 г. р., д. Старое Крещено Оршанского района Республики Марий Эл
- Тихонова Ульяна Александровна 1928 г. р., д. Старое Крещено Оршанского района Республики Марий Эл
- Чуриков Александр Иванович 1983 г. р., д. Чуриково, Мари-Турекского района Республики Марий Эл

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Марийско-русский словарь ихтионимов

В предлагаемый словарь включен весь корпус названий пресноводных рыб в марийском языке, которые автору удалось собрать во всех наречиях марийского языка (более 228 наименований). Цель словаря – представить в алфавитном порядке лексику одной тематической группы – ихтионимов.

В качестве источника материала использовались рукописные и печатные словари XVII-XIX веков, хранящиеся в архивах Казанского университета и МарНИИЯЛИ, многочисленные словари по марийскому языку и его диалектам, появившиеся в советское и постсоветское время, диалектный словарь марийского языка Эдена Беке (1997–2001), марийский словарь под редакцией А. Моисио и С. Сааринен (2008), а также диалектные материалы по опросу, записанные автором в разных районах Марий Эл (2010–2013).

Ихтионимы расположены в алфавитном порядке. Словарные статьи открываются заголовочными единицами луговых марийцев, потом подаются наименования, представленные в другом марийском наречии или говоре. Даются названия населенных пунктов, указывающих на то, где данное слово зафиксировано. Отдельные значения многозначных слов нумеруются арабскими цифрами. Пометой диал. обозначены названия, для которых не имеется точных сведений об ареале распространения.

Ихтионимы, приводимые из различных источников, сохраняют принципы орфографии оригинала. В скобках приводится латинский эквивалент наименования.

В дальнейшем словарь может использоваться как источник исторического состава и словообразовательной системы данного языка.

Сокращения

В – восточное наречие марийского языка

Вар. – подговор д. Варали (Варале) Алнашского района Удмурдии

ВИжБ – подговор деревни Верхняя Иж-Бобья (Пови) Малопургинского района Удмурдии

Г – горное наречие марийского языка

Гонд. – д. Марийское Гондырево (Маскиял) Алнашского района Удмурдии

белеб. – белебеевский говор

бирск. – бирский говор

блтч. – балтачевский говор

Бырг. – д. Быргында (Пыргынде) Каракулинского район Удмурдии

Кадр. – подговор с. Кадряково (Кадрек) Агрызского района Татарстана

Княг. – д. Княгоры (Курыкумбал) Кукморского района Татарстана

Кожл. – д. Кожланангер Горномарийского района Республики Марий Эл

красноуф. – красноуфимский говор

Кукл. – подговор д. Старый Куклюк (Кўплык) Елабужского района Татарстана

кукм. – кукморский говор

Л – луговое наречие марийского языка

мамад. – мамадышский говор

МКуп. – Мари-Купта Мари-Турекского района Республики Марий Эл

морк.-серн. – морко-сернурский говор

Нырг. – д. Нырганда (Ныргындыш) Каракулинского района Удмурдии

П. – д. Мари-Буляр (Пӧлер) Муслюмовского района Татарстана

Пел. – с. Пелемеш Агрызского района Татарстана

прибел. – прибельский говор

С-З – северо-западное наречие марийского языка

Сар. – подговор д. Марийский Сарамак (Сармак) Кизнерского района Удмурдии

Ст. Кр. – д. Старое Крещено Оршанского района Республики Марий Эл

Ст.Тор. – с. Старый Торъял Новоторъяльского района Республики Марий Эл

Торешкюбар – д. Торешкюбар Сернурского района Республики Марий Эл

Чодр. – д. Чодраял Куженерского района Республики Марий Эл

Шия – д. Большая Шия (Куго Шия) и д. Каргали (Коракъял) Мамадышского района Татарстана

Шойдум – д. Шойдум Куженерского района Республики Марий Эл

В – д. Вашинга Бирского уезда Уфимской губернии;

ВJ – д. Стараъяш Бирского уезда Уфимской губернии

ВJр – Красный Ключ Бирского уезда Уфимской губернии

СС – д. Чихайдарово Царевококшайского уезда Казанской губернии

СК – д. Кўшнур Царевококшайского уезда Казанской губернии

СЎ – д. Ўшўттўр Царевококшайского уезда Казанской губернии

Ѓ – д. Кугу Моламас Чебоксарского уезда Казанской губернии

ЃN – д. Сминцы (Нур-сола) Чебоксарского уезда Казанской губернии

JO – д. Отюково Яранского уезда Вятской губернии

JЃ – д. Шуар-Мучаш Яранского уезда Вятской губернии

KA – д. Архипкино Козьмодемьянского уезда Казанской губернии

KJ – д. Еласы Козьмодемьянского уезда Казанской губернии

KN – д. Высоково Козьмодемьянского уезда Казанский губернии

KЃ – д. Шиндиръялы Козьмодемьянского уезда Казанской губернии

M – Тоштоъял Малмыжского уезда Вятской губернии

МК – д. Карманкино Малмыжского уезда Вятской губернии

MM – д. Мамаково Малмыжского уезда Вятской губернии

UJ – д. Средний Ядыкбеляк Уржумского уезда Вятской губернии

US – Нижняя Сукса Уржумского уезда Вятской губернии

USj – Сабуъял Уржумского уезда Вятской губернии

V – Арба Ветлужского уезда Костромской губернии

NW – северо-западный диалект

W – горный диалект

Ob1 – Бирск, Чурево (Ю. Вихман)
 Oka – Калтаса, Чашкино (Э. Итконен)
 Okr – Красноуфимск, Нижний Потам (А. Генетц)
 Ok – д. Большой Кильмеж (Ю. Вихман)
 Ms – Сернур (Ю. Вихман)
 Mm1 – Морки (Ю. Вихман)
 Mmu – д. Марий Ушем (Э. Итконен)
 Mwo – волжский диалект, Красный яр (Э. Итконен)
 Mur – Упша (Ю. Вихман)
 W – Козьмодемьянск, Еласы (Ю. Вихман)
 W₂ – Козьмодемьянск, д. Ятуково (Э. Итконен)

агачак В прибел., агасак диал. жерех (*Aspius aspius*).
айзагол диал. жерех (*Aspius aspius*).
азау В белеб., бирск., **ӓз’ӓӱ В, айз’ау В** блтч. голавль (*Squalius cephalus*).
алдырмыж диал. обыкновенная щука (*Esox lucius* Linne).
аришка Бырг. вид мелкой ручьевой рыбы.
бӓрде В пескарь (*Gobio gobio*).
белуга Л белуга (*Huso huso*).
быч Нырг. бычок-кругляк (*Neogobius melanostomus*).
вакleshка язь (*Leuciscus idus*).
вишкыле Л, Шойдум, **бискыл’е** мор.-серн., **вишкиле** Ст.-Тор., **вискыле** Чодр., Торешкюбар ‘малявка, мелкая рыба, плавающая поверху’, **βiškəl’э** Ms, **βiškil’э·BJ, βi·škəl’э** UP Usj US UJ 1. уклея (*Alburnus alburnus*); 2. верховка, или обыкновенная верховка или овсянка (*Leucaspius delineatus*); 3. малявка, мелкая рыба, молодь рыб.
вйун, вйункол С-З, **вьюн кол** Г вьюн (*Misgurnus fossilis*).
вӱргеньыкол ручьевая, озёрная форель или кумжа (*Salmo trutta*).
вӱтӱмбал верховка, или обыкновенная верховка или овсянка (*Leucaspius delineatus*).
горчак горчак амурский (*Rhodeus sericeus*).
жерек, жерих, жерык Л, **жерок** Г **жерех** (*Aspius aspius*).
изивишкыле 1. верховка, или обыкновенная верховка или овсянка (*Leucaspius delineatus*); 2. вьюн (*Misgurnus fossilis*).
имангол девятииглая колюшка (*Pungitius pungitius*).
име кол, имкол Л, **имыгол, имкол** Г рыба-игла (*Syngnathus abaster*).
иш белорыбица, нельма (*Stenodus leucichthys*).
иянюго обыкновенная щиповка (*Cobitis taenia*).
ija-yol Ms европейская ручьевая минога (*Lampetra planeri*).
йӓвӓла Г уклея (*Alburnus alburnus*).
йорш красноуф., **joſ-kol** UJ обыкновенный ёрш (*Acerina cernua*).
йошкар карага Шойдум краснопёрка (*Scardinius erythrophthalmus*).
йошкарге карась Шойдум карась (*Carassius carassius*).
йошкаршулдыр Л, **якшаршылдыр** Г, **йошкар шу(ы)лдыр** П. краснопёрка (*Scardinius erythrophthalmus*).

йунгол Г, **йуникол** С-З 1. вьюн (*Misgurnus fossilis*); 2. европейская ручьевая минога (*Lampetra planeri*).
j êru·ŋø (йуронго, юронго) ЮО пескарь (*Gobio gobio*); 2. **jurŋø** Окр обыкновенный ёрш (*Acerina cernua*).
кадама елец (*Leuciscus leuciscus*).
карака Л, **кар·кă** С-З, **кăрăкă** В прибал. карась (*Carassius carassius*).
карас карась (*Carassius carassius*).
карп карп (*Cyprinus carpio*).
качыгарас горчак амурский (*Rhodeus sericeus*).
кельдевач **молы** Г **кельде** **пач** **молы** Г верховка, или обыкновенная верховка или овсянка (*Leucaspius delineatus*).
кишкывуй Л, **кйшкывуй** Г вьюн (*Misgurnus fossilis*).
кишкыгол Л, **кйшкйгол** С-З, **кйшкыгол** Г, **ки·шке-кол** П., **kiškekol** Ока, **kiškə-γo·l** Ок, **kiškə kol** Мм, **kəškə·γol** 1. вьюн (*Misgurnus fossilis*); 2. европейская ручьевая минога (*Lampetra planeri*); 3. каспийская минога (*Caspiomyzon wagneri*).
кишкынюго Л 1. вьюн (*Misgurnus fossilis*); 2. европейская ручьевая минога (*Lampetra planeri*).
kəškə-pi-γo·l Мур вьюн (*Misgurnus fossilis*).
коговуй Г обыкновенный подкаменщик (*Cottus gobio*).
кодама 1. голец (*Nemacheilus barbatulus*); 2. голавль (*Squalius cephalus*).
кокмаоланге Шойдум обыкновенный ёрш (*Acerina cernua*).
коломи-пягдаш голавль (*Squalius cephalus*).
косарголчехонь (*Pelecus cultratus*).
котама Л, **кадама** Г 1. пескарь (*Gobio gobio*); 2. ручьевая, озёрная форель или кумжа (*Salmo trutta*); 3. хариус европейский (*Thymallus thymallus*); 4. голец (*Nemacheilus barbatulus*); 5. озёрный голянь (*Phoxinus phoxinus*).
кугу-коль, **kugu-kol** белуга (*Huso huso*).
кумыктүрвө пескарь (*Gobio gobio*).
кутема хариус европейский (*Thymallus thymallus*).
кушбаш В прибал. голавль (*Squalius cephalus*).
күвал голянь речной (*Phoxinus phoxinus*).
күвуй 1. обыкновенный подкаменщик (*Cottus gobio*); 2. бычок-кругляк (*Neogobius melanostomus*); 3. обыкновенный ёрш (*Acerina cernua*).
күнюго 1. голянь речной (*Phoxinus phoxinus*); 2. обыкновенный подкаменщик (*Cottus gobio*).
күртньывуй 1. обыкновенный ёрш (*Acerina cernua*); 2. обыкновенный подкаменщик (*Cottus gobio*).
күртнйгол Л, **kürtn'ö-kol** Ї, **кү·ртн'ыгол** обыкновенный подкаменщик (*Cottus gobio*).
кыльчак, **кылчак** Л, **kəl'čak**, **kəl'd'žak** Ї чехонь (*Pelecus cultratus*).
кырпычвуй 1. бычок-кругляк (*Neogobius melanostomus*); 2. обыкновенный подкаменщик (*Cottus gobio*).
кырты диал., **kərti** Ї, **kirti** Мво обыкновенный ёрш (*Acerina cernua*).

кырш Л, кӱрш, кӱрышГ, *kêrê·š* ČN JT, *kê·rêš* CČ, *kê·rš* CÜ, *kərš* KN, *kə·rəš* KA KJ, *kêrš* / *kêrê·š* Mmu, *krê·š* Mup, *kə·rəkʏš* NW, *kə·rəš* W₁, *kərš* W₂обыкновенный ёрш (*Acerina cernua*).

кӱркӱ Сар., Кукл. малявка, мелкая рыба.

kolama: k.- šereŋge МК плотва обыкновенная (*Rutilus rutilus*).

kozò·l'o JT пескарь (*Gobio gobio*).

kurja-kol МК малявка, мелкая рыба.

kü-gol UJ пескарь (*Gobio gobio*).

лавыранюго морк.-серн. мелюзга, мелкая рыба.

лапка-коль лещ (*Abramis brama*).

лен' С-3 линь (*Tinca tinca*).

леща, лёша, лоси Ст. Кр. лещ (*Abramis brama*).

ловал Л, лавал Г, **loβal**, **loβa·l** Ob₁Mm₁Mwo Mup, **lopa·l** Ok, **la·βal** W Ok Mup W Mm, Mwo, **loβa·l** М ММ, **loβa·l** СК Č JT, **lopa·l** МК, **la·βal** JO JP K, **lafká** Mwo, **лова·л** Шия лещ (*Abramis brama*).

лӱлпыгадама Г 1. голянь речной (*Phoxinus phoxinus*); 2. пескарь (*Gobio gobio*).

лӱлпыгол Г 1. голянь речной (*Phoxinus phoxinus*);

лямбе диал. налим (*Lota Lota*).

lopa la·š (*izəra·k lopa·l*) МК, **lopala·š** МК (подлещик) лещ (*Abramis brama*).

майма Сар., Кукл., мамад. малявка, мелкая рыба.

марин'уго (= мариго·л), **марнюго** Ныр. мелкая ручьевая рыба;

мӱнгыгол Г европейская ручьевая минога (*Lampetra planeri*).

мен, менгол диал. налим (*Lota Lota*).

мокшыноч Л, **мокшӱнцӱ** С-3, **mokšêndzo·** Ob₁, **mokšêndzo·** Ob₂, **mo·kʏšundzo** Ok, **mokʏši·ndzə** Ms, **mokʏši·nDZə** Mm₁, **mo·kšindžə** Mm₂, **mo·kšênDZε** Mup налим (*Lota Lota*).

мольо, мылье Л, **mâl'e** СК Č, **mò·l'o** UT, **мó·l'â** К, **мольы** Г 1. малявка, мелкая рыба; 2. уклея (*Alburnus alburnus*).

муляшка диал. уклея (*Alburnus alburnus*).

мустачи диал. пескарь (*Gobio gobio*).

мӱктӱ Л, **мӱкты** Г 1. Г голавль (*Squalius cephalus*); 2. Л, Гелец (*Leuciscus leuciscus*); 3. Л пескарь (*Gobiogobio*).

налим налим (*LotaLota*).

нуран, нурангол стерлядь (*Acipenserruthenus*).

нуж, нужгол Л, **нуж(го·л)**, **ну(ы)ж** Шия, **ныж**Карг. обыкновенная щука (*Esox lucius* Linne).

нужиге шурёнок.

нюго 1. верховка, или обыкновенная верховка или овсянка (*Leucaspius delineatus*); 2. обыкновенная щиповка (*Cobitistaenia*).

нӱкташ елец (*Leuciscus leuciscus*).

ньюгӱгол пескарь (*Gobiogobio*).

нюкто Л, **nüktö** CČ, **n'ukto**, **n'ukta·Mm₁**, **n'üktö** Mup, **н'үктӱ** Гонд. 1. пескарь (*Gobio gobio*); 2. елец (*Leuciscus leuciscus*).

одыгол диал. обыкновенный судак (*Lucioperca lucioperca*).

олангеЛ, алангыГ, **olange** PB M UJ CČ, **ola·ŋgê** MK UP, **ola·ŋGe** JT, **ala·ŋGê** JP V, **ala·ŋgê** JO K окунь (*Perca fluviatilis*).

охырецкол Г снеток (*Osmerus eperlanus* m. *Spirinchus*).

ошкарака серебряный карась (*Carassius auratus gibelio*).

ошкарасГ, ошекарась Шойдум серебряный карась (*Carassius auratus gibelio*).

ошкол белуга (*Huso huso*).

ошмагол 1. пескарь (*Gobio gobio*); 2. обыкновенный подкаменщик (*Cottus gobio*).

ошманюго пескарь (*Gobio gobio*).

ошта- d'orža (ошмайоржа) МК пескарь (*Gobio gobio*).

òšta-pi-yol (ошмапигол) JT пескарь (*Gobio gobio*).

пагай, paɣa·i 1. В М ММ МК UP USJj US, ВИЖБ обыкновенный ёрш (*Acerina cernua*); 2. Вар. пескарь (*Gobio gobio*).

пардаш Л, **pärdäšГ, pardaš,pä·rdäš, pardaš** Ob₁ Ob₂ Ms Mm Mmu Mup, **parða's** Ok, **pä·rdäškʷ** NW, **pä·rdäš** W, Aland Ob Ms Mm_{1,2} Mup NW W₁, парда·скукм. язъ (*Leuciscus idus*).

парсыншу(ы)лдыр Г краснопёрка (*Scardinius erythrophthalmus*).

пекракол В русский осётр (*Acipenser gueldenstaedtii*).

перша Г берш (*Lucioperca volgensis*).

пигол 1. Г обыкновенная щиповка (*Cobitis taenia*); 2. Л вьюн (*Misgurnus fossilis*); 3. голец (*Nemacheilus barbatulus*).

пийагай обыкновенный ёрш (*Acerina cernua*).

пийгол 1. обыкновенный ёрш (*Acerina cernua*); 2. пескарь (*Gobio gobio*).

пийгырыш, пигырыш обыкновенный ёрш (*Acerina cernua*).

пийоланге обыкновенный ёрш (*Acerina cernua*).

пинюго, пиньуго 1. обыкновенная щиповка (*Cobitis taenia*); 2. вьюн (*Misgurnus fossilis*); 3. голянь речной (*Phoxinus phoxinus*)/

пи·скяр С-3 пескарь (*Gobio gobio*).

пискун' Вклтс, писко·н Кукл., писк·н' Пел.

пискѣ С-3 вьюн (*Misgurnus fossilis*).

писыгол быстрянка (*Alburnoides bipunctatus*).

питыр (устар.) Г вьюн (*Misgurnus fossilis*).

подузы Г подуст волжский (*Chondrostoma nasus variabile*).

порель форель ручьевая, озёрная форель или кумжа (*Salmo trutta*).

пёртшыгол Г, **пёршы** Г волжская сельдь (*Alosa volgensis*).

пурыш, юлысо пурыш подуст волжский (*Chondrostoma nasus variabile*).

пычынуж, пычинуж Г щуренок

прамай краснопёрка (*Scardinius erythrophthalmus*).

пундүрвö Л, **пындёрвѣ** Г, **ph·n-derβə, pən-türβü** JO, **pun-dürβâ** UP, **pun-türβö** UJ, **pən türβ ü**JO, **pên-dərβə** K K JO, **pên-dərβə** W₁ 1. голец (*Nemacheilus barbatulus*); 2. обыкновенная щиповка (*Cobitis taenia*).

рокмүктö 1. С-3 вьюн (*Misgurnus fossilis*); 2. Л пескарь (*Gobio gobio*).

ротан ротан (*Perccottus glenii*).

сазан сазан (*Cyprinus carpio*).

салтаккол Г пескарь (*Gobio gobio*).
севрюга севрюга (*Acipenser stellatus*).
селедка, сэлэдка, сэльёдка-кол, селёдко, селёдка, сельдь сельдь-черноспинка (*Alosa kessleri*).
сильди Г, **sil'di: s.-mòl'â** К, **sil'di, si'ldi** W₁, **сильди мольи** Кожл. уклейка (*Alburnus alburnus*).
сёрмаривате краснопёрка (*Scardinius erythrophthalmus*).
стерляк, ыстерлăк Г стерлядь (*Acipenser ruthenus*).
судак Л, **судок** Г обыкновенный судак (*Lucioperca lucioperca*).
сѳангол краснопёрка (*Scardinius erythrophthalmus*).
сѳгѳ, сѳгѳгол Л, **чѳгăкол** В прибел.
сывын кол краснопёрка (*Scardinius erythrophthalmus*).
сырка пелядь (*Coregonus peled*).
su·kmo (сукмо) Ок подуст волжский (*Chondrostoma nasus variabile*).
soroka·(šereŋge) В плотва обыкновенная (*Rutilus rutilus*).
талдаш 1. густера (*Blicca bjoerkna*); 2. елец (*Leuciscus leuciscus*).
тарашкы, тарашка Г густера (*Blicca bjoerkna*).
ташпаш В клтс. белеб. пескарь (*Gobio gobio*).
ташпагай ВИЖБ обыкновенный ёрш (*Acerina cernua*).
тото Л, **таты** Г линь (*Tinca tinca*).
туршо, турышко Л, **tørø·ško** СС Јт, **tru·ško** ЈР, **trù·škă** ЈО ЈТ, **tørø·ško kol** СС голавль (*Squalius cephalus*).
турѳшко ньуго (Ўпым.) голавль (*Squalius cephalus*).
тумыгол 1. голавль (*Squalius cephalus*); 2. сельдь-черноспинка (*Alosa kessleri*).
тѳгѳдэ лудо тѳсан, ѳршѳн пушкыдо кол Ўпым. вѳюн (*Misgurnus fossilis*).
тѳыкса (устар.) щуренок.
ѳдыргол МКуп. 1. голавль (*Squalius cephalus*); 2. пескарь (*Gobio gobio*).
чабак, чебак лещ (*Abramis brama*).
чавай, чавак В плотва обыкновенная (*Rutilus rutilus*).
чакон Л, **чо'хонь, чо'конь** Г, **чахонь** Ст.Кр. чехонь (*Pelecus cultratus*).
чара ньуго Ўпым. голец (*Nemacheilus barbatulus*).
чорагай В Кадр. обыкновенная щука (*Esox lucius Linne*).
чортан В, **tšolta·n** М, **tšurta·n** СК, **tšorta·k** ČН, **tšortan-kol** обыкновенная щука (*Esox lucius Linne*).
чѳнча, чѳнчѳ, чѳнчы жерех (*Aspius aspius*).
чѳнжѳ голавль (*Squalius cephalus*).
шаба Нырг. подлещик (лещ (*Abramis brama*)).
шамба налим (*LotaLota*).
шапкагол Л уклейка (*Alburnusalburnus*).
шаранюго Л голянь речной (*Phoxinusphoxinus*).
шăклей С-З уклейка (*Alburnusalburnus*).
шăпл'нийă В пескарь (*Gobiogobio*).
шемгол линь (*Tincatinca*).
шемшудыр 1. лещ (*Abramis brama*); 2. белоглазка (*Abramissapa*).

шеренге Л, **шярӑнгӑ** Г, **шеренкӑ** С-З, **шаре-нге** Княг. плотва обыкновенная (*Rutilus rutilus*).
шийгол Л, **шигол** Г сом (*Silurus glanis*).
шоврига Л, **шӧврига**, **сӧвригӑ** Г севрюга (*Acipenser stellatus*).
шопа 1. белоглазка (*Abramis sapra*); 2. синец (*Ballerus ballerus*).
шӧртньыгол карась (*Carassius carassius*).
шувач Г 1. белоглазка (*Abramis sapra*); 2. синец (*Ballerus ballerus*); 3. густера (*Blicca bjoerkna*).
шувачшопа Г 1. белоглазка (*Abramis sapra*); 2. синец (*Ballerus ballerus*).
шӱманньуго Ёпым., **шеманюго** Шойдум пескарь (*Gobio gobio*).
шылагол, **шыла**, **шлагол**, **шла** Л, **сыла** В обыкновенный судак (*Lucioperca lucioperca*).
шӱльымольо верховка, или обыкновенная верховка или овсянка (*Leucaspis delineatus*).
шымрожангол Л, **шӱмыражангол** Г 1. европейская ручьевая минога (*Lampetra planeri*); 2. каспийская минога (*Caspiomyzon wagneri*); 3. речной угорь (*Anguilla anguilla*).
шым согарожан кол европейская ручьевая минога (*Lampetra planeri*).
шӱвы С-З мелкая рыба.
šim-yol В налим (*Lota lota*).
юн, **юнгол** Г вьюн (*Misgurnus fossilis*).
юрдий, **юрди** диал., **йӱрди**, **нӱрди** Ёпым., **йурдий**, **jurdi** Ms, Мур, **jurdi-kol** Ms пескарь (*Gobio gobio*).
язга Л, **d jažga** ČN, **d jažga-kol** ČN язь (*Leuciscus idus*).
якшарсӱнзӑ Г 1. плотва обыкновенная (*Rutilus rutilus*); 2. краснопёрка (*Scardinius erythrophthalmus*).

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Имя:	Елена Воронина
Дата рождения:	29 декабря, 1979
Место рождения:	Республика Марий Эл (Марийская АССР), Оршанский район, д. Старое Крещено
Гражданство:	Российская Федерация
e-mail:	lebedok1979@mail.ru
Образование:	
1986–1995	Старокрещенская основная школа, д. Старое Крещено, Оршанский район, Республика Марий Эл, Российская Федерация
1995–2000	Оршанский высший педагогический колледж, п. Оршанка, Оршанский район, Республика Марий Эл
2000–2003	Марийский государственный педагогический Институт им Н.К. Крупской, дошкольный факультет, г. Йошкар-Ола
2009–2018	Тартуский университет, Институт эстонского и общего языкознания, финно-угорские отделение, докторант
Профессиональный опыт:	
2000–2005	Воспитатель в МБДОУ «детский сад ‘Росинка’»
2013 (14.02–23.05)	преподавание эстонского языка, институт финно-угроведения Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола

ELULOOKIRJELDUS

Nimi: Elena Voronina
Sünniaeg: 29. detsembril 1979
Sünnikoht: Staroye Kreshcheno k., Oršanka rajoon, Marimaa Vabariik, Venemaa
Kodakondsus: Vene
E-post: lebedok1979@mail.ru

Haridus:
1986–1995 Starokreshcheni põhikool, Staroye Kreshcheno k., Oršanka rajoon, Marimaa, Venemaa
1995–2000 Oršanka kõrgem pedagoogiline kolledž, Oršanka, Oršanka rajoon, Marimaa
2000–2003 Krupskaja-nimeline Mari Riiklik Pedagoogiline Instituut, koolieelne osakond
2009–2018 Tartu Ülikooli, doktoriõpe, eesti ja soome-ugri keeleteadus

Teenistuskäik:
2000–2005 Lasteaiakasvataja MBDOU «Rosinka», Joškar-Ola
2013 (14.02–23.05) eesti keele õpetamine, Mari Riiklik Ülikool, soome-ugri instituut, Joškar-Ola

DISSERTATIONES PHILOLOGIAE URALICAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS

1. **Ольга Ерина.** Частицы в мордовских языках. Тарту, 1997, 150 с.
2. **Людмила Карпова.** Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997, 224 с.
3. **Инна Тимиряева.** Лексика одежды в марийском языке. Тарту, 1997, 136 с.
4. **Софья Чеснакова.** Марийская поэма. Тарту, 1998, 162 с.
5. **Triinu Ojamaa.** Glissando nganassaani muusikas. Morfoloogiline, süntaktiline ja semantiline tasand. Tartu, 2000, 176 lk.
6. **Niina Aasmäe.** Stress and quantity in Erzya. Tartu, 2006, 205 p.
7. **Светлана Едыгарова.** Категория посессивности в удмуртском языке. Тарту, 2010, 288 с.
8. **Valts Ernštreits.** Liivi kirjakeele kujunemine. Tartu, 2010, 224 p.
9. **Florian Siegl.** Materials on forest enets, an indigenous language of northern Siberia. Tartu, 2011, 456 p.
10. **Александр Пустяков.** Названия исчезнувших селений Республики Марий Эл (структурно-семантический и историко-этимологический анализ). Тарту, 2011, 281 с.
11. **Елена Рябина.** Основные цветообозначения в пермских языках. Тарту, 2011, 262 с.
12. **Николай Кузнецов.** Пространственная семантика местных падежей коми языка (когнитивный анализ). Тарту, 2012, 244 с.
13. **Tiina Rüütmaa.** Kontrastiivne ülevaade kõneviisisüsteemist ungari ja eesti kõrvallauses. Tartu, 2014, 240 lk.
14. **Николай Ракин.** «Калевала» на коми языке в контексте некоторых аспектов теории и практики художественного перевода. Тарту, 2014, 340 с.
15. **Tuuli Tuisk.** Livonian word prosody. Tartu. 2015, 164 p.
16. **Кристина Юзиева.** Марийская орнитонимическая лексика в этнолингвистическом освещении. Тарту, 2016, 250 с.
17. **Елена Ласточкина.** Лексико-семантические особенности омонимов в марийском языке. Тарту, 2016, 207 с.
18. **Валентина Булыгина.** Речевой этикет в социолнгвистическом аспекте (на материале марийской и эстонской коммуникативных культур). Тарту, 2017, 136 с.
19. **Eva Saar.** Isuri keele Soikkola murde sõnamuutmissüsteem. Tartu, 2017, 224 lk.